

ISSN 0869-4427

Отечественные
АРХИВЫ

1

2008

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Факультет подготовки, переподготовки и повышения квалификации «Архивная школа»

«Архивная школа» имеет лицензию и аккредитацию в рамках Российского государственного гуманитарного университета на ведение всех видов образовательной деятельности. Обучение в «Архивной школе» предназначено для повышения профессиональных знаний в области делопроизводства и архивного дела:

- второе высшее образование по специальностям:

030402 «Историко-архивоведение», квалификация – «историк-архивист»;

032001 «Документоведение и документационное обеспечение управления», квалификация – «документовед», специализация «Документовед – специалист по документированию деятельности кадровой службы». *Срок обучения – 3 года.*

- среднее профессиональное образование по специальности

032002 «Документационное обеспечение управления и архивоведение», квалификация – «специалист по документационному обеспечению управления и архивист». *Срок обучения – 2,5 года.*

- курсы повышения квалификации

для работников делопроизводственных, кадровых, банковских и архивных служб.

Формы обучения: очная, очно-заочная, заочная,
дистанционная и группы выходного дня

Оказываем содействие в трудоустройстве выпускников

Адрес факультета: Россия, 103012, г. Москва,
ул. Никольская, д. 15 (для «Архивной школы»).
Телефон/факс: (495) 628-92-21.
E-mail: arhschool@yandex.ru
<http://rsuh.ru>, <http://iai.rsuh.ru>

Проезд:
м. «Площадь Революции»,
«Театральная», «Лубянка»
ул. Никольская, 15,
кабинет № 3

Отечественные АРХИВЫ

1
2008

научно-
практический
журнал

Издается с 1923 года. Выходит один раз в два месяца.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

История и практика архивного дела

- И.И. Юрганова.** Архивы Якутии: неизвестные страницы истории (XVIII в. – 1917 г.) 3
- В.С. Боброва.** Из истории размежевания архивов Сибири и Казахстана в 1920–1930-е гг. 14
- М.К. Меняйленко.** Музею русской культуры в Сан-Франциско – 60 лет 23
- Г.В. Демчук.** Веревные книги Двинского уезда XVII в. о поземельных отношениях на Русском Севере 32
- С.М. Муромцева.** Укрепление материальной базы муниципальных архивов Оренбуржья 39

Представляем архив

- Т.В. Бабаскина.** Обоянский муниципальный архив 43
- В фондах российских архивов*
- Г.А. Тюрина.** Письма профессора Х.Ф. фон Маттеи в собрании Российской национальной библиотеки. 1805–1806 гг. 52
- О.А. Рокутова.** Семейное воспитание сирот в документах госархивов Самарской области. 1941–1950 гг. 62
- М.А. Микрюкова.** Документы Центрального госархива Удмуртской Республики о государственно-конфессиональной политике конца 1950-х – середины 1960-х гг. 70

* * *

- «...Думали только о нашей любимой историко-архивной науке».
Интервью **Б.С. Илизарова** 77

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

- «Реформа проводится бесповоротно...» Документы Национального архива Республики Бурятия о волостной реформе в Забайкальской области. 1901–1904 гг. Публикацию подготовила **Б.Ц. Жалсанова** ... 87

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- А.С. Минаков.** История Якутии в отчетах якутских губернаторов 99
- Ю.С. Воробьева.** Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом 101
- В.М. Рынков.** Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) 103
- А.Г. Менделеев.** ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 107
- О.А. Наумова.** Орешина М.А. Из архивного наследия деятелей культуры Русского Севера второй половины XIX – начала XX века 109

Л.Е. Татиевская. Романов М.Я. Мои Родина и Родословная: беседа автора с читателем	110
ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА	
Н.В. Самохвалова (Саратов), В.Л. Богданов (Курск), Т.М. Карпова (Кострома), А.В. Прохоровский (Калуга). К 90-летию революций 1917 г.	112
Т.И. Бондарева. Подготовка к празднованию 90-летия государственной архивной службы России началась	115
Г.А. Хабибулина. Росархив объявил смотр-конкурс	116
<i>Конференции, совещания, семинары</i>	
Т.В. Котюкова. «Документация в информационном обществе: управление документацией как сфера профессиональной деятельности»	116
Н.К. Сафонова. В Бурятии обсуждены проблемы выполнения социально-правовых запросов	118
Л.Ю. Покровская. Совещание-семинар в Самаре	120
Е.К. Криницына. Встреча архивистов Нижегородской и Костромской областей	120
Т.Д. Ооржак. Совещания тувинских архивистов	121
Н.Я. Сюсина, Н.К. Сафонова. «Оставь свой след в истории»	122
Л.И. Будченко. «История развития земледелия на территории Волгоградской области XIX–XX вв.»	123
<i>Выставки</i>	
Н.А. Буравченко (Москва), Л.И. Петрушева (Москва), М.К. Сурнина (Самара), А.М. Елизаров (Кострома). Архивы представляют	124
* * *	
Л.М. Бабаева. Н.М. Коржавин – гость РГАЛИ	127
И.А. Балакаева. Форс-мажор в хранилище РГАДА	128
М.Е. Малевинская. Переезд РГАВМФ завершен	129
Н.В. Асатрян. В РГАЭ началась модернизация архивохранилищ	129
В.Л. Дьячков. Публикаторский успех тамбовских архивистов	130
А.В. Репников (Москва), Г.А. Мельничук (Москва), В.Е. Соболев , Л.П. Шотина (Москва), Л.В. Салеева (Хабаровск), И.Э. Сивопляс (Ульяновск). Вышли в свет	132
В.И. Щипин. Родовой архив крестьян Мокеевых	136
А.Дудин. Вятский епархиальный архив продолжает пополняться	137
Л.Б. Нелюбина. Проверена организация делопроизводства и архивов учреждений здравоохранения Кировской области	137
Т.А. Бондаренко. Студенческая практика в ЦГА Республики Тыва: подведение итогов	138
Памяти О.М. Медушевой	139
Памяти А.Д. Червякова , ученого, библиографа, архивиста	140
Наши авторы	142

Главный редактор Т.И. БОНДАРЕВА

Редакционная коллегия

В.И. АДАМУШКО, А.Н. АРТИЗОВ, В.Д. БАНАСЮКЕВИЧ, Е.М. БУРОВА, В.К. ВИНОГРАДОВ, Т.М. ГОРЯЕВА, И.Н. КИСЕЛЕВ, Л.А. КОБЕЛЬКОВА (зам. главного редактора), В.М. ОСИН (редактор отдела), Т.Ф. ПАВЛОВА, Е.В. СТАРОСТИН, Е.А. ТЮРИНА, В.Н. ШЕПЕЛЕВ, С.О. ШМИДТ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям*

*История и практика архивного дела**И.И. Юрганова***Архивы Якутии: неизвестные страницы истории
(XVIII в. – 1917 г.)**

Зарождение и развитие архивного дела в Якутии пока остается белым пятном региональной истории, требующим целенаправленного, детального и всестороннего исследования, введения в научный оборот непубликованных источников. Автору данной статьи удалось обнаружить в Национальном архиве Республики Саха документы о возникновении архивного дела в Якутском крае, позволяющие усомниться в правильности общепринятой датировки создания здесь централизованного архивохранилища.

В немногочисленных изданиях, посвященных зачастую юбилейным датам архивного дела Якутии, их отсчет ведется от декрета Совета народных комиссаров «О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике» (1 июня 1918 г.). Поэтому первым централизованным архивохранилищем на данной территории признается Якутский губернский архив, созданный по постановлению якутского губревкома от 22 декабря 1920 г.¹ Однако у него были и предшественники: ведь истоки архивного дела Якутии уходят в глубину веков².

Появление архивов российского происхождения на территории Сибири современные исследователи относят к рубежу XVI–XVII вв.³ Историк-архивист А.И. Костанов установил имена первых якутских архивистов – дьяка Максима Григорьевича Романова и подьячего Данилы Васильева, отметив, что благодаря проведенному ими упорядочению документов архив Якутской приказной избы можно считать эталоном для определения общего объема древних актов, отложившихся в сибирских архивах к концу XVII в.⁴ «Переписная книга» архива Якутской приказной избы 1703 г. дает характеристику видового состава и содержания документов.

Научную оценку информационного потенциала архива Якутской приказной избы дал возглавлявший академический отряд Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) Г.Ф. Миллер. Он нашел «тамошний архив в полном состоянии»⁵ и скопировал более 714 документов за период с 1639 по 1720 г. Заметим, что в этот период архивы еще не были отделены от документов текущего делопроизводства и не появилась профессия архивиста (архивариуса).

В 1783 г. после проведения Екатериной II губернской реформы (1775 г.) вышел указ Сената «о разборе архивов (учреждений. – И.Ю.) упраздненных по реформе... дабы те дела вступали порядочно в новые присут-

ственные места для будущего верного сохранения»⁶, разосланный во все территориально-административные единицы империи. Якутский комендант подполковник А.О. Мариловский направил в Якутскую провинциальную канцелярию письмо, послужившее основой для указа канцелярии «О разборе и упорядочении дел, хранящихся в архиве канцелярии всех комиссарств Якутской провинции»⁷. В тексте, составленном по предписанию Иркутской губернской канцелярии от 2 августа 1783 г. и регламентировавшем порядок работы с архивными документами, следует обратить внимание на рекомендации о разделении дел по годам и родам (разные, следственные, уголовные, гражданские), выделении в присутственных местах «покоев для архивов безопасных», приеме дел с учетом «нового разделения уездов», внесении дел в опись, передаче решенных дел в архив⁸. Комендант Мариловский и провинциальная канцелярия требовали обязательной доставки всех описей в Якутск и регулярного информирования о ходе работы. Согласно источникам, указ отправили во все комиссарства, которые рапортовали о его исполнении. Так, Олекминское комиссарство сообщало, «что дела разобраны и чинятся в опись», Жиганское – о разборе дел и сдаче их в архив⁹. Очевидно, что последний полагалось формировать в каждом присутственном месте, но должность архивариуса еще не выделилась и разбор дел поручался канцеляристам и экзекуторам.

В 1805 г. были образованы Якутская область и Якутское областное правление. Именным указом от 22 января 1822 г. Сибирь была разделена на Западную (центр – г. Тобольск) и Восточную (центр – г. Иркутск). 22 июня 1822 г. было утверждено «Учреждение для управления Сибирских губерний» с приложением «Табели разделения Сибири», согласно которому в Восточную Сибирь входили Иркутская, вновь учрежденная Енисейская губернии, Якутская, Охотская и Камчатская Приморская области. Якутия, в числе трех последних административных единиц, «не была названа губернией по малочисленности населения, не была названа и округами из-за ее обширности и удаленности»¹⁰. В книге штатов Полного собрания законов Российской империи в главе «Управление Якутской областью» (1822 г.) в составе областного правления в качестве структурного подразделения предусмотрен архив с двумя сотрудниками – архивариусом и писцом¹¹. В «Учреждении для управления Сибирских губерний» указывалось, что архив должен иметь положение и «ведается особенно вторым отделением» губернского (областного) правления.

В 1833 г. в архиве областного правления была составлена опись дел, где упоминаются 4132 листа документов, размещенных в шести амбарах, в одном из которых «древние свитки [находятся] без всякого подбору и какого учинить невозможно, и поэтому так и приняты»¹². Отмечено, что деревянные двухэтажные амбары в плачевном состоянии («из-за ветхости... выпадают деревянные столбы кровли... с великой осторожностью можно ходить»), перегружены и непригодны для работы в холодное время года. В 1829 г. случился прецедент, когда по предписанию областного начальника архивариусу даже выдали разрешение «о привезении домой архивных свитков для поиска требуемых сведений... в связи с невозможностью из-за морозов работать в архиве»¹³. Переписка по донесениям архивариуса о неблагоприятных условиях труда завершилась указом правления от 7 октября 1833 г. о строительстве нового здания¹⁴.

В Национальном архиве РС(Я) хранятся план и чертеж фасада деревянного одноэтажного здания для архива в Якутске, датированные 1 декабря 1832 г.¹⁵ Тогда же планировалось строительство здания городской управы с помещениями для архива, и к 40-м гг. XIX в. архив находился в административной части города вблизи от областного правления, Свято-Троицкого кафедрального собора и дома губернатора¹⁶. Он занимал два деревянных неотапливаемых корпуса. По свидетельству современников, помещения архива были просторными и сухими, окна застеклены и имели решетки¹⁷. В первом корпусе располагались хранилище, жилье сторожа, а в летнее время – канцелярия архива. Второе, меньшее по площади здание использовалось исключительно в качестве архивохранилища. Дела в связках на «устроенных в два ряда во всю длину помещения» деревянных стеллажах (полках), между которыми оставались проходы, размещались по хронологии, номерам и наименованиям организаций. Документы, судя по переписке, поступали ежегодно¹⁸ от действующих и ликвидированных учреждений¹⁹.

На основании предписания Министерства внутренних дел от 31 января 1848 г., положений «Учреждения для управления Сибирских губерний» и Сибирского комитета экспертиза ценности документов поручалась комиссиям по разбору архивных дел, создаваемым при областном правлении на средства всех присутственных мест Якутской области²⁰. Комиссии для разбора и уничтожения старых учреждались «в незначительных городах Сибири по усмотрению начальников губерний и областей» в составе трех членов. Труд членов комиссий не оплачивался, они должны были получать только необходимые для работы письменные принадлежности. Дела, отобранные для уничтожения, вносились в опись, представляемую на утверждение сначала начальнику области, а затем в Министерство внутренних дел²¹.

В Якутской области комиссию создали под председательством областного прокурора, в составе окружного стряпчего и архивариуса областного правления. Согласно предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири, в ее задачи входило «обозрение древних документов» для определения их «важности и любопытности в историческом отношении»²². Архивариус Лебедев в своем донесении 11 июня 1848 г. поставил вопрос о дальнейшей судьбе древних свитков, описанных и занимавших два деревянных ящика. В архиве также «имелись истлевшие лоскутья от свитков в довольно количестве, помещенные в конверты»²³. В декабре 1848 г. правление решило «означенные свитки хранить тщательно, а за заведение для них ящиков объявить благодарность»²⁴.

Циркулярным письмом МВД от 9 декабря 1852 г. был определен порядок уничтожения старых архивных дел путем продажи с аукционов «расшитыми и приведенными в такой вид, чтобы чтение их было невозможно»²⁵. В письме якутского губернатора в комиссию по разбору старых дел от 18 августа 1861 г. отмечалось, что в представленных описях имеются «дела, составляющие интерес в историческом отношении», и это свидетельствует о внимательном отношении главы области к документам и понимании их роли и значения²⁶.

В 1861 г. на утверждение в МВД были направлены описи дел за 1775–1805 гг. в количестве 5307 ед. хр. В ответном отношении Департамента исполнительной полиции МВД на имя начальника Якутской области от 15 ноября 1862 г. за подписью товарища министра указано, что «МВД при-

знает возможным все наименованные в них (описях. – И.Ю.) окончательно решенные дела... уничтожить и продать на бумажные фабрики»²⁷. Поскольку текст ответа напечатан на типографском бланке, можно предположить, что подобные комиссии, отправлявшие описи на утверждение в министерство, были созданы также в других областях и губерниях. Подтверждением деятельности комиссии служат приказ Якутской городской управы от 28 февраля 1863 г. о назначении торгов по продаже старых дел в аукционном зале городской думы и оценочный лист архивных дел (их общий вес составлял 48 пудов 29 фунтов)²⁸. Степень готовности документов для продажи определял архивариус²⁹.

В 1875 г. постановлением Якутского областного правления была создана новая комиссия по разбору архивных дел Якутской области³⁰. Ее деятельность финансировалась областным правлением и городской управой (каждое учреждение ежегодно вносило по 150 руб.), но средства поступали нерегулярно, накапливались многолетние долги, и разборка дел (экспертиза ценности) шла медленно.

6 мая 1887 г. по поручению якутского губернатора чиновник особых поручений областного правления Ф.Егоров провел освидетельствование архива. В донесении он сообщил, что в архиве работают три сотрудника: архивариус занимается выдачей справок и дел по запросам учреждений, двое писцов – разбором и описанием дел, «сваленных в кучу» после пожара 1884 г.³¹ Согласно «Сведениям о приведении в порядок дел», в опись включено 30 829 ед. хр.³² Упомянутый Егоровым пожар произошел в конце 1884 г. в здании Якутского окружного суда, расположенного рядом с одним из корпусов архива. Тогда архивные дела были вынесены на улицу и «свалены в беспорядочном состоянии»³³. Это первый в XIX в. пожар в архиве Якутской области, так как на вопрос анкеты Департамента Министерства юстиции о состоянии архива Якутского областного правления в 1873 г. («Не был ли архив уничтожен пожарами и наводнениями?») был дан отрицательный ответ³⁴. Знаменательно, что ответ на последний вопрос анкеты «Какие меры и средства необходимы для устройства архива?» актуален и сегодня для большинства муниципальных и ведомственных архивов республики. Архивариус писал о необходимости «увеличения личного состава служащих» и большом количестве неупорядоченных дел.

Чиновник Егоров также отметил нехватку работников архива, вследствие чего было подготовлено донесение областного правления за подписью вице-губернатора «Об изыскании лучших людей для приведения в порядок дел Якутского областного архива»³⁵. Учреждениям, документы которых поступали в архив, предлагалось направлять своих служащих для «разбора архивных дел».

Изучение документов областного правления позволило по-иному оценить деятельность его архива. С момента образования наименование последнего в источниках варьировалось, а архивариус подписывался то как «областной архивариус», то как «архивариус Якутского областного правления», что, безусловно, нетождественно. По традиции Российской империи архив возник в структуре областного правления, которое координировало и контролировало деятельность всей территории. Это порождает вопрос: можно ли характеризовать функции данного ведомственного архива как областного?

Установлено, что к середине 80-х гг. XIX в. в архив областного правления поступали дела Якутского казначейства, уездных судов, областного и окружного полицейских управлений, областного землемера, прокурора, тюремного и статистического комитетов, других присутственных мест и должностных лиц, т.е. всех головных организаций области. В 1882 г. на хранении в архиве находилось 8042 дела³⁶.

По законам Российской империи³⁷ архивом заведовал архивариус с помощниками и писцами, а «где архивы других присутственных мест соединены с архивами губернского правления и архивариус сего последнего заведует также их архивами, там он может получать на счет сумм тех мест прибавочное содержание до половины содержания своего, а где окажется в подобном случае необходимым, так может быть определен на счет сумм тех мест еще один помощник архивариуса, со всеми правами штатного помощника»³⁸. На заседании областного правления 26 января 1889 г. рассматривался вопрос о повышении жалованья архивариусу и вынесено решение, что «областной архивариус имеет право по закону на прибавочное жалованье, так как *Якутский областной архив, кроме архива областного правления, есть также архив и прочих присутственных мест и должностных лиц области* (курсив наш. – И.Ю.)». Таким образом, состав источников комплектования архива областного правления и решение последнего позволяют сделать вывод о ведомственном архиве, выполняющем функции городского и даже областного архива, поскольку все областные и окружные учреждения получали рапорты и донесения из округов и наслегов. Следовательно, состав документов архива, его роль и значение дают основание говорить о его фактическом статусе областного архивохранилища.

На том же заседании областного правления было принято решение о дополнительной оплате труда архивариуса из суммарных средств присутственных мест и должностных лиц, документы которых находились на хранении, в том числе: 15 руб. в год – из канцелярии тюремного комитета, по 25 руб. из Якутского окружного суда, уездного казначейства, статистического комитета и др.³⁹

В декабре 1889 г. архив областного правления посетил губернатор В.З. Коленко; результатом его визита стало распоряжение о ремонте главного корпуса архива, а реагируя на письмо архивариуса «о бедственном положении архива»⁴⁰, он потребовал указать: «1. Сколько необходимо добавить писцов; 2. Что необходимо исправить в архиве для предохранения от сырости...» В июле 1890 г. областным архитектором была составлена смета на проведение ремонтных работ, предусматривавшая «починку здания областного архива, установку ограды с воротами» и «делание второго здания»⁴¹.

В ночь с 8 на 9 августа 1890 г. в главном корпусе архива, где хранилось более 100 тыс. дел, произошел пожар. Якутское областное правление запросило в городском полицейском управлении сведения о причинах пожара, уничтожившего здание архива. По косвенным данным, его виновником мог стать сторож, проживавший в одном из корпусов архива. 4 июля 1891 г. на заседании 2-го отделения областного правления архивариус проинформировал, что после пожара архивные документы сосредоточены в расположенном на значительном расстоянии от правления неохраняемом амбаре, и напомнил, что в феврале 1889 г. на имя иркутского генерал-губернатора было направлено ходатайство о необходимости строительства

каменного здания архива⁴². Осознавая важность сохранения документов, правление решило заняться поиском вариантов более достойного размещения архива. Уже 25 июля в правление поступило письмо директора Якутского гостиного двора о согласии выделить архиву в аренду «лавку № 38». Кроме того, судя по акту от 13 августа 1891 г., подписанному архивариусом, с той же целью осматривались жилой деревянный дом и амбар якутского мещанина С.Д. Попова.

Окончательно вопрос о временном размещении архива был решен на заседании областного правления 19 сентября: резолюция вице-губернатора П.П. Осташкина удостоверяла «отдачу отставным чиновником И.Т. Вальфлигеля, находящегося во дворе его (дома. – И.Ю.)»⁴³. Вице-губернатор обращал внимание на временное решение вопроса и необходимость строительства в г. Якутске каменного здания для архива, предлагал повторно обратиться к генерал-губернатору Восточной Сибири.

Таким образом, с осени 1891 г. по июнь 1895 г. архив помещался во флигеле жилого дома, затем в деревянном здании за территорией Свято-Троицкого кафедрального собора. К середине 1904 г. количество дел, сосредоточенных в архиве областного правления, пережившего два больших пожара, составляло 43 тыс. ед. хр.⁴⁴

По мнению якутского губернатора И.И. Крафта, в 1910–1911 гг. лично осмотревшего окружные архивы, они находились «в крайне печальном состоянии и, если по счастливой случайности не погорели подобно архиву областного правления, то помещаются в амбарах с мукой и солью, истребляемые мышами, гниют от сырости и расхищаются невежественными людьми на обертки. Большая же часть хранящихся в них дел, безусловно, является очень ценным для науки материалом, а поэтому я считаю необходимым оградить их от окончательной порчи, сосредоточив в надежном месте...»⁴⁵. На основании циркулярного письма Крафта областному архиву передали каменное здание бывшего казначейства (постройки 1707 г.). 2 июня 1912 г. состоялся осмотр переоборудованного здания и был подписан акт приемки. Старое здание архива перенесли «отступя на 4 сажени от казначейства» и предназначили для передачи статистическому и агрономическому отделам областного правления. Заметим, что смета на перенос здания подписана известным в Якутии архитектором К.Лешевичем.

Согласно циркулярам губернатора от 18 октября 1911 г. и 30 марта 1912 г., была предпринята попытка концентрации архивных материалов учреждений всей области, и в архив Якутского областного правления начали поступать документы из округов; дела доставлялись по мере их упорядочения и составления двух экземпляров описей⁴⁶. Только из-за переполнения архива и отсутствия средств циркуляром от 6 февраля 1914 г. доставка архивных документов в г. Якутск прекращалась⁴⁷. Следовательно, к 1915 г. архив Якутского правления по составу документов уже с полным основанием можно считать областным архивом.

Общее состояние архивного дела в стране требовало решительных мер для спасения и охраны архивов, и в 1884 г. правительство пошло на организацию губернских архивных комиссий. 24 апреля 1912 г. была создана Якутская ученая архивная комиссия. Ее попечителем стал губернатор И.И. Крафт, председателем – статский советник Д.И. Меликов, членами – представители либеральной якутской интеллигенции и чиновничества,

в том числе Е.Д. Стрелов, первый из архивистов Якутии, получивший высшее образование и с весны 1912 г. занимавший должность областного архивариуса.

Главной обязанностью комиссии было «создание и устройство архивов путем рассмотрения описей и документов, предназначенных к уничтожению, и выделение из них дел, имеющих научное и историческое значение»⁴⁸. На ее содержание правительством выделяло по 200 руб. в год, израсходованных на выпуск сборника архивных документов. Его подготовка возлагалась на комиссию, но основную работу проделал Стрелов⁴⁹. В 1916 г. вышел в свет первый том сборника «Акты архивов Якутской области. 1650–1800 гг.», содержащий 66 документов по истории Якутии XVII–XVIII вв.⁵⁰

Члены Якутской ученой архивной комиссии принимали активное участие в проведении городских мероприятий, выступали с ходатайствами о реставрации памятников старины, читали лекции по различной тематике. Комиссия выполняла функции исторического общества Якутии. На нее была возложена задача упорядочения архивного дела в области, но неопределенность прав и обязанностей, материальная необеспеченность комиссии, недостаточная архивоведческая подготовка ее членов, отсутствие руководящего и контролирующего органа мешали эффективной работе. Вместе с тем комиссия стала первым опытом общественного архивного органа, и ее деятельность оставила заметный след в культурной жизни края.

В настоящее время только по косвенным данным можно определить примерный состав и содержание фондов архива областного правления. Установлено, что в 1739 г. в г. Иркутск были переданы «5 древних знамен» и 83 свитка из якутского архива⁵¹. К началу XIX в. в архиве хранилось значительное количество документов в свитках, относящихся к XVII–XVIII вв. и, вероятно, частично вошедших в составленную Г.Ф. Миллером «Опись Якуцкого архива». В донесениях архивариуса Старостина упоминаются архивные свитки «по амурским обстоятельствам» 1648–1649 гг.⁵² В 1831 г. автором сочинения «Поездка в Якутск» Н.Щукиным увезено два свитка, один из которых – план и описание р. Витим, другой содержал рассказы служилых людей о походах на Амур Е.Хабарова. В Санкт-Петербургском институте истории РАН в фонде Якутской приказной избы находятся документы, привезенные членами Петербургской археографической комиссии в 1840–1846 гг. Исследователь письменных источников по истории Якутии В.Ф. Иванов указывает, что те найдены иркутским чиновником Н.С. Сьюльским, собиравшим материалы по Иркутской губернии. В 1839 г. он посетил Якутск и составил «Записку о старых столбцах Якутского архива», представленную генерал-губернатору Восточной Сибири. В ней, в частности, отмечалось, что архивные дела в Якутске свалены в старой избе с протекающей крышей. В результате часть дел Якутской приказной избы оказалась на хранении в Петербурге⁵³.

В 1867 г. в поместно-вотчинный отдел Московского архива Министерства юстиции поступило девять объемных посылок с документами из Якутска⁵⁴, в 1881 г. отправлены еще 38 посылок с делами за 1630–1720 гг.⁵⁵ В настоящее время только фонд Якутской приказной избы Российского государственного архива древних актов насчитывает 5199 ед. хр. По просьбе члена-соревнователя императорского Московского общества истории и древностей российских М.А. Шестакова, составившего в 1871–1873 гг. инвентарь

г. Якутска, ему было безвозвратно выдано 157 дел Якутской воеводской канцелярии⁵⁶. В Архиве РАН хранятся «Портфели Миллера», в которых отложены выписки и извлечения из документов Якутской воеводской канцелярии XVII – начала XVIII в. – 709 документов на 1746 листах⁵⁷.

Таким образом, в федеральных архивохранилищах России находится свыше 10 тыс. ед. хр. по истории Якутского края XVII–XVIII вв., содержащих уникальные свидетельства того далекого времени, в том числе и опубличованные⁵⁸.

В донесении чиновника Ф.Егорова от мая 1887 г., осмотревшего Якутский архив после очередного пожара, упоминались документы 1770 г.⁵⁹, но к 1915 г. Стрелов отмечал как самые ранние документы 1790 г.: более древние были или уничтожены, или переданы в другие архивы, или расхищены⁶⁰.

В переписке, связанной с получением областным правлением «Отношения Иркутской контрольной палаты о доставке сведений по поводу хранения в архивах отчетности по расходам из сметы Министерства внутренних дел за время 1879 г.», имеются данные об окружных архивах Якутской области⁶¹. Так, в Верхоянском, Колымском и Олекминском округах архивные документы хранились в холодных помещениях, принадлежавших окружным полицейским управлениям, а в Вилюйском – в небольшом тесном амбаре, «относящемся к надворным постройкам окружного исправника»⁶².

Попытаемся обозначить круг работ, выполняемых якутскими архивариусами в XIX – начале XX в., по документам архивариуса областного правления. В 1823 г. служебная переписка велась на рукописных бланках с использованием реквизитов министерского делопроизводства, а в 1870–1880-е гг. – уже на типографских бланках.

Согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний» 1822 г., все дела губернских (областных) правлений «по окончании сдаются в архив», «имеющий два рода описей: одну общую по алфавиту, другую частную по предметам и отделениям, к коим они принадлежат»⁶³. В 1849 г. при проведении «освидетельства Якутского областного архива» архивариусу строго указали на необходимость составления «генеральной» описи и алфавита⁶⁴. В донесении об осмотре областного архива «в лето 1887 г.» указывается, что «в главном здании архива дела расставлены по полкам, на связках дел имеются надписи... Старое здание во дворе архива, хотя и наполнено делами, но все они в таком разбитом состоянии, что цельных сформированных дел нет вовсе... Беспорядков по хранению дел не усмотрено, но (были установлены. – **И.Ю.**) некоторые неисправности по составлению описей и разбору дел, в предупреждение чего архивариусу и писцам даны надлежащие указания»⁶⁵. Кроме того, по распоряжению губернатора архивариус ежесменно отчитывался о внесении дел в описи.

По данным источников, к 1880-м гг. документы архива в основном имели описи, однако пожары 1884 и 1890 гг. нанесли непоправимый ущерб не только фондам, но и справочному аппарату.

По просьбе фондообразователей архивные дела выдавались во временное пользование⁶⁶. В 1834 г. по предписанию начальника Якутской области прошла ревизия дел архива и была составлена «Ведомость о востребованных из архива делах да невозвращенных» в количестве 22 ед. хр., текст которой содержит некоторые графы, детализирующие порядок выдачи дел. Так, графа «по чьему требованию доставлены» включает регистрационные

отсылки к входящему документу и подтверждает наличие в архиве учетного реестра выдаваемых дел⁶⁷. Выдача дел из архива во временное пользование контролировалась начальником 2-го отделения областного правления, о чем свидетельствует «Тетрадь якутского областного архивариуса для записи дел, выдаваемых по требованиям областного правления и прочих присутственных мест за 1859 г.»⁶⁸. Здесь фиксировались номера и заголовки дел, количество листов, наименование учреждения просителя, кроме того, ставились расписка получателя и отметка о возврате. Так, в 1859 г. из архива выдали 518 дел.

В декабре 1879 г. во время пожара в здании областного правления сгорели и взяты во временное пользование из архива дела⁶⁹. Донесение архивариуса А.Киренского о факте гибели документов от 3 января 1880 г. послужило поводом для рассмотрения вопроса о порядке выдачи документов из архива. Во все учреждения города направили письма с требованием привести в порядок и сдать в архив документы с истекшими сроками хранения. Их прием производился по описи, первый экземпляр которой передавался фондообразователю⁷⁰.

Архивариус занимался также исполнением запросов присутственных мест и должностных лиц области, что требовало от сотрудников архива кропотливой исследовательской работы⁷¹. Напомним, что областной архив длительное время размещался в неотапливаемых или приспособленных помещениях, а пожары и переезды вынуждали к постоянному упорядочению документов. Поступавшие в архив запросы были разнообразны: касались уточнения сроков службы чиновников, сбора сведений о финансировании поселенцев Иркутского тракта и содержании почтовых станций Охотского тракта, подтверждения фактов награждения кортиками якутских родоначальников и др.⁷² В 1829–1830 гг. архивариус И.Старостин по заданию руководства области выявлял информацию о походах Е.Хабарова и В.Пояркова и получил благодарность от генерал-губернатора Восточной Сибири⁷³. Уже в начале XIX в. в донесениях якутских архивариусов употреблялась дефиниция «архивная справка»⁷⁴.

Якутский областной архив, как и другие ведомственные архивы Российской империи, не был публичным (право доступа к документам определялось руководством учреждения), хотя известны отдельные случаи допуска должностных лиц к фондам по разрешению руководства области. Так, в 1851 г. по просьбе начальника экспедиции по исследованию Забайкальского края штабс-капитан корпуса горных инженеров поручик Меглицкий занимался «пересмотром дел» по истории Удского края⁷⁵.

Нам удалось составить список архивариусов областного правления, служивших здесь с 1822 по 1917 г.⁷⁶ К сожалению, он имеет лакуны и неравнозначные по полноте сведения. Так, деятельность Ф.М. Решетникова и Е.Д. Стрелова оставила заметный след и отражена в источниках, а другие лица только упоминаются⁷⁷. Согласно штатному расписанию правления Якутской области, архиву полагались архивариус и писец, но в действительности постоянным сотрудником являлся только архивариус, в распоряжение которого, после его многочисленных обращений, время от времени направлялись писцы. По вновь утвержденным 11 ноября 1874 г. штатам для заведования архивом назначался архивариус с жалованьем 630 руб. в год, а канцелярские принадлежности выдавались казначеем и экзекутором прав-

ления. Имелся сторож, получавший 15 руб. в месяц из средств правления. В 1889 г. после повышения жалования архивариусу, в связи с большим объемом работ, в архив периодически приглашались вольнонаемные писцы, труд которых оплачивался организациями – источниками комплектования. Кроме того, практиковалось командирование на определенный срок писцов из присутственных мест, что было менее эффективным, поскольку они не знали канцелярской работы.

Первым архивариусом был Иван Старостин. Документы донесли до нас свидетельства его деятельности, позволяющие получить представление об этом образованном и равнодушном к порученному делу человеке. Так, например, неподдельной заботой о сохранности документов продиктовано его донесение о древних свитках, увезенных ассессором Н.Щукиным⁷⁸. 4 августа 1833 г., в связи с переходом Старостина на должность заседателя окружного суда, его сменил губернский секретарь Аверий Поротов⁷⁹. Титулярный советник Федор Михайлович Решетников, происходивший из казачьего сословия, занял должность архивариуса в 1883 г. в возрасте 62 лет, имея за плечами солидный опыт чиновничьей службы. Это было нелегкое для Якутского архива время – два пожара 1884 и 1890 гг. уничтожили здания и значительную часть его документов, и архивариусу пришлось приложить немало усилий для получения нового помещения, разбора и описания, спасенных от огня дел. В 1896 г. Решетникова наградили орденом Св. Владимира. На основании личного прошения «по расстроенному состоянию здоровья» приказом губернатора от 30 июля 1898 г. он был уволен в отставку⁸⁰.

Деятельность архива Якутского областного правления отражает состояние архивного дела в Российском государстве. Администрация области уделяла определенное внимание архивам, а архивисты того времени выполняли свою задачу – обеспечивали сохранность документов. И, может быть, имеет смысл считать началом архивного дела в Якутии дату образования архива областного правления и назначение на должность первого якутского архивариуса в 1822 г.

¹ *Иванов В.Н.* Центральный государственный архив Якутской АССР // Якутский архив: Сб. Якутск, 1960. Вып. 1. С. 7–26; *Гуляев П.Х., Иванова Л.Т.* Центральный государственный архив Якутской АССР // Там же. 1972. Вып. 4. С. 3–13; *Комкова Н.Н.* Национальный архив Республики Саха (Якутия) // Там же. 2000. № 1 (2). С. 3–9; *Юрганова И.И.* Архивы дореволюционной Якутии // Там же; *Захарова А.А.* Национальный архив Республики Саха (Якутия): исторический опыт, перспективы развития // Национальный архив Республики Саха: история и современность: Материалы респ. науч. конф. 22 декабря 2005 г. Якутск, 2006. С. 10–19.

² Необходимость анализа подлинных архивных документов для изучения истоков радикальных архивных преобразо-

ваний, существовавших задолго до 1918 г., справедливо отмечалась Т.И. Хорхординой. См.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 6.

³ *Костанов А.И.* Документальная история Сибири. XVII – середина XIX в.: Историко-архивоведческое исследование. Владивосток, 2007.

⁴ Там же. С. 67–88.

⁵ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 70.

⁶ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС(Я)). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 115. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 5–8.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 53.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 1.

- Т. XXXVIII. № 29124. С. 342–344; № 29129. С. 344–376.
- ¹¹ Там же. № 29124. С. 342–344; № 29129. С. 344–376; Т. XLIV. Книга штатов. Ч. II. С. 52–53.
- ¹² НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 73. Л. 5–6.
- ¹³ Там же. Д. 29. Л. 5.
- ¹⁴ Там же. Д. 73.
- ¹⁵ Там же. Ф. 346-и. Оп. 1. Д. 47. Л. 308.
- ¹⁶ Точную дату начала и окончания строительства здания архива установить не удалось. В «Ведомости казенных зданий г. Якутска», составленной в феврале 1836 г., под № 1 значится каменный двухэтажный, крытый железом дом, построенный в 1823 г., в котором размещались уездный и земский суды, «городническое правление», магистрат и архивы. Очевидно, это были текущие архивы присутственных мест. См.: Там же. Л. 322; Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–6.
- ¹⁷ Там же. Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1803.
- ¹⁸ Там же. Д. 363.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: Приложения к Своду законов Российской империи. СПб., 1842. Т. II.
- ²¹ НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1397. Л. 3–9.
- ²² Там же. Д. 1425.
- ²³ Там же. Д. 395.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Д. 1520. Л. 27.
- ²⁶ Там же. Д. 1397. Л. 9.
- ²⁷ Там же. Д. 1520. Л. 27.
- ²⁸ Там же. Л. 13, 15, 18.
- ²⁹ Там же. Д. 1783.
- ³⁰ Реформы Александра II привели к ликвидации целого ряда учреждений, документы которых оказались «бесхозными», и государство столкнулось с необходимостью решения судьбы большого количества «старых бумаг», в том числе и уничтожения части документов. См.: Там же. Д. 3404.
- ³¹ Там же. Ф. 306-и. Оп. 2. Д. 28; Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1803. Л. 4.
- ³² Там же. Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 3404.
- ³³ Там же. Д. 28.
- ³⁴ Там же. Д. 1803. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Д. 3404. Л. 31.
- ³⁶ Там же. Д. 918.
- ³⁷ См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. II. Ч. 1. Ст. 824.
- ³⁸ НА РС(Я). Ф. 306-и. Оп. 2. Д. 918. Л. 37–39.
- ³⁹ Там же. Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 3404. Л. 42–66.
- ⁴⁰ Там же. Л. 129; Д. 8451. Л. 1–6.
- ⁴¹ Там же. Д. 8451. Л. 9.
- ⁴² Там же. Д. 9621. Л. 2–8.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. Д. 2524. Л. 4.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 23-и. Оп. 1. Д. 4296. Л. 19.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 365-и. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 6239. Л. 8–9.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 365-и. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
- ⁵⁰ *Стрелов Е.Д.* Акты архивов Якутской области. 1650–1800 гг. Якутск, 1916. В настоящее время сборник является уникальным изданием, первым и последним опытом публикации архивных документов в досоветской Якутии, хотя, по сведениям источников, установлено, что было принято решение о подготовке материалов для второго тома.
- ⁵¹ Там же. С. 2–3.
- ⁵² НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 29. Л. 9.
- ⁵³ *Стрелов Е.Д.* Указ. соч. С. 2–3; *Иванов В.Ф.* Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск, 1979; История Якутии в документах архивов Санкт-Петербурга: Краткий справочник. Якутск, 2003.
- ⁵⁴ История Якутии в документах архивов Москвы: Краткий справочник. Якутск, 2007. С. 57.
- ⁵⁵ *Иванов В.Ф.* Указ. соч. С. 29.
- ⁵⁶ НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1783. Л. 5.
- ⁵⁷ *Иванов В.Ф.* Указ. соч. С. 29–30.
- ⁵⁸ См.: Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. док. Л., 1936; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Приложения. Л., 1947; *Сафронов Ф.Г.* Материалы о возникновении земледелия среди якутов // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 50–73; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. док. о великих географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. М.; Л., 1952.

- 59 НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 3404. Л. 20.
- 60 Стрелов Е.Д. Указ. соч.
- 61 НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 9978.
- 62 Там же. Л. 4–8.
- 63 ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 29124. С. 342–344; № 29129. С. 344–376.
- 64 НА РС(Я). Ф. 164-и. Оп. 3. Д. 26. Л. 1.
- 65 Там же. Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 5389. Л. 1.
- 66 Там же. Ф. 28-и. Оп. 1. Д. 5.
- 67 Там же. Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.
- 68 Там же. Д. 1377.
- 69 Там же. Д. 1918.
- 70 Там же. Д. 1783. Л. 8–9.
- 71 Там же. Д. 363.
- 72 Там же.
- 73 Там же. Д. 29.
- 74 Там же. Д. 48. Л. 2–3.
- 75 Там же. Д. 816.
- 76 Иван Старостин (1822–1833 гг.), губернский секретарь Аверий Поротов (1833–1838 гг.), надворный советник Лангас (1839 г.), титулярный советник

Федор Лебедев (1839–1851 гг.), титулярный советник Василий Павлинов (1850-е гг.), Аргунов (1867 г.), Аркадий Лебедев (совмещал обязанности столоначальника и архивариуса в 1872 г.), коллежский советник Егор Астраханцев (1872–1874 гг.), титулярный советник Андрей Киренский (1880–1882 гг.), надворный советник Агарков (1882–1883 гг.), титулярный советник Федор Михайлович Решетников (1883–1898 гг.), Николай Безносков (1906 г.), Ефимий Дмитриевич Стрелов (1912–1917 гг.).

⁷⁷ Степанова М.М. Историк-архивист, ученый-археолог Е.Д. Стрелов // Якутский архив. Якутск, 1972. Вып. 4. С. 95–101; Шадрина Н.В. Стрелов – организатор архивного дела в Якутии // Архивы Республики Саха (Якутия) на рубеже XXI века: оценка прошлого и взгляд в будущее: Материалы науч.-практ. конф. Якутск, 2000. С. 35–39; Винокуров П.В. Стрелов в Новосибирске // Там же. С. 40–41.

78 НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 75 а.

79 Там же. Д. 73.

80 Там же. Д. 2399.

В.С. Боброва

Из истории размежевания архивов Сибири и Казахстана в 1920–1930-е гг.

Тесное взаимодействие архивистов Сибири с казахскими коллегами как в годы становления архивного дела, так и в дальнейшем было предопределено единством административно-территориального и культурного пространства, унаследованного от имперского периода истории России. Акмолинская область и Семипалатинская губерния до августа 1920 г. являлись административно-территориальными единицами Сибири, а образованный в соответствии с Положением о губернских архивных фондах¹ Семипалатинский губернский архив находился в ведении учрежденного в Омске 3 февраля 1920 г. Сибирского областного управления архивным делом (Сибархива). Общность территории и административного подчинения обуславливала единые проблемы и методы их решения².

Омское губернское управление архивным делом, фактически исполнявшее в 1920 г. функции Сибархива, собирало сведения о местонахождении и состоянии архивов в Семипалатинской губернии и уездах Акмолинской области. На запросы архивистов руководители Акмолинского, Кокчетавского, Петропавловского уездных исполкомов Советов и местных учреждений сообщали о состоянии подведомственных архивов и принимаемых для их охраны мерах³. В Семипалатинском губернском архиве для работы привлекались студенты-историки Томского университета⁴. Омские архивисты в 1920 г. приложили много усилий к сохранению архивов Акмолинского областного правления и Степного генерал-губернатора, оказавшихся в конце Гражданской войны под одной крышей с эпидемическим госпиталем⁵.

Однако подъем национально-освободительного движения на окраинах бывшей Российской империи и последовавшие административно-территориальные преобразования на основе национально-территориального принципа обусловили возникновение проблемы размежевания архивных фондов. В августе 1920 г. была образована Киргизская АССР с административным центром в Оренбурге (в 1925 г. переименованная в Казахскую АССР), в состав которой наряду с другими территориями вошли Семипалатинская губерния и ряд уездов бывшей Акмолинской области. В 1936 г. статус республики изменился: из автономной она была преобразована в Казахскую ССР со столицей в г. Алма-Ата (до 1929 г. столица находилась в Кызыл-Орде).

Проблема размежевания архивов усугубилась из-за отсутствия в дореволюционный период централизованной системы хранения архивных документов и самостоятельных архивных учреждений в 1920–1930-е гг., а также хаотичного перемещения архивных документов в годы Гражданской войны, когда был нарушен принцип недробимости архивных фондов и хранения их по месту создания⁶. После окончания войны документы, образовавшиеся в деятельности органов власти, учреждений, предприятий, организаций и отдельных личностей разных исторических периодов, оказались распыленными. Так, в 1920 г. из Семипалатинска пришлось реэвакуировать в Екатеринбург архив екатеринбургских судебных учреждений⁷. С течением времени утрачивалась возможность полноценного изучения архивных документов, вырванных из исторического контекста, снижалась их историческая и практическая ценность. Именно этим была обусловлена острота означенной проблемы, сохранявшаяся для архивистов Сибири вплоть до конца 1950-х гг.

Не случайно известный государственный и общественный деятель Сибири Г.Е. Катанаев, несмотря на свои политические убеждения, после поражения Белого движения много сил отдал попытке реализовать в 1920–1921 гг. идею создания Сибархива как общесибирского хранилища архивных документов. Именно он с проницательностью государственного деятеля одним из первых обратил внимание на ценность архивов Западной Сибири и Степного края, оказавшихся на территории нового национального образования: «Семипалатинская область... как пограничная с Китаем... с самого ее образования занимала отличное от других губерний и областей Западно-Сибирского края положение... Уже по одному этому... многие из дел семипалатинских архивов, как содержащие в себе документы по существу секретные и затрагивающие вопросы не только местного или краевого, но и общегосударственного значения, ни коим образом не могут быть... оставле-

ны в исключительном ведении Оренбургского Кирревкома; они должны быть или теперь же вывезены оттуда в Омск, или поставлены под охрану общегосударственных органов управления»⁸. Категоричность этих требований в определенной степени была оправдана решением Оренбургского архивного управления вывезти архивы из Семипалатинска в Оренбург. В ответ сибиряки ставили перед Главным управлением архивным делом (ГУАД) вопрос о перемещении наиболее ценных архивных документов в Томск или Омск. Начальник Сибархива В.Д. Вегман телеграфировал заместителю заведующего ГУАД В.Н. Сторожеву: «Семипалатинская губерния со всеми губернскими учреждениями перешла в ведение Кирреспублики, в Оренбурге образовано краевое архивное управление. Многие архивы Семипалатинской губернии имеют общесибирское и общероссийское значение, посему такие архивы должны быть вывезены в Омск или Томск для обработки. Сибархив просит Вас вторично содействовать вывозу означенных архивов этим летом, иначе Сибархив снимает с себя ответственность за сохранность и использование ценных исторических материалов Семипалатинского края»⁹.

Известный краевед, член Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, заведующий Семипалатинским губернским архивом Н.Я. Коншин, участвовавший в организации Омского областного архива в 1918 г., по-видимому, выступал за передачу архивов в Омск. В отчете о деятельности Сибархива за 1921 г. упоминалось о совещании заведующих губернскими архивами Сибири, состоявшемся в Омске в мае 1921 г., на котором было принято решение перевезти архивы из Семипалатинска в Томский университет и Омский губернский архив. Здесь же прозвучали аргументы в пользу данного решения: руководители Киргизской республики собирались вывезти архивы в Оренбург, но «при такой дальней перевозке, естественно, неизбежна порча и утрата архивов»; семипалатинские архивы «связаны с областными архивами, хранящимися в Омске, как в областном административном центре последнего столетия... Возможность научного обследования и изучения архивных материалов до поры до времени [имеется] лишь в единственном научно-оборудованном пункте Сибири – в Томске»¹⁰. Однако ГУАД в телеграмме Сибархиву в июле 1921 г. запретило вывоз архивов из Семипалатинской области¹¹. Декрет ВЦИК от 14 июля 1921 г. «О взаимоотношениях между Главархивом и архивными учреждениями автономных республик»¹² подобные вопросы предписывал решать с помощью образования особых согласительных комиссий. Таким образом, перевозка документов не состоялась из-за отсутствия средств, согласия на то руководителей Киргизской АССР и решения Главархива.

В середине 1920-х гг. проблема размежевания архивных фондов Сибири и Казахстана была поднята вновь. 11 марта 1926 г. Акмолинский губисполком, заслушав доклад заведующего Акмолинским губернским архивом Е.А. Краснопевцева, признал «необходимым и важным... пополнение Акмолгубархива за счет Омского архивными материалами общественно-исторического и экономического содержания, имеющими исключительное значение для интересов Акмолинской губернии в нынешних ее границах». Было решено «просить Центрархив (26 ноября 1921 г. ГУАД преобразовано в Центральный архив РСФСР. – В.Б.) разрешить произвести намеченное попол-

нение по заранее разработанным описям»¹³. Одним из поводов для возбуждения данного вопроса являлось опасение архивистов Казахстана за судьбу хранившегося в Омске фонда Степного генерал-губернатора и подвергавшегося очистке от макулатуры. 7 апреля 1926 г. Е.А. Краснопевцев направил служебное письмо в краевой архив Казахской АССР, в котором выразил надежду на «принципиальное разрешение выдвигаемого вопроса»¹⁴.

Во второй половине 1920-х гг. по инициативе акмолинских архивистов и членов Общества по изучению Акмолинского края были возобновлены традиционные историко-культурные контакты с сибиряками, активизировалось исследование омских источников по истории и культуре Казахской степи.

15 апреля 1926 г. в Омском окрархбюро состоялось совещание по вопросам взаимоотношений с Акмолинским губернским архивом и передачи ему документов, касающихся Акмолинской губернии; присутствовали заведующий окрархбюро А.О. Зубков и научный сотрудник окрархбюро П.В. Орлов, а также Е.А. Краснопевцев. Последний сообщил о том, что «архивный вопрос при образовании Акмолинской губернии не был разрешен; теперь после пяти лет существования этой губернии в новых ее границах вопросы пользования архивными материалами местного значения приобретают острый характер в политическом, экономическом и бытовом отношении»¹⁵. Омские архивисты были уведомлены о возбуждении Акмолинским губисполкомом ходатайства перед Центрархивом о передаче из Омского архива «всех материалов, касающихся Киркрая», и попытались развеять опасения за судьбу материалов, относящихся к истории Казахстана, сообщив, что из фонда Степного генерал-губернатора в макулатуру отбираются только те документы, которые действительно не имеют никакого практического и исторического значения. Итогом совещания стало решение о том, что вопрос о передаче архивных материалов Акмолинскому губархиву может разрешить лишь Центрархив РСФСР¹⁶.

Информация о совещании была направлена Сибархиву и Центрархиву РСФСР. В конце апреля 1926 г. омские архивисты получили письмо за подписью заместителя начальника Сибархива А.А. Черных с изложением позиции Сибархива: «Краевое архивное бюро со своей стороны совершенно не считает возможным не только передачу, но и частичное изъятие материалов архивных фондов, имеющих краевое (архив генерал-губернатора, Главного управления Западной Сибири, Переселенческого управления) значение. Установление взаимоотношений между Омским архивным бюро и Акмолинским губархбюро возможно путем особого учета архивных материалов, необходимых Казахстану для практических, исторических и научно-исследовательских работ»¹⁷. Центрархив 27 августа 1926 г. в циркуляре Омскому архбюро по вопросу о выделении материалов для Казахской автономной республики и о взаимоотношениях с Акмолинским архбюро, вновь апеллируя к декрету ВЦИК от 14 июля 1921 г., предложил создать согласительную комиссию¹⁸.

Тем временем в июле в Омский горсовет и Акмолинское архбюро поступило письмо Петропавловского горсовета с просьбой выявить и передать документы о г. Петропавловске¹⁹. В свою очередь Е.А. Краснопевцев 6 августа направил в Омский архив запрос о материалах по истории Казахского восстания 1916 г. в связи с празднованием его десятилетия²⁰. В сентяб-

ре Акмолинское архбюро получило из Омска во временное пользование 196 дел по истории Казахстана. Президиум Акмолинского губисполкома в одностороннем порядке 17 сентября принял решение о создании согласительной комиссии для решения вопроса о передаче документов из Омска в Акмолинск²¹.

В 1927 г. между архивистами Сибири и Казахстана возник серьезный конфликт. Заведующий Акмолинским губернским отделением Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) Межуев в письме в Омское отделение НК РКИ от 12 февраля 1927 г. сообщил: «Полученные у вас губархивом 196 дел никакой ценности для Омского округа не представляют, в то время когда для изучения движения в Казахстане являются необходимым материалом... [и] должны остаться в его постоянном пользовании»²². В.Д. Вегман в марте 1927 г. в целях возвращения этих документов вступил в переписку с центральными архивами РСФСР и Казахстана, возложив ответственность за «самовольную и противозаконную передачу архивных документов за пределы Сибирского края» на заведующего Омским окрархбюро А.О. Зубкова²³, вскоре уволенного. В это же время у торговцев рынка в г. Ростове-на-Дону были обнаружены документы Акмолинского областного правления за 1898 г., омского губернатора за 1865–1872 гг., Степного генерал-губернатора за 1890 г.²⁴, выделенные в макулатуру и переданные Омским окрархбюро Донскому полиграфическому комбинату для переработки²⁵.

В 1928 г. инициативу по организации согласительной комиссии попытался перехватить Сибархив, назначив дату первого заседания на 10 октября 1928 г., однако Центрархив РСФСР перенес ее на 1929 г.²⁶, с чем были согласны и омские архивисты. Новый заведующий Омским окрархбюро С.И. Кочнев в письме в Сибархив от 12 октября 1928 г. объяснил причину несвоевременности созыва согласительной комиссии в текущем году и сообщил о позиции омских архивистов в отношении передачи документов казахским коллегам. Он, в частности, писал: «Если бы комиссия собралась сейчас, то невозможно было бы распределить материалы, так как еще нет описей. К январю месяцу описи будут готовы, и по мере их составления мы будем посылать вам по одному экземпляру их... Дела Главного управления Западной Сибири, среди которых есть дела и истории генерал-губернаторства (до 1825 г.), я считаю, дробить совершенно нецелесообразным, и необходимо будет добиваться оставления их в нашем архиве. Остальные мелкие фонды, на которые они претендуют, возможно было бы, по нашему мнению, даже и без созыва особой комиссии передать им, так как они не имеют для нас исторического значения»²⁷.

Согласительная комиссия по размежеванию архивных фондов Сибири и Казахстана была создана лишь в сентябре 1929 г. В ее состав вошли работники Центрархива РСФСР Н.А. Лапин (председатель комиссии) и Я.Н. Жданович (эксперт), заместитель начальника Сибархива А.А. Черных и заведующий Центрархивом Казахской АССР Н.Я. Болотников. На некоторых заседаниях комиссии присутствовали С.И. Кочнев и научный сотрудник Омского архива Ф.Г. Виноградов.

Н.Я. Болотников предложил передать Казахстану ряд хранившихся в Омском архиве фондов, в том числе документы учреждений, действовавших до 1822 г.²⁸ Сибархив в лице А.А. Черных предъявил контрпретензии

и потребовал вернуть взятые во временное пользование в сентябре 1926 г. 83 дела из фонда Западно-Сибирского генерал-губернатора и 113 дел из секретной части архива Степного генерал-губернатора, а также дела из фонда Томского Алтайского горного округа, без ведома Сибархива направленные Томским отделом Всесоюзного геологического комитета Семипалатинскому отделу этого ведомства²⁹.

Решение комиссии было принято в пользу Казахстана, что предопределяло политикой центра по укреплению национальных окраин. Казахской стороне подлежало передать все востребованные ею фонды, за некоторым исключением. Так, временно на три года разрешалось оставить дела Акмолинского областного правления (1869–1917 г.); место же хранения дел по политической части Степного генерал-губернатора (1882–1917 г.) и по политическим процессам, рассмотренным Акмолинским областным и Омским окружным судами, предстояло согласовать с Центральным архивным управлением (ЦАУ) РСФСР³⁰.

Особенно напряженные споры на заседаниях согласительной комиссии велись по вопросам принадлежности фондов Управления Омской областью, Акмолинского областного правления, Степного генерал-губернатора. Из-за отсутствия описей, хаотичного состояния архивных материалов, когда документы различных фондов были перемешаны, приходилось по нескольку раз возвращаться к обсуждению этих вопросов. Наиболее активную позицию занимал А.А. Черных, возражавший против передачи фонда Управления Омской областью, так как «в нем в значительной степени отражены вопросы общей политики русского правительства по отношению к казахам и киргизам»³¹. Настаивая на хранении фонда Акмолинского областного правления по месту его создания в г. Омске, он апеллировал к резолюции Первого всесоюзного архивного съезда по докладу Я.Н. Ждановича о неделимости губернских фондов. Позицию А.А. Черных об оставлении фонда Акмолинского областного правления в Омске поддерживал много радевший о сохранности и пополнении Омского архива Ф.Г. Виноградов, указавший на «ценность этого материала для омских краеведческих организаций» как на источник по истории рабочего движения в Омске и во всей Западной Сибири³². Свою солидарность с коллегами-сибиряками выражал и С.И. Кочнев. Однако Центрархив РСФСР ратовал за передачу архивных документов в другую республику.

Подводя итог размежеванию архивных фондов, председатель комиссии Н.А. Лапин выразил надежду на то, что «проделанная работа должна послужить началом более тесных взаимоотношений между Сибкрайархбюро и Казцентрархивом»³³. Архивисты Сибири вынуждены были согласиться. В отчете Омского окрархбюро за 1928/29 г. говорилось о решении передать в Казахстан фонды, указанные согласительной комиссией³⁴, в результате деятельности которой «спорные вопросы между Сибирью и Казахстаном были очень мирно, по-товарищески улажены и разрешены»³⁵.

В циркуляре ЦАУ РСФСР от 10 февраля 1930 г., направленном одновременно в Сибархив, ЦАУ Казахской АССР и Омское окрархбюро, сообщалось о решении президиума коллегии ЦАУ от 14 января 1930 г. о передаче Казахстану фонда Степного генерал-губернатора «целиком, без выделения политической части». Здесь же говорилось о необходимости «ускорить передачу Казахстану принадлежащих ему архматериалов и договорить-

ся Сиббюро с ЦАУ Казахстана о форме и порядке временного пользования архивными материалами из политической части фонда»³⁶.

Решение передать документы из Омского архива в Казахстан было обусловлено скорее политическим вектором, нежели профессиональной, практической или научной необходимостью. Именно поэтому омские архивисты надолго затянули его исполнение. В 1934 г. о необходимости ускорить вывоз документов из Омска в Казахстан напомнил заместитель заведующего Центрархивом Казахской АССР В.А. Введенский. Заместитель заведующего Омским областным архивным управлением Н.И. Бевад в отчете о работе за третий квартал 1934 г., направленном в Западно-Сибирское краевое архивное управление, отметил ценность этих документов именно для Сибири: «Вся ценность Омского архива именно в тех фондах, на которые могут претендовать казахи, и если возможно отдать, например, большой фонд № 355 “Управление областных сибирских киргиз[ов]”, то едва ли в интересах краевого управления лишиться таких фондов, как “Главное управление Зап[адной] Сибири”, Степного генерал-губернатора и даже акмолинского губернатора, Управления государственных имуществ и т.д.»³⁷.

Тем не менее ЦАУ СССР 21 июля 1936 г., подтвердив постановления согласительной комиссии от 19–22 сентября 1929 г., вновь предложило передать Центральному архивному управлению Казахской ССР десять фондов из Омского архива³⁸. Тогда же заместитель управляющего ЦАУ Казахской ССР Сапрыкин обратился в Омское областное архивное управление с просьбой сообщить о состоянии указанных фондов, намечая их прием на начало сентября³⁹. Из Омска ответили, что фонд Управления пограничного начальника за 1838–1854 гг. выделяется из фонда Главного управления Западной Сибири и будет отправлен в необработанном виде, его объем не определен; фонд Областного управления сибирских киргизов за 1854–1868 гг. (9020 ед. хр. и около 240 связок необработанных документов, занимавших стеллажные полки в 60 пог. м) намечается передать в том же состоянии; фонд по выборам в Учредительное собрание в Степном крае 1917 г. обработан; фонд Семипалатинской окружной избирательной комиссии по выборам в Учредительное собрание 1917 г. находится в Новосибирске; фонд Управления Омской областью за 1822–1838 гг. выделен из фонда «Главное управление Западной Сибири»; фонд «Управление государственным имуществом Акмолинской и Семипалатинской областей» (951 ед. хр.) находится в стадии размежевания; фонд Акмолинской областной земельной управы (20 ед. хр.) предполагается выделить при разборке фонда Омской уездной земельной управы. Фонды Акмолинского областного правления и Степного генерал-губернатора, находящиеся в состоянии разборки, Омского окружного и Акмолинского областного судов просили временно оставить в Омске, так как они «не использованы в достаточной степени... [а] с образованием в Омске облцентра к истории этих материалов ввиду исключительного их содержания приходится обращаться довольно часто»⁴⁰.

Работа по размежеванию архивных фондов Сибири и Казахстана была завершена лишь после передачи архивной службы в ведение НКВД. На основании распоряжения Главного архивного управления НКВД СССР от 8 марта 1940 г. Омский областной исторический архив 22 июня 1940 г. передал в Центральный государственный исторический архив Казахской

ССР 83 фонда в количестве 42 070 ед. хр., в том числе фонды, указанные согласительной комиссией в сентябре 1929 г.: Омского областного управления (1824–1838 гг.) – 963 ед. хр.; Омского областного управления сибирских киргизов (1872–1908 гг.) – 13 894 ед. хр.; канцелярии Степного генерал-губернатора (1882–1917 гг.) – 7394 ед. хр. и 863 ед. хр. ее секретного отдела; заведующего переселенческим делом в Акмолинском районе (1908–1916 гг.) – 189 ед. хр.; Омского областного суда (1822–1838 гг.) – 42 ед. хр., Омского окружного суда (1900–1910 гг.) – 1206 ед. хр., Акмолинского областного правления (1868–1916 гг.) – 12 375 ед. хр.; Акмолинского областного суда (1881–1899 гг.) – 1520 ед. хр.; акмолинского областного прокурора (1869–1899 гг.) – 452 ед. хр.; военного губернатора Акмолинской области, секретные дела (1882–1918 гг.) – 787 ед. хр., Управления государственных земельных имуществ Западной Сибири (1851–1917 гг.) – 271 ед. хр. и др.⁴¹ Между тем в Путеводителе по Госархиву Омской области упоминается о передаче лишь 36 фондов, а в ряде случаев указываются иные наименования и хронологические рамки фондов⁴². Согласно путеводителю, были также переданы по одному фонду в государственные архивы Алма-Атинской и Павлодарской областей, а три фонда: «Акмолинское областное правление, 1917–1919 гг.», «Акмолинская областная земская управа, 1919 г.», «Акмолинская областная инспекция труда, 1918–1919 гг.» – в ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ)⁴³. Фонд Семипалатинской областной комиссии по выборам в Учредительное собрание и ряд других в Госархив Семипалатинской области поступили из Госархива Новосибирской области⁴⁴.

Несмотря на конфликтные ситуации, историко-культурные контакты между архивистами и учеными Сибири и Казахстана никогда не прерывались. В начале 1920-х гг. они укреплялись благодаря заведующему Семипалатинским губархивом Н.Я. Коншину, исследовавшему историю политической ссылки в Степном крае, разрабатывавшему материалы о Ф.М. Достоевском и о польской диаспоре в Казахстане. Немалый вклад в развитие культурных связей в эти годы внес председатель Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, архивариус Семипалатинского архива Б.Г. Герасимов, работавший над воссозданием истории Павлодарского и Усть-Каменогорского районов Степного края⁴⁵. В 1926 г. научный сотрудник Омского архива П.В. Орлов по приглашению Акмолинского общества по изучению местного края «в целях установления живой связи между архивом и обществом» читал лекции по истории Степного края в Петропавловске⁴⁶. Тесные отношения между сибирскими и казахскими архивистами продолжались и в 1930-е гг. Так, в 1933 г. по заданию ЦАУ СССР сотрудники Омского отделения Западно-Сибирского краевого архива выявляли материалы по истории хозяйственного освоения Казахской степи, в частности о разработке месторождений руд, металлов и каменного угля⁴⁷. В Новосибирске под руководством В.Д. Вегмана проводилась работа по выявлению материалов по истории фабрик и заводов Казахстана. В 1934 г. омскими архивистами была составлена опись материалов о границах бывшего Степного генерал-губернаторства и о разграничении территории с Китаем, а в 1938 г. в Омске с архивными документами по истории Казахстана работал аспирант Казахского филиала Академии наук СССР Баймурзин⁴⁸. Все это свидетельствует о том, что творче-

ские связи архивистов, краеведов и ученых в сложившемся веками едином культурном пространстве развивались независимо от административно-территориальных и государственных границ.

- 1 Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). М., 1961. С. 14–15.
- 2 Обозначенная тема рассматривалась в работе В.С. Бобровой «Профессиональные и историко-культурные контакты архивистов Сибири и Казахстана в 1920–1930-е гг.», опубликованной в материалах V Международной научной конференции «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тезисы докладов и сообщений» (Омск, 2007). По истории архивного строительства в Казахстане весьма ценными являются публикации Е.М. Грибановой «Воспоминания выпускников Историко-архивного института – казахстанцев» и «Во главе архивного строительства Казахстана (1919–1938 гг.)» в «Отечественных архивах» (2002. № 4. С. 56–76; 2004. № 4. С. 13–25).
- 3 Государственный архив Омской области (далее – ГАОО). Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 13. Л. 4; Д. 14. Л. 31, 38; Д. 16. Л. 37, 39.
- 4 Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 29. Л. 63.
- 5 ГАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 45. Л. 31–32 об.
- 6 *Жданович Я.Н., Любавский М.К.* К вопросу о недроблении архивных фондов // Архивное дело. 1926. Вып. V–VI. С. 57–67.
- 7 ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 10. Л. 122.
- 8 Там же. Д. 5. Л. 19–19 об., 95.
- 9 Там же. Л. 95.
- 10 Там же. Д. 41. Л. 99.
- 11 Там же. Д. 5. Л. 110.
- 12 Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). С. 17–18.
- 13 ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–1об.
- 14 Там же. Л. 6–6 об.
- 15 Там же. Л. 11–11 об., 15–15 об.
- 16 Там же. Л. 11–12 об., 15–16 об.
- 17 Там же. Л. 13.
- 18 Там же. Д. 3. Л. 201–201 об.
- 19 Там же. Д. 41. Л. 138.
- 20 Там же. Д. 62. Л. 18.
- 21 Там же. Л. 36.
- 22 Там же. Л. 45.
- 23 Там же. Л. 57, 58.
- 24 Там же. Д. 55. Л. 98, 99, 102.
- 25 Там же. Л. 100.
- 26 Там же. Д. 82. Л. 1.
- 27 Там же. Л. 4.
- 28 Там же. Д. 96. Л. 1–2.
- 29 Там же. Л. 2.
- 30 Там же. Л. 4–16.
- 31 Там же. Л. 4.
- 32 Там же. Л. 7.
- 33 Там же. Л. 21.
- 34 Среди них не был назван фонд Акмолинской областной земельной управы.
- 35 ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 88. Л. 48.
- 36 Там же. Д. 97. Л. 25–25 об.
- 37 Там же. Д. 99. Л. 26 об. – 27.
- 38 Там же. Д. 176. Л. 46.
- 39 Там же. Л. 48.
- 40 Там же. Л. 49.
- 41 Там же. Ф. Р-715. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–3.
- 42 Государственный архив Омской области и его филиал в г. Таре. Путеводитель. Часть первая. Омск, 1984. С. 114–116, 117, 120.
- 43 Там же. С. 105–112.
- 44 Государственный архив Новосибирской области. Путеводитель. М., 2002. С. 924, 926, 934, 936.
- 45 ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.
- 46 ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 35. Л. 44, 57.
- 47 Там же. Д. 115. Л. 100, 187; Д. 145. Л. 5.
- 48 Там же. Д. 123. Л. 7–11; Д. 253. Л. 13.

М.К. Меняйленко

Музею русской культуры в Сан-Франциско – 60 лет

Наступивший год – юбилейный для Музея русской культуры в Сан-Франциско, в настоящее время одного из крупнейших собраний документов представителей русской эмиграции за рубежом. Его финансовая поддержка осуществляется за счет пожертвований Русского центра, Образовательного фонда им. И.В. Кулаева, других эмигрантских организаций и частных лиц, но в значительной степени его деятельность строится

Члены правления Музея русской культуры в Сан-Франциско (слева направо): П.П. Антипин, Н.П. Машевский (куратор экспозиции), А.Т. Бельченко (зам. председателя), Б.Н. Волков, А.П. Лебедев, А.Л. Исаенко (зам. председателя), А.И. Вольский, П.Ф. Константинов (первый председатель). Сан-Франциско. 24 июня 1950 г.

на энтузиазме людей, которые осознают необходимость сохранения и пополнения фондов и коллекций, насчитывающих более 3 тыс. архивных коробок. При архиве имеется музейная экспозиция. В эмиграции архив и музей нередко размещаются под одной крышей.

История создания музея-архива такова. Еще в 1936 г. представитель пражского Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в США Лисицын поднимал вопрос о необходимости создания более надежного места хранения русского архива в Америке¹. РЗИА в то время являлся центральным собранием документов и изданий русской пореволюционной эмиграции в Европе и Азии. В его задачи входило систематическое собиране и формирование коллекций зарубежных газет, журналов и книг, неизданных материалов, воспоминаний, документов личного происхождения и архивов организаций. Финансирование РЗИА осуществлялось благодаря поддержке первого президента Чехословакии Т. Масарика², однако мировой кризис конца 1920-х – начала 1930-х гг. привел к его сокращению. Более того, в 1934 г., когда Чехословакия одной из последних в Европе установила дипломатические отношения с СССР, усилились требования чехословацких коммунистов прекратить поддерживать русскую эмиграцию. В других европейских странах ее положение также не сулило перспектив; победа на выборах 1936 г. во Франции Народного фронта и, как следствие, возможное улучшение отношений с СССР вынудило одних представителей эмиграции перевезти свои архивы из Франции в Бельгию, а других – отправиться в Америку.

Русские колонии в США имели тесные контакты с центрами эмиграции в Европе и Китае. Актом поддержки и преемственности Русского исторического общества в Праге стала регистрация в 1937 г. в Сан-Франциско Русского исторического общества (РИО) в Америке, образованного на основе Комитета форта Росс, который занимался поисками свидетельств об этом русском южном форпосте в Калифорнии периода освоения Нового Света и решением проблемы сохранения разрушающейся крепости. Председатель РИО в Америке – член Русского географического общества и бывший сотрудник Санкт-Петербургской академии наук, ряда дальневосточных музеев А.П. Фарафонов уже в январе 1938 г. выступил со статьей «Русский музей – насущная необходимость»³. Развивая контакты с деятелями эмиграции, РИО в Америке приступило к организации библиотеки, архива и музея. Его членами еще до начала Второй мировой войны стали писатель Г.Л. Гребенщиков (штат Коннектикут), директор исторического музея и библиотеки А.П. Кашеваров (Джуно, штат Аляска), доктор философии С.Г. Сватиков (Париж), доктор философии Е.А. Москов (Нью-Йорк) и др.

Между тем в Европе положение эмигрантских организаций становилось все труднее. В 1938 г. 179-й выпуск «Записок Русского исторического общества в Праге»⁴ смог выйти лишь в Нарве (Эстония), 180-й – был конфискован нацистами, а председатель пражского РИО А.В. Флоровский арестован. В том же году в Сан-Франциско начинают издаваться «Записки Русского исторического общества в Америке», первый выпуск которых появился под № 181, подчеркивая таким образом преемственность с пражским изданием. Почетный председатель РИО в Америке митрополит Американский и Канадский Феофил (до 1934 г. архиепископ Сан-Францисский) выделил в Свято-Троицком соборе небольшую комнату для общества. В 1941 г. РИО

в Америке переехало в здание Русского центра⁵. В послевоенное время оно возродиться не смогло.

С окончанием Второй мировой войны вопрос о необходимости создания общественного архива документов русской эмиграции на Американском континенте был поднят вновь. С одной стороны, война привела к крупным потерям библиотек, архивов и частных коллекций русских эмигрантов в Европе и Китае, с другой – начавшееся после войны массовое переселение представителей европейской и азиатской ветвей русской эмиграции в Австралию, Америку и Канаду грозило новыми утратами. Эмигрантские архивы в тот период оказались в катастрофическом состоянии. Не случайно ставший впоследствии первым председателем Музея русской культуры в Сан-Франциско П.Ф. Константинов в 1947 г. взялся за сбор сведений об архивах русской эмиграции, развернув практически в одиночку переписку с широким кругом представителей науки, искусства и православной церкви. За период с 1947 г. до своей смерти в 1954 г. он отправил около шестисот писем, копии которых бережно сохранял. Ему ответили многие видные деятели русской эмиграции, ученые, архивисты, библиографы, музееведы, среди которых были академик В.Н. Ипатьев, профессора И.А. Ильин, П.А. Сорокин, А.Д. Билимович, П.Е. Ковалевский, ректор Московского университета в 1919–1920 гг. М.М. Новиков, член антибольшевистского правительства Хорвата генерал В.Е. Флуг, заведующий библиотекой, архивом и музеем Общества офицеров российского императорского флота в Америке ст. лейтенант флота С.В. Гладкий, писатель Г.Д. Гребенщиков, председатель Общества им. Пушкина Б.Л. Бразоль, редактор газеты «Русский в Англии», член инициативной группы по созданию общеэмигрантского центра А.В. Байкалов, личный секретарь Сербского патриарха Варнавы, автор капитального труда «Русские в Югославии» В.А. Маевский. Присланные ими статьи, дающие представление о состоянии эмигрантских архивов в послевоенные годы, опубликованы в сборнике «Museum of Russian culture. Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси»⁶.

В заключительной статье сборника П.Ф. Константинов, подводя итоги своей поисковой деятельности, сообщал о существовании до войны 166 русских архиво- и книгохранилищ, 44 из которых являлись русскими отделами при иностранных частных или государственных собраниях (четыре из них погибли во время немецкой оккупации). Значительно большие потери понесли русские эмигрантские частные или общественные архивы (из 122 сохранились лишь 87, остальные либо не имели постоянного места хранения, либо сгорели, были ликвидированы, расхищены, прекратили свое существование, как переданный правительством Чехословацкой Республики в дар Академии наук СССР и вывезенный советскими войсками РЗИА; судьба некоторых неизвестна). В целом, по сведениям П.Ф. Константинова, утраты составили 33 %.

Во Франции, занимавшей до войны лидирующее положение по количеству русских эмигрантских архивохранилищ, до начала 1950-х гг. не удавалось найти помещения ни для общественной библиотеки, которая могла бы заменить располагавшуюся в Париже и расхищенную в годы Второй мировой войны Тургеневскую библиотеку, ни для Русского общественного музея, где хранились бы культурные ценности эмиграции. Основанное

в 1945 г. в Париже профессором Д.П. Рябушинским Общество охранения российских культурных ценностей за рубежом вело розыск русских архивов. Однако, как отмечает профессор П.Е. Ковалевский, из-за отсутствия общественного архива русской эмиграции обнаруженные Обществом ценные архивы были помещены в Национальный архив Франции. Сам ученый также намеревался после завершения своей работы над историей Русского зарубежья передать имеющиеся у него архивы в Национальный архив Франции⁷.

Для китайской волны эмиграции наиболее тревожной была неопределенность с богатым книгохранилищем Русской духовной миссии в Пекине, насчитывавшем свыше 4 тыс. ценных книг. В декабре 1945 г. миссия перешла под юрисдикцию Московского патриархата. «В Китае – большевики. Удастся ли архиепископу Виктору сохранить все эти редкие сокровища? На этот вопрос никто не может ответить», – пишет в 1953 г. полковник В.О. Вырыпаев, эмигрировавший с армией Каппеля в Маньчжурию, где проживал до 1924 г.⁸ О дальнейшей судьбе этого книгохранилища пишет сотрудник отдела внешних связей Русской православной церкви, специалист по истории православия в Китае священник о. Дионисий Поздняев: «По свидетельству очевидца событий 1957 г., так же как и полвека назад горела никому не нужная библиотека миссии, частично переданная архиепископом Виктором [советскому] посольству»⁹.

Отъезд русских из Китая и Европы сопровождался неизменным вопросом: что делать с архивами? Безуспешно искали место для своих архивов бывший представитель правительства Колчака и Приамурского временного правительства по делам с США, Великобританией и Францией И.К. Окулич (Ванкувер, Канада), журналист и литератор Ю.П. Миролюбов (Брюссель, Бельгия), священник Иннокентий Серышев (Брисбен, Австралия), представитель Православного комитета австрийского отдела Всемирной церковной службы (Church World Service) для помощи перемещенным лицам князь А.А. Ливен (Зальцбург, Австрия). Всех этих людей не устраивала передача материалов в иностранные хранилища, «где они могут быть навсегда потеряны для России будущего»¹⁰.

Наиболее приемлемой страной для создания нового архивохранилища русской эмиграции являлись США, что было обусловлено высоким уровнем жизни, стабильным политическим устройством, отсутствием опасности большевистского вторжения, а также нарастающей численностью русской эмиграции и формированием здесь в конце 1940-х гг. ее крупнейшего центра. В США действовало немало российских эмигрантских общественных объединений, при которых имелись архивы и библиотеки. Однако требовался общий архив, систематическое осуществляющий сбор материалов о жизни русских за границей – воспоминаний, документов, фотографий, личных архивов и архивов организаций, а также эмигрантских изданий, которые, как правило, выходили малыми тиражами, терялись в многочисленных переездах и быстро становились раритетами.

На востоке США вопрос о создании подобного архива обсуждался и в старейшей эмигрантской организации – Русском объединенном обществе взаимопомощи в Америке (Кассвилль, штат Нью-Джерси), и в Свято-Троицком монастыре (Джорданвилл, штат Нью-Йорк), где при духовной семинарии существовала обширная библиотека. В то же время РИО в Америке

уже был заложен фундамент русского общественного архива в Сан-Франциско, а приобретение местной русской колонией собственного здания открывало благоприятные перспективы.

В 1947 г. образовалась инициативная группа из представителей трех организаций в составе: основателя РИО в Америке А.П. Фарафонтова; главы и хранителя имущества этого общества М.Д. Седых; участника Первой мировой и Гражданской войн, заведующего библиотекой Русского центра, кандидата юридических наук А.Л. Исаенко; участника Гражданской войны, председателя Русского сельскохозяйственного общества в Северной Америке П.Ф. Константинова; члена и казначея этого общества А.П. Муромского.

Участие сельскохозяйственного общества в создании общественного архива русской эмиграции неудивительно. Мировая аграрная наука в то время переживала необычайный подъем, что привлекло в ее ряды значительные творческие силы. Русское сельскохозяйственное общество в Северной Америке при поддержке бывшего министра народного просвещения и товарища министра земледелия графа П.Н. Игнатьева; И.К. Окулича, а также автора 42 монографий и сотни статей по вопросам кооперации, сельского хозяйства и промышленности профессора И.В. Емельянова объединяло свыше 50 русских специалистов в США и Канаде.

П.Ф. Константинов обратился за поддержкой к академику В.Н. Ипатьеву¹¹, с которым состоял в переписке с конца 1930-х гг. В начале 1947 г. он получил следующий ответ известного ученого, согласившегося стать почетным председателем Музея русской культуры в Сан-Франциско: «И материально, и духовно буду поддерживать музей».

Днем основания музея-архива является 7 марта 1948 г. С благословения митрополита Американского и Канадского Феофила состоялось общее организационное собрание, на котором председатель Объединенного комитета русских национальных организаций г. Сан-Франциско генерал А.Н. Вагин подчеркнул необходимость организационной связи открывающегося музея с Русским центром. Крупный общественный деятель эмиграции Н.В. Борзов выразил надежду, что собрание музея ни при каких обстоятельствах не окажется в руках большевиков, как это случилось в Праге. Первым его руководителем стал П.Ф. Константинов.

К 1949 г. у музея-архива насчитывалось уже 11 представителей в разных странах: в Австрии – князь А.А. Ливен и Е.В. Семчевская, в Германии – профессор Цуриков, журналист Б.С. Домогацкий, писатель С.Я. Савинов, Р.В. Полчанинов, Б.В. Вергиза, в Бельгии – Ю.П. Миролюбов, в Англии – А.В. Байкалов, в Австралии – священник Иннокентий Серышев, в Египте – поэт Н.В. Войтенков. Когда же к 1953 г. лагеря для интернированных лиц в Германии и Австрии опустели, представители музея-архива в этих странах, сменив место проживания, продолжали высылать материалы со всех континентов, где находились русские общины. Всего за первые пять лет в Сан-Франциско поступило 1306 посылок из 27 стран¹².

В Нью-Йорке в эти же годы проводился сбор материалов для другого собрания – Архива русской и восточноевропейской истории и культуры, зарегистрированного в 1951 г. Уже в 1948 г. П.Ф. Константинов получил сообщение от К.В. Деникиной (вдова генерала А.И. Деникина), что она передала весь архив своего мужа в «хранилище русских исторических архивов, который предполагается открыть в Колумбийском университе-

те»¹³. В том же году известный историк и публицист С.П. Мельгунов из Парижа, подтверждая намерение помогать музею-архиву в Сан-Франциско, спрашивал П.Ф. Константинова о существовании каких-либо разграничений с архивом, образующимся при Колумбийском университете в Нью-Йорке¹⁴. Инициативную группу здесь возглавили последний посол Временного правительства в США Б.А. Бахметев (председатель) и известный политический деятель, публицист, историк-архивист, собиратель документов Б.И. Николаевский (директор-распорядитель). Ответственность за обеспечение сохранности материалов взял на себя возглавляемый Б.А. Бахметевым Русский гуманитарный фонд. Совещательный комитет из представителей русской эмиграции возглавил профессор Ф.А. Мозли, куратором архива стал недавно прибывший из Европы бывший заведующий газетным отделом РЗИА Л.Ф. Магеровский. Руководителем архива избрали ректора Колумбийского университета. Многие эмигранты считали создание русского архива на таких условиях рискованным, поскольку это грозило нарушением условий передачи документов.

В 1951 г. редактор журнала «За право и правду. Вестник объединения русских юристов, бывших “ди-пи” в Америке» К.Н. Николаев, отметив, что русский архив «есть начинание национального характера, должен служить русским национальным интересам и должен быть совершенно независим от каких-либо местных национальных организаций», призвал поддержать его создание в Сан-Франциско: «Музей-архив находится в Сан-Франциско в русских руках, является общественной организацией и гарантирует, что с ним не произойдет того, что произошло с архивом в Праге»¹⁵.

В следующем году П.Ф. Константинов направляет письмо профессору Ф.А. Мозли, предупреждая его об опасности потерять возможность возвращения в Россию документов, полученных архивом¹⁶. Когда же в декабре 1973 г. управляющие Русским гуманитарным фондом, не найдя себе преемников, передали Колумбийскому университету денежные остатки фонда, составлявшие, по неофициальным сведениям, более 1 млн долларов, профессор П.Е. Ковалевский заявил, что деньги фонда лучше было употребить на издание рукописей или поддержку русских академических организаций, Толстовского фонда либо Музея русской культуры¹⁷. В настоящее время богатое собрание документов Архива русской и восточноевропейской истории и культуры в Нью-Йорке не является собственностью русской эмиграции в отличие от Музея русской культуры в Сан-Франциско.

Описание коллекции музея-архива осуществлялось с конца 1970-х гг. совместными усилиями проживавших на чужбине российских и американских ученых, библиографов и архивистов¹⁸. Сравнительную оценку архивной коллекции Музея русской культуры дал в 1988 г. Эдвард Казинец, глава славяно-балтийского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки. В своей рецензии на публикацию «Каталога редких книг и рукописей Бахметевского архива» он отметил, что коллекция может соперничать лишь с архивом Гуверовского института войны, революции и мира и архивом Музея русской культуры в Сан-Франциско¹⁹. В другой его рецензии на «Путеводитель по русской коллекции архива Гуверовского института» три перечисленных архива выстроены в один ряд и особо выделена богатая коллекция Музея русской культуры в Сан-Франциско²⁰.

В СССР научных публикаций о Музее русской культуры не было: советское консульство в Сан-Франциско на запросы исследователей официально заявляло об отсутствии сведений о существовании музея-архива русской эмиграции. В свою очередь, представители русской эмиграции до середины 1980-х гг. считали недопустимым посещение учеными и архивистами из Советского Союза музея-архива. Лишь с конца 1990-х гг. статьи о нем появляются в российских изданиях²¹.

Обзор части коллекции Музея русской культуры в Сан-Франциско, подвергшейся обработке и микрофильмированию в ходе совместного проекта с Гуверовским архивом, представлен в статье И.В. Волковой²². Остальная часть (половина архивного комплекса) пока не прошла научного описания. Это личные фонды: художника П.Челищева; администратора Московского художественного театра и ассистента В.И. Немировича-Данченко С.Л. Бертенсона; этнолога и археолога, автора научных работ по археологии Китая В.В. Поносова; журналиста и писателя Л.Г. Дейча (Лович); редактора издания Китайской духовной миссии в Пекине «Китайский благовестник» и секретаря генерала Хорвата Д.П. Пантелеева; председателя Общеказачьего союза в Сан-Франциско атамана В.В. Пономаренко; фонды организаций: «Русский центр», «Музей русской культуры», «Общество помощи инвалидам – ветеранам Великой войны», «Объединение воткинцев в Сан-Франциско», «Объединение бывших чинов Русского корпуса»; коллекции: «Русский Харбин», «КВЖД», писем известных русских писателей и художников (А.И. Куприна, В.В. Муйжеля, А.М. Ремизова, И.Е. Репина, Н.К. Рериха), эмигрантских публикаций об императоре Николае II и его семье, открыток; переписка великой княгини Марии Александровны с отцом, императором Александром II и другими лицами.

Тем не менее директор Музея русской культуры Д.Г. Браунс, заместитель директора Ю.А. Тарала, сотрудники Н.Х. Драгомерецкий, Н.Л. Дьячков, И.А. Талли, М.Атон, О.Борисова, Н.Воронцова, А.Ганза, Л.Терн, С.А. Изюмова, А.Капутерко и автор данной статьи приложили немало усилий по подготовке необходимой в работе музея-архива системы каталогов. Составлены главный топографический указатель, который охватывает личные фонды, фонды организаций, коллекции (единичных поступлений, периодики, рукописей, писем, изобразительных материалов, микрокопий, а также сформированных из разрозненных документов альбомов), два топографических указателя периодических и непериодических изданий библиотеки архива. Подготовлены справки и описи некоторых фондов и коллекций музея-архива.

В настоящее время архив временно закрыт для исследователей. Однако с 2003 г. с микрофильмами материалов музея-архива можно ознакомиться в Государственном архиве Российской Федерации. Описи микрофильмированных коллекций размещены на сайте Гуверовского института: <http://www.hoover.org/hila/collections/10089811.html>

¹ Константинов П.Ф. Музей русской культуры при Русском центре в Сан-Франциско // Сборник статей о Музее русской культуры в Сан-Франциско. 1948–1953. Машинопись (Музей русской культуры в Сан-

Франциско (далее – МРК). № 102-6. С. 2–7).

² *Петрушева Л.И.* Русская акция правительства Чехословакии и эмиграция из России // Есть на карте место... Российская и белорусская эмиграция в Европе в 1920–1930-е годы: Каталог выставки. М.; Минск, 2002.

³ *Фарафонов Ал.* Русский музей – насущная необходимость. Деятельность Русского исторического общества в Америке // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1938. 27 января (МРК. № 102-1. Альбом «Музей-архив 1947–1955. Т. 1». Дополнительная папка).

⁴ В Праге с 1927 г. изданы три выпуска «Записок Русского исторического общества в Праге»: № 176–178, начиная с основания Русского императорского исторического общества в С.Петербурге в 1866 г. (см.: <http://www.russkymir.ru/out.php?cat=6>).

⁵ *Окулич И.К.* Русское историческое общество в Америке. Машинопись (МРК. Коллекция «Рукописи», 3134М; Слава, хвала, честь: Юбилейный сборник, посвященный 25-летию основания Русского центра. Сан-Франциско, 1964).

⁶ Сан-Франциско: Музей русской культуры. Изд. ред. коллегии Музея русской культуры в г. Сан-Франциско. Калифорния, 1966.

⁷ *Ковалевский П.Е.* Культурные ценности за границей // Там же. С. 78–85.

⁸ *Вьрытаев В.* Книгохранилище бывшей Русской миссии в Пекине // Там же. С. 63.

⁹ *Поздняев Д.* Православие в Китае // www.orthodox.cn/ofasc/index_ru.html; www.russky.org/history/library/pozdnyayev

¹⁰ *Лукашкин Ан.* Не лучше ли помочь русскому Музею-архиву (ответ на статью Н.Жигулева) // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1954. 6 октября.

¹¹ В советской России В.Н. Ипатьев с 1921 г. возглавлял Главное управление химической промышленности ВСНХ, помимо этого он основал Осоавиахим и Институт высоких давлений. В условиях, когда многие его ближайшие соратники оказались репрессированы, во время участия во II Международном энергетическом конгрессе в июне 1930 г. уче-

ный принял решение не возвращаться на Родину. В 1936 г. в СССР вышла его фундаментальная монография, но за отказ возвращаться в СССР В.Н. Ипатьев был лишен звания академика и советского гражданства. В США он разработал промышленный способ получения высокооктанового авиационного бензина, стал автором и соавтором более 400 изобретений и свыше 300 патентов. Он был членом Национальной академии США, Парижской академии наук и других европейских университетов, в мировой науке считается вторым после Д.И. Менделеева великим русским химиком. На попытки вернуться после 1953 г. в СССР получал отказ. О нем подробнее см.: *Волков В.* Ипатьев Владимир Николаевич // www.peoples.ru/science/chemistry/ipatiev/; *Соловьев Ю.И.* Владимир Николаевич Ипатьев и Алексей Евгеньевич Чичибабин // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 46–53.

¹² *Константинов П.Ф., Исаенко А.Л.* О музее-архиве // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1949. 30 апреля (МРК. № 102-1. Альбом «Музей-архив 1947–1955. Т. 1». С. 59; Сборник статей о Музее русской культуры в Сан-Франциско... С. 2–7).

¹³ МРК. № 102-1. Альбом «Музей-архив 1947–1955. Т. 1». С. 41.

¹⁴ Письмо С.П. Мельгунова П.Ф. Константинову. 1948 (МРК. Коллекция «Переписка». № 1332).

¹⁵ *Николаев К.Н.* Дробление сил // Россия (Нью-Йорк). 1951. 7 июня.

¹⁶ Копия ответа П.Ф. Константинова председателю правления архива в Нью-Йорке профессору Ф.А. Мозли от 18 октября 1952 г. (МРК. Коллекция «Переписка»).

¹⁷ *Ковалевский П.Е.* Фонд имени Б.А. Бахметева // Русская мысль (Париж). 1974. 17 января.

¹⁸ *The Russian Empire and Soviet Union. A Guide to manuscripts and archival materials in the United States / Comp. by Steven A. Grant and John H. Brown.* Massachusetts, Boston, 1981; *Russian Emigré Serials: A bibliography of titles held by the University of California,*

Berkeley, Doe library reference collection / Comp. by Allan Urbanic. California, Berkeley, 1989; Russian Emigré Literature: A bibliography of titles held by the University of California, Berkeley, Doe library reference collection / Comp. by Allan Urbanic. California, Berkeley, 1993; *Бакич О.* Наше пятидесятилетие // Россияне в Азии: Лит.-ист. ежегодник (Торонто). 1998. № 5. С. 261–274; *Меняйленко М.К.* Просветительская и издательская деятельность священника-эсперантиста отца Иннокентия Серышева (из архива Музея русской культуры в Сан-Франциско) // Там же. 2000. № 7. С. 300–312; Museum of Russian culture in San Francisco. Microfilming project. 2 volumes. California, Stanford University, Hoover Institution, 2001; *Даниельсон Е.* Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте // Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. Материалы междунар. науч.-практ. конф. 16–17 ноября 2000 г., Москва. М., 2001. С. 57–65; *Она же.* Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 202–211; и др.

¹⁹ *Kasinec Edward.* Review / Russia in the twentieth century: the catalog of the Bakhmeteff archive of Russian and East European history and culture: the rare book and manuscript library, Columbia University, Boston, 1987 // *Slavic Review* (Urbana-Champaign). 1988. Vol. 47. № 2. P. 332–333.

²⁰ *Kasinec Edward.* Review / Guide to the collections in the Hoover Institution

archives relating to Imperial Russia, Russian revolution, civil war and first emigration / Comp. by C.A. Leadenham. Hoover press bibliographical series, 68. Stanford, California, Hoover Institution press, 1986 // *Ibid.* P. 331–332.

²¹ *Хисамутдинов А.А.* Музей русской культуры в Сан-Франциско: материалы дальневосточной эмиграции // Отечественные архивы. 1999. № 5. С. 22–29; *Квакин А.В.* Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско: неиспользованные возможности // Зарубежная архивная Россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения... С. 65–72; *Мелихов Г.В., Шмелев А.В.* Документы эмиграции Дальнего Востока в фондах Музея русской культуры Русского центра в Сан-Франциско // Россика в США: Сб. статей (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 7). М., 2001. С. 186–204; *Меняйленко М.К.* Издательская деятельность «перемещенных лиц» в Германии и Австрии после окончания II мировой войны в 1945–1953 гг. (Из архива-музея русской культуры в Сан-Франциско) // Зарубежная архивная Россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения... С. 114–122; *Волкова И.В.* Документы русской эмиграции в Сан-Франциско // Отечественные архивы. 2002. № 2. С. 47–54; *Меняйленко М.К.* Коллекция периодических изданий Музея русской культуры в Сан-Франциско // Российская интеллигенция на Родине и в Зарубежье. М., 2005.

²² *Волкова И.В.* Указ соч. С. 49–53.

Г.В. Демчук

Веревные книги Двинского уезда XVII в. о поземельных отношениях на Русском Севере

Веревные книги – разновидность документов писцового делопроизводства. Возникновение их, как и писцовых книг, связано с образованием в конце XV в. Московского централизованного государства. Думается, не случайно именно к этому периоду относятся первые известные описания поморских земель¹, проводившиеся с целью утверждения единовластия великокняжеской власти на территориях Русского Севера, в том числе права сбора налогов. Для этого определялись границы уезда, волостей (основная налогово-платежная единица) и деревень в них, проводились общее описание и налогообложение земель и угодий как уезда в целом, так каждой волости и деревни в частности. Именно писцовые книги утверждали в соответствии с государевыми указами единицы и нормы обложения, виды и нормы денежных платежей в уезде. Однако величина налогообложения каждого тягльца в деревне писцовыми книгами не устанавливалась. Этим целям служили веревные (вервь – веревка) книги, учитывая назначение которых можно предположить, что они появились одновременно с писцовыми книгами, хотя достоверной информации об этом нет. Веревные книги составлялись по царской грамоте выборными крестьянами на основе сотных выписей из писцовых книг и крестьянских «излюбленных» записей. Соответственно, веревные книги служили законным основанием для раскладки общего писцового тягла между тягльцами каждой деревни.

Количество известных веревных книг невелико, и все они относятся к территории Двинского уезда XVII в. Несмотря на их малочисленность (А.И. Копанев указал на 16 монастырских и три веревных книги черносошных волостей), документы XVI и XVII вв. свидетельствуют о том, что вервление в волостях производилось с известной регулярностью². Ныне веревные книги хранятся в архивах Архангельска и Санкт-Петербурга³. Тексты нескольких веревных книг XVIII в. опубликованы в начале XX в. М.В. Довнар-Запольским⁴, а П.И. Ивановым подробно исследована Перемская веревная книга⁵.

Поскольку местом создания всех выявленных веревных книг XVII в. был Двинский уезд, а Паниловская и Коскошинская веревные книги различаются между собой по содержанию и описанным в них типам поземельных отношений, важно рассмотреть административно-территориальное устройство Двинского уезда, сложившееся к началу XVII в.

В XV в. его территория занимала сравнительно небольшое пространство от побережья Белого моря по берегам Двины до районов Орлец – Ступинское⁶. Судя по грамотам середины XVI в., Двинская земля включала Верхнюю Половину, Нижнюю Половину, Пинегу Большую и Малую на Колмогорах (современные Холмогоры) и в Двинском уезде⁷. В конце XVIII в. последний разделялся на трети: Емецкую, Околопосадную и Низовую, каждая из которых ежегодно выбирала земского старосту «для начальства» над всеми волостными сотскими своего удела⁸. Паниловская волость распо-

лагалась на р. Северная Двина к югу от Холмогор в Матигорской Луке⁹. В 1470-е гг. Колмогоры и Матигорская Лука обозначены двинскими списками как «вотчина осподарей великих князей»¹⁰.

Наиболее ранней из ныне известных является веревная книга Паниловской волости 1612 г., впервые введенная в научный оборот А.Я. Ефименко¹¹, а более подробно исследованная А.И. Копаневым¹². При работе с этим источником ученые уделили основное внимание распределению земель и угодий между тяглецами деревни и пришли к диаметрально противоположным выводам. По мнению А.Я. Ефименко, земельный строй северной деревни был складнически-долевым. В XVII–XVIII вв. он начинает изменяться, а в XIX столетии «на месте долевого водворилось подворно-участковое владение»¹³. Напротив, А.И. Копанев считал, что в северной деревне в XV–XVII вв. господствовал подворно-участковый тип землевладения. Долевого строя, как некоего длительного этапа поземельных отношений, на Русском Севере не было¹⁴.

Различие выводов крупных ученых, полученных в результате изучения одного и того же источника, свидетельствует о необходимости дополнительного исследования путем сравнительного анализа писцовых и веревных книг черносошных волостей, а также веревных книг разных территорий Двинского уезда – Окологоднего и Емецкого станов.

В писцовой книге Двинского уезда 1622–1623 гг., составленной Мирном Вельяминовым, Паниловская волость записана как самостоятельная административно-территориальная и налогово-платежная единица¹⁵. В описаниях деревень, расположенных на ее территории, существовали некоторые различия, обусловленные конкретными природными условиями и хозяйственными ресурсами каждой из них. В целом книги идентичны по структуре, что позволяет рассмотреть в качестве примера сведения по одной деревне – Вороновской и сравнить их с описанием той же деревни в веревной книге.

Так, в писцовой книге в двухдворной деревне Вороновской записаны тяглецы Юшка Офонасьев сын Иванов с четырьмя сыновьями и Богдашко Третьяков сын Вершинин, за которыми в совокупности значилось: «пашни паханые средние земли три чети бес пол-полтретника, а худые земли осмина. Да перелогу худые земли четыре чети с осминою, да водою отмыло две чети в поле... сена в Ступинском лугу и на пожне на Мечке двадцать копен. Лесу не пашенново две десятины». Подсчитано писцами и общее для обоих тяглецов деревни живущее и пустотное тягло.

Зафиксированные в писцовой книге совокупное количество деревенских земель и угодий и данные об их налогообложении позволяют предположить общее для деревни тяглое владение и долевого типа поземельных отношений в Паниловской волости. Такое же впечатление складывается и из сведений писцовой книги об общих оброчных землях: «Паниловские ж волости за крестьяны оброчные земли и рыбные ловли на оброке за всеми крестьяны по оброчным книгам...»¹⁶. При этом в Вороновской деревне записано полтрети оброчной земля Юшки Офонасьева сына Иванова с детьми. Таким образом, в Вороновской деревне наряду с тяглыми бытовали общие «за всеми крестьяны» оброчные волостные и оброчные внутридеревенские земли, которыми пользовалась только семья Офонасьевых.

Иную картину земельного строя рисует веревная книга Паниловской волости 1612 г., составленная «по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу», по сотной грамоте и по писцовым книгам князя Василия Андреевича Звенигородского «с товарищи». В соответствии с указом «излюбленной веревщик» Гаврило Васильев Пономарев «извервил» Николо-Паниловский приход Плесской волости. «Излюбленные целовальники» Василей Евсеев и Иван Митрофанов «извервленные» в сажнях земли и угодья «окладывали по своему домыслу, з божью правду, а в ровности верви по 64 сажени»¹⁷.

В этой веревной книге описано шесть селений, в том числе и деревня Вороновская, в которой «извервили» земли и угодья двух тяглецов: Юрия Офонасьева сына Иванова и Савы с Богдашкой Третьяковых¹⁸, но, в отличие от писцовой книги, владения каждого измерены и обчисланы отдельно. У первого описали 16 сажень «горней земли», а также расположенные в разных местах переложки, полосы, огородцы, лужки, пожни. Каждый из этих участков был измерен в сажнях для его обложения тяглыми платежами, при этом оброчные земли из вервления исключались¹⁹.

Аналогичным образом описаны и учтены для налогообложения все участки земель и угодий крестьян Савы и Богдашки Третьяковых: «...и всей той горней и луговой земли у Савы да у Богдана верев и 24 сажени»²⁰.

Сравнение содержания писцовой и веревной книг позволяет сделать ряд принципиально важных наблюдений и выводов. Так, по характеру писцового описания можно предположить общее крестьянское владение землей и угодьями как в деревне Вороновской, так и по всей Паниловской волости. Веревная же книга убедительно свидетельствует о том, что общего тяглого землевладения в Паниловской волости не было, и, в отличие от писцовой книги, содержит подробное описание распределения земель и угодий между обоими тяглецами. В веревной приведен перечень точно измеренных полос, полосок, лоскутов, пожен, закраин каждого тяглеца. Это дает основания говорить о том, что тяглец владел не долей, а конкретным земельным участком, размерами которого было обусловлено сажненное тягло. Таким образом, Паниловская веревная книга 1612 г. описывает тип подворно-участкового землевладения в волости. Она не только значительно полнее писцовой книги раскрывает сущность внутридеревенского землевладения в Паниловской волости Двинского уезда, но и опровергает представление о бытовании в волости складнически-долевого типа земельных отношений. Поэтому нельзя не согласиться с выводом А.И. Копанева о принадлежности земли в селении отдельным дворам²¹. При любом разделе деревни или отчуждении земель каждый участник сделки получал «определенный кусок» ее, а не идеальную долю, как об этом писала А.Я. Ефименко.

В писцовой книге за 1622–1624 гг. в Емецком стане в Коскошине среди других черных деревень «государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии» значится деревня Северниковская Исаковская. В ней указаны тяглецы Тренка Яковлев сын Дерягин и Минка с Онисимкой Гавриловыми детьми Белянкина, за которыми записаны: пашня паханая и отхожая на островах Заняшье и Мартушеве, сено за озером, на Круглой пожне, на Мартушеве острове, непашенный лес. Для обоих тяглецов определено общее вытное тягло²².

Значительных различий в писцовом описании паниловских и коскошинских деревень не выявлено. Исключение составляет наличие в описании Коскошина отхожей пашни. Общее описание и обложение налогами земель и угодий обоих тяглецов также позволяет предположить существование в этой деревне и платежной единице, как и в Вороновской деревне, общего крестьянского землевладения.

Известное нам «вервление» Ныкольской, Коскошинской, Звозской волостей и Березника относится к 1679 г. Веревщик Пингишской волости Иван Анисимов, выборные целовальники Иван Минин, Федор Никифоров и Федосей Тарасов «вервили» горние и луговые орамы (пахотные) земли, и сенные покосы, и причисти, и новые росчисти, и на отъезжих реках. Мера коскошинской верви отличалась от паниловской и составляла 80 сажень, а величина сажени – три аршина²³. В преамбуле Коскошинской веревной книги, в отличие от Паниловской, отсутствует ссылка на царский указ о «вервлении» земель и угодий в платежной единице, не упоминается и сотная грамота князя Василия Звенигородского. В отличие от преамбулы веревной книги Паниловской волости здесь указаны объекты «вервления». В деревне Исаковской у Сергия Минина «со складники» измерили в сажнях «горнюю землю в поле Борово верхнее, в том же ободу поле Подгорное с закраинами, поле Нижнее за улицей, огородцы, заполоски и луговую землю, пожни Чечушка, Залесье Кругло и Долга». Характер описания указывает на то, что эти земли и угодья были общими.

Отдельным разделом веревщики описали «всех складников», «орамую, кошебную и пометную» землю и «закраины». Эти земли и угодья также записаны как общие. Особо веревщики отметили в общих землях и угодьях «у Сергия одного оприч складников» «полтрети сажени тягла», прикупную Зальвскую пожню с причистью и перелог за Малым копанцом. Аналогичным образом у Корнила Якимова со складником записаны по обе стороны реки Чачи наволочки, сенные покосы на полтрети сажени и нижняя и средняя закраины, которые составили вервь пятьдесят сажень²⁴. Судя по описанию, эти земли и угодья были «собными».

В этой веревной книге общее число тяглецов в деревне и их имена, в отличие от Паниловской, не указаны. Книга называет только Сергея Минина, все остальные обозначены как «складники». Из других крестьян упомянут Корнил Якимов со складником. Земли и угодья в деревне описаны и измерены в целом, без разделения на участки отдельных владельцев. Очевидно, что они были общими для всех складников, за исключением «собных» участков Сергея Минина и Корнила Якимова.

Перечисление в Коскошинской веревной книге участков «в первом делу», «на старом делу», «на большем делу» «на малом и на среднем делу» свидетельствует как об общем землевладении, так и о земельных переделах в деревне. Подвергавшиеся переделам земли и угодья «вервились» и облагались саженым тяглом. При этом учитывались как «орамая», так и «луговая» «кошебная» и «пометная» земли, «льняники» и «закраины». Все земли и угодья, «новины», сенокосы были положены в общее деревенское тягло, требующее в дальнейшем его «разруба» между конкретными тяглецами. Совершенно очевидно, что и в писцовой, и в веревной книгах описаны участки не каждого тяглеца в деревне, а об-

щее владение. Такой способ веревного описания предполагает, что складнику принадлежал не конкретный участок земли и угодий, не конкретная величина тягла, а доля в имуществе и тягле однодеревенцев. В этой части содержание писцовой и веревной книг совпадают. Наряду с общими, судя по содержанию веревной книги, в Коскошине бытовали «собные» земли складников.

Таким образом, объем и характер записей в веревной и писцовой книгах отличаются. Здесь важно отметить, что именно веревная книга позволяет выявить наличие складнически-долевого типа поземельных отношений в Емецком стане Двинского уезда и определить его характерные черты. Так, Коскошинская веревная книга, в отличие от Паниловской, называет среди деревенских земельных имуществ «росчисти и молоди» прежних выпашей, которые складникам запрещалось сечь и пахать «без делу и без жеребья»²⁵. Бытование в деревне практики расчистки новых и заброшенных старых земель – молодей свидетельствует о существовании в этой части уезда подсечно-огневого земледелия, использовавшегося как дополнение к пашенному трехполью²⁶. Представляется, что это и есть «отхожие пашни», упомянутые в писцовой книге.

О складнически-долевым типе поземельных отношений в этой части Емецкого стана Двинского уезда свидетельствуют и акты XVI–XVII вв. Юшковской деревни Зачачьевской волости. Так, в 1593 г. Еремей Матвеев сын Федоров продал свою двенадцатую долю деревни с двором и дворищем, с горными землями и санными угодьями, а их покупателю Ивану Семенову сыну Большему предписывалось платить дань и оброк с двенадцатой доли²⁷. В XVII в. крестьянин Зачачьевской волости Пашка Дерягин «поступился» в пользу Никольской церкви своей долей деревни, купленной им у брата в 1609 г. В источниках упоминаются «в половине треть и в другой половине шестая доля деревни»²⁸.

Таким образом, очевидно, что в Коскошинской веревной книге речь идет о складнически-долевым землевладении и земельных переделах в отличие от подворно-участкового и оброчного землевладения, отраженного в Паниловской веревной книге. Проведенное нами исследование свидетельствует, что взгляды А.Я. Ефименко и А.И. Копанева верны отчасти. Сравнительный анализ писцовых и веревных книг, а также веревных книг разных территорий Двинского уезда позволяет говорить о сосуществовании там подворно-участкового, складнически-долевого и оброчного типов поземельных отношений²⁹.

Причины выявленных различий земельного строя в разных территориях Русского Севера, в том числе Двинского уезда, обусловлены характером их заселения и освоения. Территории Русского Севера в X–XIII вв. осваивались славянами-земледельцами из Ладоги и Новгорода, Ростова и Суздаля. В результате обширные поморские земли вошли в состав Новгородской республики и Ростово-Суздальского княжества. Соответственно, уже во второй половине XII в. в Заволочье одна часть населения платила дань Новгороду, другая – Ростово-Суздальскому княжеству³⁰. В процессе формирования Московского централизованного государства территории Русского Севера вошли в его состав, хотя особенности земельных отношений периода феодальной раздробленности сохранялись и в XIX в.

Территории Двинского уезда, описанные в Коскошинской веревной книге, относились к Емецким землям, принадлежавшим, судя по Двинским спискам, ростовским князьям³¹. Славянское население на расположенные между Емцей и Ракулой земли начало переселяться с незапамятных времен³². В XV в. Емца не входила в состав Двинской слободы³³. Включение в XVI в. Емецкого стана в состав Двинского уезда означало утверждение суверенитета великокняжеской власти над бывшей Ростовщиной, описание ее и обложение тяглом в соответствии со сложившимися ранее ростовскими традициями поземельных отношений и последующими нововведениями в платежных единицах и входивших в них деревнях.

Писцовые книги Русского Севера начала XVII в. дали исследователям целостную систематизированную информацию о земельном строе северных уездов, бытовавших здесь типах поземельных отношений. Но при всей значимости содержащихся в них сведений информация об аграрном строе Русского Севера не может считаться исчерпывающей, поскольку писцовые книги не позволяют судить о внутридеревенском землевладении. Между тем оно описано в нескольких веревных книгах Двинского уезда. На первый взгляд может показаться, что эти два вида источников несопоставимы по своему значению и масштабу, поскольку информация веревных книг значима только для изучения крестьянского внутридеревенского землевладения в небольшой части Двинского уезда. Тем не менее исследовательские возможности веревных книг масштабнее.

Сравнительный анализ веревных книг разных волостей Двинского уезда позволил получить новые сведения о сосуществовании разных типов поземельных отношений на его территории: подворно-участкового, складнически-долевого и оброчного. Так, веревная книга Паниловской волости связана с землями Окологоднего стана, но говорить о происхождении традиций подворно-участкового и оброчного землевладения в этом регионе преждевременно. Коскошинская веревная книга связана с территориями Емецких земель и аграрными традициями выходцев из Ростово-Суздальского княжества. Соответственно, представляется логичным вывод о том, что существование складнически-долевого типа поземельных отношений продиктовано ростовскими традициями. Складнически-долевой тип поземельных отношений бытовал и в других северных уездах, территории которых в прошлом принадлежали ростовским князьям. Ученые относят к ним Кевроло-Мезенский, Важский, Сольвычегодский, Устюжский, Каргопольский, Устьянские сохи³⁴. Следовательно, веревные книги Двинского уезда дают основание опровергнуть мнение об идентичности земельного строя в разных уездах Русского Севера и рассматривать складнически-долевой тип поземельных отношений в качестве переходного этапа к подворно-участковому.

Проведенное исследование показало, что писцовые и веревные книги дополняют друг друга. Они позволяют выявить существовавшие в уездах Русского Севера типы поземельных отношений, увидеть географию их распространения. Сравнительный анализ Паниловской и Коскошинской веревных книг дает возможность определить сущностные черты каждого типа поземельных отношений и географию их распространения. Информация веревных книг значима для изучения как расселения славян на Европейском Севере, так и аграрного строя Русского Севера в целом.

Изучение веревных книг Двинского уезда показывает, что типы поземельных отношений, сложившиеся в уделах Древней Руси, сохранились и при образовании централизованного государства.

Таким образом, веревные книги Двинского уезда помогают глубже понять суть происходивших в северной черносошной деревне процессов. Следует отметить, что исследовательские возможности веревных книг использованы недостаточно и их значение как источника для изучения аграрного строя и истории Русского Севера в должной мере не оценено.

¹ *Васильев Ю.С.* Материалы писцового делопроизводства Севера России XVI в. как исторический источник // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 22–23.

² Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. III. С. 380.

³ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1408. Оп. 2. Д. 3; Санкт-Петербургский институт истории РАН. Коллекция 115. Д. 1099, 1100, 1197; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1074. Д. 37, 38.

⁴ *Довнар-Запольский М.В.* Веревные и разрубные книги Северного края. СПб., 1905.

⁵ *Иванов П.И.* Перемская веревная книга 1751 г. (К вопросу о крестьянском обложении в XVIII в.). СПб., 1913.

⁶ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. СПб., 2002. С. 92.

⁷ *Садииков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 428.

⁸ *Крестинин В.В.* Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в севере. СПб., 1785. С. 20.

⁹ Лука – местная территориальная единица. (См.: *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 92–93.)

¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI в. М., 1964. Т. 3. № 16. С. 33.

¹¹ *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. 1. С. 212–217.

¹² Веревная книга Паниловской волости... С. 388–396; *Копанев А.И.* Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера // Источниковеде-

ние отечественной истории: Сб. статей. М., 1976. С. 191–209; *Он же.* О теории долевой деревни А.Я. Ефименко // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. статей. Киров, 1979. С. 5–12.

¹³ *Ефименко А.Я.* Указ соч. С. 305–306.

¹⁴ *Копанев А.И.* О теории долевой деревни А.Я. Ефименко... С. 13.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10. Л. 484–499.

¹⁶ Там же. Л. 496.

¹⁷ Веревная книга Паниловской волости... С. 388.

¹⁸ Там же. С. 393.

¹⁹ Там же. С. 392–393.

²⁰ Там же. С. 393.

²¹ *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 109.

²² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11. Л. 12 об. – 13.

²³ ОР РНБ. Ф. 1074. Д. 37.

²⁴ Там же.

²⁵ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 400–405. Ст. 174.

²⁶ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 35–36, 50–60.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 1074. Д. 12. Ст. 1–2.

²⁸ Там же. Д. 34. Ст. 5 и др. (См. об этом: *Демчук Г.В.* Традиции крестьянского землевладения на Русском Севере в XVI–XVII вв. // Север: Экология: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000. С. 258–259.)

²⁹ *Демчук Г.В.* Писцовые книги Русского Севера как источник по аграрной истории // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы XII Всеросс. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–

XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти В.В. Крестинина. Архангельск, 2002. С. 92–104.

³⁰ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 85, 170, 171.

³¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси... С. 33.

³² Насонов А.Н. Указ. соч. С. 96–97.

³³ Там же. С. 95–96.

³⁴ Зарубин Л.А. Важская земля в XIV–XV вв. // История СССР. 1970. № 1. С. 180–181; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 264–282; Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 369–389.

С.М. Муромцева

Укрепление материальной базы муниципальных архивов Оренбуржья

В Оренбургской области действуют 52 муниципальных архива: 50 из них входят в структуру администраций муниципальных районов и городских округов, а два – архивы документов по личному составу – имеют статус муниципальных учреждений. Объем хранящихся там архивных документов с каждым годом растет и в настоящее время составляет около 900 тыс. ед. др.

Вопросы финансового и материально-технического обеспечения архивов являются самыми сложными. В соответствии с законодательством Оренбургской области, а также нормативными правовыми актами муниципальных образований муниципальные архивы содержатся в основном за счет муниципальных бюджетов. Закон Оренбургской области «Об архивном деле в Оренбургской области», принятый 17 августа 2005 г., предусматривает возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере архивного дела. Однако это его положение не реализуется из-за дефицита областного бюджета.

Тем не менее муниципальные власти, несмотря на связанные с реформированием местного самоуправления трудности, не оставляют архивы вне зоны своего внимания. Только в 2007 г. на исполнение мероприятий по укреплению материально-технической базы архивов из муниципальных бюджетов выделено 3 млн 672 тыс. руб., что по сравнению с 2004 г. больше в 4,5 раза.

Необходимым условием материально-технического обеспечения архивов является взаимодействие Комитета по делам архивов Оренбургской области с администрациями муниципальных образований. Для установления более четких правовых отношений между комитетом и администрациями 39 из 42 зарегистрированных муниципальных районов и городских округов Оренбуржья по инициативе комитета заключили соглашения о порядке взаимодействия в сфере архивного дела. В них особо оговорены взаимные

обязательства, связанные с повышением уровня безопасности архивных учреждений, который напрямую зависит от состояния их материально-технической базы.

Соглашения позволяют использовать различные формы совместной деятельности. Ежегодно работниками комитета (а их всего пять) осуществляется в среднем сорок выездов в муниципальные образования, во время которых органам местного самоуправления оказывается практическая и методическая помощь, проводятся комплексные и тематические проверки архивов.

Благодаря установившимся тесным контактам комитета с руководителями муниципальных образований (личные встречи, переписка, посещение лучших архивных учреждений) успешно решаются многие проблемы муниципальных архивов. Самая актуальная из них – выделение площадей. За последние три года общая площадь архивохранилищ в муниципальных архивах увеличилась на 2111 кв. м: в новых зданиях размещены муниципальные архивы г. Новотроицка, Новосергиевского и Пономаревского районов; 20 муниципальных архивов получили дополнительные помещения (в основном для хранения документов по личному составу). В 24 муниципальных архивах отремонтированы помещения и инженерно-технические коммуникации.

Результаты совместной работы Комитета по делам архивов и муниципальной власти наглядно проявились в кардинальном улучшении состояния материально-технической базы архивов Пономаревского района и г. Новотроицка. В Пономаревском муниципальном архиве многие годы фонды размещались в тесном подвальном помещении, где из-за высокой влажности воздуха, достигавшей 90 %, отсутствия вентиляции, пожарной сигнализации существовала угроза гибели документов. После неоднократных обращений Комитета по делам архивов к руководителям района, его рекомендаций по итогам комплексных и тематических проверок деятельности муниципального архива администрация района в 2005 г. выделила для архива новое просторное помещение и реконструировала его в соответствии с нормативными условиями хранения документов. Особенно важно, что по рекомендации Комитета по делам архивов администрацией района для проведения обследования, капитального ремонта и оснащения помещений оборудованием была создана компетентная комиссия из представителей комитета, Госпожнадзора, отдела архитектуры, строительной организации. В настоящее время Пономаревский муниципальный архив является одним из лучших в области.

Что касается муниципального архива г. Новотроицка и муниципально-го учреждения «Архив документов по личному составу», то и там ситуация была сложной: архивы располагались в небольших разрозненных помещениях на первых этажах жилых домов, одно из которых находилось под угрозой затопления с верхнего этажа. В 2005 г. архивным учреждениям города предоставили отдельное кирпичное трехэтажное здание общей площадью 1257 кв. м. В течение двух лет его реконструировали: укрепили межэтажные перекрытия, стены обшили негорючими материалами, установили автоматическую систему пожаротушения, системы охранно-пожарной сигнализации и кондиционирования воздуха, стеллажное и лабораторное оборудование. В ходе этих работ проводились регулярные консультации

с Комитетом по делам архивов по созданию оптимальных условий хранения документов.

Следует отметить достоинства Новотроицкого архивного комплекса, который по материально-техническому обеспечению является образцовым в области: здесь имеется достаточный резерв площадей; предусмотрены помещения для хранения фотодокументов, реставрации документов, инкубационная комната для их дезинфекции, дезинсекции и акклиматизации; читальный зал оборудован витринами для стационарных выставок, есть просторная приемная для посетителей. В рабочих комнатах после ремонта установлена современная офисная мебель. Созданы комфортные условия для работы, отдыха и питания сотрудников.

Однако проблема с площадями муниципальных архивов далека от разрешения. По итогам последней паспортизации их загруженность составляет 70 %. Полностью заполнены архивохранилища Акбулакского, Гайского, Октябрьского, Сорочинского районов. И хотя в 2007 г. принято решение о реконструкции выделенного для муниципального архива Октябрьского района отдельного здания, а на 2008 г. запланирован переезд в отремонтированные помещения Сорочинского районного архива, предстоит большая работа для обеспечения муниципальных архивов необходимым резервом площадей.

Важнейшей составляющей в обеспечении безопасности архивов является их противопожарная защита. После пожара в Госархиве Оренбургской области в 2003 г. Комитет по делам архивов особое внимание муниципальных властей сконцентрировал на укреплении в архивных учреждениях пожарной безопасности.

Ежегодно по просьбе Комитета по делам архивов государственными инспекторами по пожарному надзору Главного управления МЧС России по Оренбургской области проводятся обследования противопожарного состояния муниципальных архивов, а их результаты рассматриваются на расширенных заседаниях коллегии Комитета по делам архивов с участием руководителей муниципальных архивов и представителей МЧС. К сожалению, в половине муниципальных архивов на сегодняшний день отсутствуют или находятся в нерабочем состоянии охранно-пожарные сигнализации, допускаются нарушения в эксплуатации электропроводки, пожарном водоснабжении. Предписания же по устранению нарушений пожарной безопасности в полном объеме не выполняются, поскольку связаны с финансовыми затратами. Тем не менее администрации муниципальных образований за последние три года отпустили на эти цели значительно больше средств. В трех архивах городов Новотроицка и Бузулука установлена автоматическая система пожаротушения; в семи муниципальных архивах – пожарная сигнализация; в двадцати одном – проведена модернизация электрических сетей, в девяти – установлены металлические двери; в четырех – распашные решетки на окнах; архивы укомплектованы переносными огнетушителями.

Актуальная задача – установка сигнализации с выводом на пульт вневедомственной охраны, постов охраны отдельно стоящих зданий, систем видеонаблюдения. Но она также требует финансирования, и решать ее следует сообща.

Комитет по делам архивов периодически обращает внимание руководителей муниципальных образований на необходимость замены устаревшего

стеллажного оборудования, помогает выбрать поставщика или изготовителя наиболее удобных для архивных учреждений стеллажей. За последние три года протяженность металлических стеллажных полок в муниципальных архивах области увеличилась на 2700 пог. м.

Лишь недавно администрации муниципальных образований смогли завершить картонирование документов муниципальных архивов. Общими с Комитетом по делам архивов усилиями проблему удалось закрыть: приобретено более 21 тыс. архивных коробок. Полностью закартонированы документы постоянного хранения, а по личному составу – на 91 % (из-за наличия крупноформатных дел). Теперь предстоит решить задачу по изготовлению на местных фабриках и приобретению муниципальными архивами коробок для таких дел.

Администрации муниципальных образований стали изыскивать средства на приобретение дополнительного оборудования для поддержания санитарного и светового режимов хранения документов: пылесосов, кондиционеров, жалюзи и светозащитных штор.

Одна из сложных проблем, решаемых Комитетом по делам архивов совместно с руководителями муниципальных образований, – оснащение архивов современной оргтехникой. Если в 2003 г. в муниципальных архивах насчитывалось 24 компьютера, то сегодня их 54. К сожалению, четыре архива их пока не имеют. Изменить ситуацию должна областная целевая программа «Развитие единой информационно-телекоммуникационной архивной сети Оренбургской области» на 2008–2010 гг., с помощью которой архивисты рассчитывают обеспечить все муниципальные архивы компьютерной техникой, заменить устаревшее оборудование и программное обеспечение. К ее разработке Комитет по делам архивов совместно с муниципалитетами приступил в соответствии с постановлением Правительства Оренбургской области.

В 2008 г. комитет намерен подготовить проект областной целевой программы по архивному делу на 2009–2011 гг., в которой главное место займут мероприятия по укреплению материально-технической базы архивных учреждений области. В настоящее время в муниципальных образованиях «Акбулакский район» и «Ташлинский район» реализуются собственные программы развития архивного дела.

Важное значение в совместной работе Комитета по делам архивов и органов местного самоуправления по улучшению материально-технической базы муниципальных архивов будет иметь внедрение Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук, вступивших в силу в 2007 г.

Развитие архивного дела в каждом отдельно взятом муниципальном образовании и в области в целом – общая цель для Комитета по делам архивов и органов местного самоуправления. Только при тесном взаимодействии возможно эффективно решать важнейшие задачи создания современной материально-технической базы муниципальных архивных учреждений Оренбуржья.

Представляем архив

Т.В. Бабаскина

Обоянский муниципальный архив

Город Обоянь Курской области расположен на возвышенности, омываемой реками Псел и Обоянка, восхищая величественным видом куполов Смоленской церкви, соборов Александра Невского и Свято-Троицкого.

Существуют две версии происхождения названия города. По первой – от реки Боянь. В начале XVII в. на месте нынешнего города находился сторожевой пункт, откуда велось наблюдение за Муравским шляхом – главной дорогой, по которой совершали набеги крымские татары. Сторожевая охрана, не имея возможности задерживать врага, обратилась к белгородскому воеводе П.Можайскому с просьбой построить здесь укрепление. Тот в свою очередь послал 2 июля 1638 г. в Разрядный приказ челобитную, в которой писал: «Вели, государь, город строить меж Курска и Белгорода на половинах – от Курска 60 верст и от Белгорода 60 же верст, на устье реки Баяни и где впадала в Большой Псел на Баянском городище...».

Согласно другой версии при изучении граффити на стенах Софии Киевской была обнаружена надпись «о купле земли Бояна» супругой князя Всеволода. Возможно, что эта земля имела какое-то отношение к Бояну, упомянутому в «Слове о полку Игореве», и находилась она на месте нынешнего г. Обоянь.

31 июля 1638 г. вышел царский указ о строительстве города. Год спустя из Москвы пешком и на подводах на Обоянское городище прибыло 600 служилых людей под командой воеводы И.Колтовского, которые «заложили два города, трое ворот и шесть глухих башен». Вокруг крепости селились выходцы из соседних и центральных уездов России. (Во второй половине XVIII в. в связи с заселением южных степей, завоеванием Крыма и отдалением границы России на запад крепость утратила свое прямое назначение и была разрушена.) Переводимые правительством в Обоянь служилые люди основали здесь слободы: Казацкую, Пушкарную, Стрелецкую.

С 1639 по 1708 г. Обоянь входила в состав Белгородского воеводства. При разделе России на восемь губерний город с уездом оказался приписанным сначала к Киевской губернии, затем – к Белгородской провинции, в 1727–1779 гг. относился к Белгородской губернии. Указом от 23 мая 1779 г. Обоянь включена в состав Курского наместничества, а с 31 декабря 1796 г. – Курской губернии.

Статус города Обоянь получила в 1779 г. На ее гербе, утвержденном 8 января 1780 г., в верхней части изображен герб Курска, а в нижней – хорь в пшеничном поле и справа – ружье. (Позднее ружье с герба было изъято, что подчеркивало настрой на мирную жизнь.)

Об авторе: Татьяна Викторовна Бабаскина – управляющая делами администрации Обоянского района Курской области. В 1983 г. окончила Курский педагогический институт, в 1989 г. получила второе высшее образование в том же институте. Курирует архивную службу Обоянского района с 2000 г.

Обоянцы участвовали в борьбе с французскими войсками в 1812 г., храбро сражались во время Крымской войны, за что 750 ратников Обоянской дружины наградили серебряными медалями.

В XIX в. Обоянский уезд делился на 16 волостей, каждая из которых объединяла несколько сел, деревень, хуторов и поселков, в административном и хозяйственном отношении подчинявшихся управлению волости. В уезде работали две механические мельницы, маслобойный завод, яйцептицебаза с откормом и переработкой птицы, три сахарных и несколько кирпичных заводов, кузницы, бондарные, колесные и деревоперерабатывающие мастерские. Появились первые кустарные заводы.

Географическое положение Обояни способствовало развитию торговли. Имелись ссытные пункты по закупке зерна и картофеля, маслобойни, крупные и мелкие мануфактурные, бакалейные, винные лавки. Наиболее известные следующие представители местного купечества: владелец ряда магазинов в Обояни Абакумов; купец 1-й гильдии Разинкин, занимавшийся продажей дорогих мехов и мануфактуры, устроитель приюта для сирот; торговец мануфактурой и зерном Суханов; скупщик и переработчик зерна Резвых продавал продовольственные товары в собственных бакалейных лавках; владелец винных складов Немечонков; Морозов, построивший здание городской гимназии, где сейчас размещен педагогический колледж.

Народное образование, здравоохранение, культура в уезде находились в зачаточном состоянии. В первой половине XIX в. здесь были открыты уездное и приходское училища, к 1907 г. – женская прогимназия и духовное училище. На весь уезд имелась лишь одна больница на десять коек, и в ней работали три врача. В Обоянской библиотеке насчитывалось 117 книг и почти столько же читателей.

В городе действовали два собора, четыре церкви и монастырь.

Революционная волна, охватившая центр России, донеслась и до Обояни. В 1906 г. здесь возникла подпольная группа РСДРП, возглавляемая курским социал-демократом А.А. Аристарховым, в состав которой входили: телеграфист железнодорожной станции А.Ф. Непиющий, учительница А.И. Соиникова (позднее делегат XI съезда ВКП (б)), А.Г. Яковлев, М.Ф. Поляков, Л.Сосновский (впоследствии редактор крестьянской газеты «Беднота», соредатор газеты «Правда»). Группа проводила революционную пропаганду среди рабочих сахарных заводов и крестьян уезда и по доносу была разгромлена.

После падения самодержавия в Обояни действовал временный исполнительный комитет, а в январе 1918 г. установлена советская власть. В апреле 1918 г. в город вступил отряд немцев, но местные красногвардейцы в течение двух дней выбили захватчиков.

В начале Гражданской войны на Восточный фронт из Обояни ушли добровольцами 772 человека. С августа по ноябрь 1919 г. город находился в руках денкинцев и некоторое время – махновцев. После войны в уезде быстро развивались переработка сельскохозяйственного сырья, коммунальное хозяйство, культура, здравоохранение, образование. В 1930-е гг. открылись педагогический и библиотечный техникумы. В начальной и двух средних школах города обучались 1500 детей. Введена в строй тепловая электростанция, осуществлена радиофикация. Большую культурно-просветительную работу проводили Дом культуры, кинотеатр, Дом Красной армии, летний театр, в котором гастролировали труппы драматических и музыкальных театров

крупных городов. Город постепенно расширялся и застраивался. К 1941 г. функционировали 11 промышленных предприятий, в том числе перерабатывавший продукцию садоводства и дикорастущих фруктов «Сушизавод», кирпичный завод, ежегодно дававший до 5 млн штук кирпича, хлебный и пищевой комбинаты, маслозавод, машинно-тракторная станция, больница на 130 коек, две поликлиники, детско-женская консультация и медпункты. Местные колхозы переживали полосу подъема.

Мирное строительство прервала Великая Отечественная война. С 11 ноября 1941 г. по 19 февраля 1943 г. район находился в оккупации. За это время погибло 1140 обоянцев, угнано в Германию 1145 человек, уничтожено 17 лучших зданий, в том числе городского Совета, райкома ВКП(б), Дома матери и ребенка, Дома Красной армии, почти все промышленные предприятия и многие объекты хозяйственного, социального и культурного назначения.

Обоянцы не покорились врагу, оказывали сопротивление. На территории района действовали партизанский отряд и подпольная организация. Тысячи жителей района сражались на фронтах. Многие из них награждены орденами и медалями, а одиннадцать удостоены звания Героя Советского Союза. Их имена увековечены в Мемориальном комплексе, открытом в 1954 г. в городском парке Юных пионеров в честь погибших во время Гражданской и Великой Отечественной войн.

После освобождения района коллективы промышленных предприятий приступили к их восстановлению. В 1947 г. началось строительство завода «Изоплит» – самого крупного предприятия современной Обояни. В 1970-е гг. в городе выстроен жилой микрорайон.

В последнее время экономика района активно развивается. Быстрыми темпами растет производство молодого предприятия «Акватон», выпускающего строительные и лакокрасочные материалы. ОАО «Обоянский хлебозавод» выпекает 17 наименований хлебобулочных изделий, которые пользуются спросом не только в районе, но и в Курске. Ежегодный объем принимаемого ОАО «Обоянский элеватор» зерна составляет 60 тыс. тонн. ГУП «Обоянская мебельная фабрика» специализируется на выпуске изделий для учреждений социального назначения. Растет новый микрорайон.

Сегодня г. Обоянь, имеющий статус городского поселения, является административным центром муниципального района, раскинувшегося на 1,04 тыс. кв. км, с населением около 36 тыс. человек, в состав которого входят 19 сельских поселений, включающих 83 населенных пункта.

Район расположен на территории крупнейшего в мире железорудного бассейна Курской магнитной аномалии. Он относится к категории сельскохозяйственных с производством зерновых культур, сахарной свеклы, картофеля и овощей. Большую площадь занимают плодово-ягодные насаждения, развито животноводство.

Общеобразовательную и профессиональную подготовку обоянцы получают в трех средних школах, библиотечном и педагогическом колледжах, агротехническом техникуме, профтехучилище, спецшколе-интернате; имеются детско-юношеская спортивная школа и детская школа искусств, учреждения дошкольного воспитания, детский дом. Серьезное внимание уделяется физкультуре и спорту: в районе 74 спортивных сооружения; обоянские лыжники являются лучшими в области и не уступают пальму первенства на про-

тяжении последнего десятилетия; заметных успехов достигли теннисисты, гимнастки, баскетболисты, футболисты.

Культура района, уходящая корнями в далекое прошлое, самобытна и многогранна, впитала в себя лучшие традиции народного творчества. В районе работают 265 кружков художественной самодеятельности.

Обоянцы гордятся своими земляками, получившими известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Особое место среди них занимают основоположник отечественной электротехники академик Петербургской академии наук В.В. Петров, именем которого названа главная площадь города; заложивший традиции сценического реализма русского театра великий актер М.С. Щепкин; народный артист СССР певец Г.М. Нэлепп; известный спортсмен – велосипедист, призер Олимпийских игр 1960 г. Е.П. Клевцов.*

Архивная служба Обоянского района действует с 1928–1929 гг., когда на территории Курской губернии проводилась работа по организации районных архивов. При исполкоме Обоянского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был создан районный государственный архив. С 1938 г. Обоянский райгосархив находился в ведении Управления НКВД по Курской области.

С началом Великой Отечественной войны и стремительным приближением фронта, реальной опасностью захвата врагом документов, хранившихся в районном архиве и организациях, они были уничтожены.

После освобождения района Обоянский райгосархив возобновил свою деятельность, имел статус архива с переменным составом документов.

До 1960 г. руководители архива часто менялись. В 1963–1965 гг., после укрупнения районов области, Обоянский архив хранил документы восьми сельских Советов Пристенского района, а с 1963 по 1970 г. – материалы Медвенского райгосархива. В эти годы архив возглавляла Э.Н. Михайлова, внесшая значительный вклад в его комплектование и развитие архивного дела в районе.

Почти два десятилетия, с 1970 по 1987 г., архивом руководила Н.Н. Краснопивцева, имевшая среднее образование. Основными направлениями деятельности архива в эти годы были комплектование, обеспечение сохранности, проверка наличия документов фондов, составление тематических каталогов, усовершенствование описей. В 1980-е гг. активно проводилась передача на хранение в Госархив Курской области фондов сельхозартелей (по 1970 г.), райисполкома, сельсоветов, учреждений образования, здравоохранения, культуры, народного контроля, профсоюзных организаций (по 1980 г.).

Райгосархив до 1983 г. размещался в подвальном помещении райисполкома, был оборудован деревянными стеллажами, которые в 1984 г. заменили металлическими; с 1984 г. занимал три комнаты площадью 70 кв. м в том

* При написании статьи использована следующая литература: Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2; *Высоцкий С.А.* Надпись о Бояновой земле в Софии Киевской // История СССР. 1964. № 3; Курская область. Административно-территориальное деление по состоянию на 1 января 2003 г. Курск, 2003; Архивная служба Курской области. История и современность. Курск, 2003; Большая Курская энциклопедия. Курск, 2004. Т. 1. Кн. 1; Край наш Обоянский. Курск, 2004; *Российченко И.А.* Обоянский район в период 1940–1950-х гг. Обоянь, 2005; Православный церковный календарь на 2006 год. Курск, 2006.

же здании. В 1987 г. здесь на учете находилось 164 фонда объемом 20 237 ед. хр., из них 94 % постоянного хранения.

С мая 1988 г. по декабрь 1992 г. при архиве действовала хозрасчетная группа по обработке документов, передаваемых сюда организациями района.

В мае 1989 г. при исполкоме Обоянского районного Совета народных депутатов был создан объединенный межведомственный архив документов по личному составу (ОМВА), работавший за счет получаемых по договорам от организаций района средств. Основной его целью являлось обеспечение сохранности документов по личному составу и исполнение социально-правовых запросов граждан. ОМВА принял на хранение 12 750 дел; но в мае 1992 г. в связи с финансовой несостоятельностью его ликвидировали.

В августе того же года на базе ОМВА был организован архив документов по личному составу при администрации Обоянского района, финансируемый из районного бюджета.

Райгосархив преобразован в архивный отдел администрации Обоянского района в июле 1993 г.; архив документов по личному составу вместе с фондами и штатом перешел в его подчинение. Вначале архивный отдел занимал два помещения: в здании районной администрации (где размещались документы постоянного хранения) и бывшем магазине (документы по личному составу). Улучшить условия их хранения и обслуживание населения района должно было переданное архивному отделу в августе 1996 г. помещение бывшего Пенсионного банка площадью 96 кв. м, в котором установили охранно-пожарную сигнализацию, решетки на окнах, металлические стеллажи. А помещения архивного отдела в зданиях райадминистрации и магазина передали другим организациям. Сегодня опять ощущается дефицит площадей: из-за значительного поступления документов по личному составу ликвидированных предприятий архивохранилища практически полностью загружены. В связи с этим городская администрация выделила архивному отделу помещение площадью 34 кв. м, но оно требует реконструкции. Уже подготовлена проектно-сметная документация строительных работ, стоимость которых 780 тыс. руб. Новое архивохранилище планируется ввести в эксплуатацию к концу 2008 г.

В списке источников комплектования архивного отдела 46 организаций – муниципальные органы власти и управления Обоянского района, г. Обояни, 19 сельских поселений, а также районный суд, прокуратура, судебный участок г. Обояни и района, финансовые органы, учреждения образования, культуры, здравоохранения, редакция районной «Обоянской газеты», общественные организации и др. Во всех имеются экспертные комиссии.

Архивисты оказывают методическую и практическую помощь по делопроизводству и хранению документов в организациях района, как относящихся к источникам комплектования архивного отдела, так и не являющихся ими, проверяют состояние делопроизводства и хранения документов. Только в прошлом году осуществлено 14 комплексных и шесть тематических проверок. По их результатам оформляются справки с рекомендациями по устранению выявленных недостатков, которые доводятся до руководителей организаций.

С федеральными организациями, расположенными на территории района, заключены трехсторонние (организация, Архивное управление Курской области, администрация Обоянского района) договоры о порядке взаимоот-

ношений в сфере архивного дела. На договорной основе построена работа и с общественными организациями. Заключаются договоры между районной администрацией в лице архивного отдела и конкурсными управляющими организаций-банкротов о передаче в архив документов по личному составу ликвидированных структур.

За последние 15 лет объем принятых документов увеличился вдвое, и сейчас на учете в муниципальном архиве 184 фонда объемом 40 тыс. ед. хр., в том числе 21 тыс. дел по личному составу за 1943–2006 гг.

Архивные фонды отражают все спектры социально-экономической и культурной жизни Обоянского района и города Обояни. Ценными для изучения истории региона являются документы периода Великой Отечественной войны за 1943–1945 гг. (списки расстрелянных и повешенных граждан в период немецкой оккупации, справка об ущербе, причиненном народному хозяйству района оккупантами, похозяйственные книги сельских Советов, книги учета трудодней и расчетов с членами колхоза, списки обоянцев, не вернувшихся с фронта, документы о ходе восстановления разрушенных предприятий и организаций).

Все фонды архива имеют описи и исторические справки. Полностью каталогизированы фонды Обоянского райисполкома, городского Совета, администрации Обоянского района, районного отдела архитектуры.

Коллекция документов личного происхождения насчитывает 334 дела (5474 документа). Наибольший интерес вызывают документы Героя Социалистического Труда, первого секретаря Обоянского райкома КПСС Ц.Г. Едигорьяна, художника, ветерана Великой Отечественной войны В.В. Белоусова, архивиста З.Н. Михайловой, писателя В.М. Москаленко, а также почетных граждан г. Обояни краеведа Д.П. Лебедева, директора завода «Изоплит», заслуженного работника лесной промышленности А.М. Бондарева, заслуженного врача РСФСР В.М. Бражника, заслуженного учителя РСФСР Л.П. Арнаутовой. К ним наиболее часто обращаются исследователи, главным образом студенты и старшеклассники. Основным направлением их работы с документами является изучение истории района, города в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства, биографий знаменитых горожан.

В 2002 г. на основании распоряжения главы администрации Обоянского района среди источников комплектования архивного отдела проведен смотр сохранности документов Архивного фонда Курской области. Специальной комиссией, в которую вошли руководители и специалисты отделов администрации района, всесторонне изучено хранение документов в архивах организаций, подготовлены предложения по созданию условий для их сохранности. В результате смотра в районе улучшились материально-техническое оснащение архивов организаций, хранение текущей документации, отсутствуют задолженности по упорядочению и передаче в архив документов, во всех организациях имеются номенклатуры дел, инструкции по делопроизводству, положения об экспертной комиссии. По рекомендациям комиссии в помещениях архивов сельских администраций установлены металлические решетки на окнах. Заметно возросли авторитет архивной службы, ответственность руководителей за сохранность документов. По итогам смотра учреждения-победители награждены почетными грамотами администрации района и ценными призами.

По инициативе архивного отдела в 2002 г. администрацией района проведен конкурс профессионального мастерства среди работников администраций муниципальных образований, на одном из этапов которого предусматривалось выполнение практических и теоретических заданий по делопроизводству и архивному делу.

Во время празднования в районе 100-летия архивной службы Курской области 6 июня 2003 г. обоянские архивисты услышали слова признания от работников Главного архивного управления Курской области, руководителей района, главы г. Обоянь, коллег из Суджанского и Медвенского районов области, ветеранов архивной службы, руководителей организаций и получили подарки: от администрации района – металлический шкаф для хранения учетной документации; от депутата Курской областной думы С.И. Карелова – компьютер, лазерный принтер и др.

В ноябре того же года на базе архивного отдела Обоянского района впервые состоялся семинар с начальниками архивных отделов Курской области, в котором участвовали специалисты Главного архивного управления, облгосархива, начальники архивных отделов 25 районов. Его участники ознакомились с опытом обоянских архивистов по постановке делопроизводства и организации хранения документов на сельскохозяйственных предприятиях района, в администрациях сельских поселений, районном суде.

Одно из важнейших направлений работы архива – обеспечение социальных прав и потребностей граждан. В прошлом году исполнено 470 запросов о стаже, заработной плате, подтверждении факта родственных отно-

Ж.Ю. Бунина и И.А. Росийченкова (справа)

шений, об установлении права собственности на объекты недвижимости и др. По статистике каждый второй пенсионер района обратился в муниципальный архив за справкой.

Все большее значение в архиве приобретает информатизация. Второй год сотрудники архивного отдела работают с программным комплексом «Архивный фонд». Ввод данных по всем фондам планируется закончить к 2010 г. Создается тематическая база данных о лицах, награжденных медалью «Ветеран труда».

На протяжении многих лет архивный отдел является базой производственной практики студентов Обоянского библиотечного колледжа, обучающихся по специальности «Библиограф-референт». Студенты осваивают приемы систематизации, описания, каталогизации документов, занимаются исследовательской работой. Результатом совместной деятельности архивистов, преподавателей и студентов колледжа, а также работников администрации района, библиотек, музеев, краеведов, журналистов стало издание сборника документов и материалов «Обоянский район в период 1940–1950 гг.» (Обоянь, 2005). Он основан на архивных документах, освещает события довоенного времени, Великой Отечественной войны, возвращение к мирной жизни.

Архивным отделом систематически организуются выставки документов: «События и люди Обоянского района в фотодокументах», по истории храмовой архитектуры района, документов известных земляков – Героя Социалистического Труда, бывшего первого секретаря Обоянского райкома партии Ц.Г. Едигорьяна, почетных граждан города краеведа Д.П. Лебедева, директора средней школы № 1 Д.Н. Пронина, заслуженного врача РСФСР В.М. Бражника.

Архивисты и сами создают фотодокументы. Для этой цели в архивном отделе имеется фотоаппарат, и, как правило, ни одно значимое событие района не остается за рамками фотоколлекции архивного отдела. В настоящее время ведется работа над электронным фотокаталогом.

Архивные источники и деятельность архивной службы района активно популяризируются. Так, в местной газете за последние 15 лет опубликовано свыше 50 статей об истории города и района, о проблемах сохранности документов, социально-правовой работе архивистов. Написано более сотни статей о видных людях Обоянского района для Большой Курской энциклопедии, первый том которой вышел в свет в 2005 г.

Архив активно участвует в подготовке ежегодно издаваемого Госархивом Курской области Календаря знаменательных и памятных дат, сообщает о предстоящих юбилеях организациям района. Налажены контакты с учреждениями культуры и творческими работниками. Тесная дружба связывает архивный отдел с Обоянским краеведческим музеем – филиалом Курского областного музея. Взаимообмен документальными находками, фотодокументами, а также поисковые экспедиции, встречи с интересными людьми, «круглые столы» с краеведами, поэтами, художниками – вот далеко не полный перечень совместных мероприятий. Обоянские краеведы в своих поисках уже не могут обойтись без архивных документов.

Событием особой значимости для обоянских архивистов стало принятие 8 декабря 2005 г. областной думой законов Курской области «Об архивном деле в Курской области» и «О наделении органов местного само-

управления муниципальных образований Курской области государственными полномочиями Курской области в сфере архивного дела». Эти нормативные правовые акты определили полномочия органов государственной власти Курской области и органов местного самоуправления муниципальных образований в сфере архивного дела, установили порядок финансирования архивных учреждений муниципальных районов. На развитие материально-технической базы архивного отдела администрации Обоянского района из областного бюджета в 2006 г. выделена субвенция в размере 106 тыс. руб. На эти средства приобретены компьютер, цветной фотопринтер, пылесос, средства пожаротушения, отремонтирована рабочая комната.

Кадровый состав архивистов района остается стабильным на протяжении 14 лет. С июля 1993 г. архивным отделом руководит Ирина Анатольевна Российченкова, до этого заведовавшая архивом документов по личному составу. Ее заботами и усилиями в отделе создана необходимая для посетителей атмосфера доброжелательности. И.А. Российченкова – член коллегии Главного архивного управления Курской области, победитель областного конкурса профессионального мастерства на звание «Лучший архивист Курской области» в 2001 г. За многолетний добросовестный труд, активное участие в обеспечении сохранности, комплектовании и организации использования архивных документов, большой вклад в развитие архивного дела Обоянского района и к 100-летию архивной службы Курской области она награждена Почетной грамотой Федеральной архивной службы. В 2005 г. ей присвоено звание «Ветеран труда». В 1995 г. Ирина Анатольевна окончила «Архивную школу» Историко-архивного института РГГУ с квалификацией «делопроизводитель-архивист», а в 2002 г. получила высшее юридическое образование в Курском государственном техническом университете.

Главный специалист архивного отдела Жанна Юрьевна Бунина отвечает за работу с документами по личному составу. Она трудится здесь с 1993 г. и многое сделала для развития архивной службы района. В 2005 г. она окончила Орловскую региональную академию государственной службы по специальности «Государственное и муниципальное управление».

Работники архивной службы Обоянского района устремлены в будущее. Опыт и профессионализм помогают им успешно выполнять задачи пополнения Архивного фонда Курской области, обеспечения его сохранности и использования.

Письма профессора Х.Ф. фон Маттеи в собрании Российской национальной библиотеки. 1805–1806 гг.*

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) в фонде Михаила Никитича Муравьева (1757–1807) хранится восемь писем¹ замечательного немецкого филолога-классика, выдающегося специалиста по греческой палеографии, издателя и исследователя текстов древнегреческой и византийской литературы Христиана Фридриха фон Маттеи (1744–1811)². С его именем неразрывно связана история Московского университета, в котором ученый прослужил 20 лет. Он явился, по сути дела, основоположником классической филологии в России и как науки, и как учебной дисциплины. Одной из самых значительных его научных заслуг стало составление и издание первого каталога греческих рукописей московских собраний³.

Однако, несмотря на богатство научного наследия Х.Ф. Маттеи, его фигура до сих пор остается вне рамок своей эпохи, за пределами истории европейской науки и культуры рубежа XVIII–XIX столетий. Широкому кругу филологов, историков, исследователей греческих рукописей он известен только как расхититель русских рукописных собраний, как человек, лишивший Россию значительной и важной части имевшихся здесь греческих рукописей⁴. На сегодняшний день нет ни одного посвященного Маттеи исследования, хотя для этого имеются необходимые первоисточники⁵. Можно назвать лишь лаконичные статьи в биографических словарях, как русских⁶, так и немецких⁷, а также краткие сведения о его жизни в работах, посвященных московским рукописным хранилищам⁸.

Письма Маттеи М.Н. Муравьеву, товарищу министра народного просвещения, куратору Московского университета, представляют уникальный источник, позволяющий уточнить некоторые важные обстоятельства и события из жизни Х.Ф. фон Маттеи и, главное, увидеть в нем прежде всего ученого, искренне увлеченного своим делом. Сохранившаяся часть писем охватывает 1805–1806 гг., т.е. период второго пребывания Маттеи на службе в Московском университете. В 1804 г. он, уже заслуженный ректор Виттенбергского университета, принял приглашение приехать в Россию и занять в Московском университете должность ординарного профессора греческой и латинской словесности⁹. Успех работы Маттеи во многом зависел от поддержки М.Н. Муравьева, поэтому ученый в своих письмах старался при-

* Публикация этой статьи была бы невозможна без помощи господина Михаэля Цандта (Берлин), не только сделавшего расшифровку немецких текстов писем и обширный комментарий к их переводу, но и оказавшего автору поддержку своим искренним интересом к личности Х.Ф. фон Маттеи. Приносим господину Цандту глубокую благодарность.

влечь внимание влиятельного сановника к наиболее важным проблемам как университетского обучения, так и собственных научных изысканий. Тон его писем исключительно почтительный, а обращение всегда соответствует высокому положению адресата: «Светлейший, высокороднейший господин, высокодоверенный тайный советник, сенатор, куратор и рыцарь, милостивый государь», – так начинаются все письма Маттеи. Муравьев жил в основном в Петербурге, а в Москве бывал редко, поэтому переписка была для Маттеи единственным средством общения с ним. Она велась на немецком языке; Муравьев отвечал через секретаря, который, по словам ученого, «либо является урожденным немцем, либо владеет этим языком лучше, чем многие из моих соотечественников и я сам»¹⁰.

В письмах Маттеи упоминаются влиятельные лица, помощь и протекция которых были для ученого очень важны. Первыми в этом ряду названы столичные духовные сановники – митрополиты Московский Платон (Левшин)¹¹ и Петербургский Амвросий (Подобедов)¹². С митрополитом Платоном Маттеи был тесно связан и пользовался его неизменным расположением и поддержкой еще во время своего первого пребывания в Москве¹³, поскольку владыка являлся известным знатоком и ценителем классической древности. Приехав в Москву во второй раз, Маттеи застал Платона по-прежнему на кафедре. По-видимому, между ученым и митрополитом сложились добрые, почти приятельские отношения. Этот вывод можно сделать из письма Маттеи Муравьеву от 8 июня 1805 г. в связи с его намерением поехать в Киев для изучения рукописей в библиотеках, для чего нужно было заручиться рекомендациями к киевским властям от генерал-губернатора и митрополита. Насчет получения рекомендации от митрополита Московского сомнений у Маттеи не было: «Со здешним господином митрополитом Платоном, моим старым покровителем, я здесь сам поговорю. К сожалению, я пока еще его посетил только один раз...»¹⁴ Чтобы получить рекомендации от митрополита Амвросия, ученому требовалось ходатайство Муравьева¹⁵. Как и Платон, митрополит Амвросий отличался ученостью и проявлял особую заботу о повышении нравственного и умственного состояния духовенства посредством развития духовного образования. Многие начинания Маттеи, разумеется, нуждались в одобрении и поддержке первенствующего члена Святейшего Синода, и он их получал.

В письмах упоминается еще один видный иерарх – архиепископ Августин (Виноградский)¹⁶, приближенный митрополита Платона и викарий Московской епархии, – не только очень образованный и одаренный проповедник, но и хороший администратор, высоко ценимый митрополитом. Августин помогал ему в ведении московских дел, а после смерти Платона в 1812 г. стал его преемником на кафедре. Маттеи часто приходилось иметь дело с московским викарием, распоряжения которого не всегда удовлетворяли ученого¹⁷.

Маттеи был знаком и с архиепископом Словенским и Херсонским Евгением (Булгарисом)¹⁸, много помогавшим ученому своими рекомендациями и советами. По-видимому, их знакомство состоялось еще до прибытия обоих в Россию, поскольку Евгений, покинув возглавляемую им Патриаршую академию в Константинополе, некоторое время слушал лекции в Лейпциге, а затем жил в Берлине. Именно Евгений, будучи библиотекарем при дворе Екатерины II, посоветовал Г.А. Потемкину привлечь Маттеи к составлению каталога греческих рукописей Синодальной библиотеки, ко-

гда тот приехал в Москву в 1772 г.¹⁹ Эта работа определила весь научный путь Маттеи.

Архиепископ Евгений упоминается Маттеи в связи с деятельностью знаменитого греческого купца и мецената Зоя Павловича Зосима (1757–1827), который проживал с братьями в Москве и помимо торговли занимался активной издательской деятельностью. Маттеи пишет Муравьеву, что Зосима регулярно пополнял университетскую библиотеку, в частности подарил ей 37 томов греческих сочинений, изданных на собственные средства²⁰. Евгения и Зосима связывали дружеские отношения, оба были родом с о. Корфу. Архиепископ завещал известному издателю свой архив, с которым впоследствии ознакомился и Маттеи²¹. Из писем ученого узнаем, что он и Зосима сотрудничали; знакомство же их состоялось по рекомендации архиепископа Евгения²². Зосима интересовал Маттеи, прежде всего, своей издательской деятельностью, а последний, в свою очередь, связывал издателя с сановными лицами, в том числе с Муравьевым: «Поскольку он (Зосима. – Г.Т.) узнал, что Ваше превосходительство – такой деятельный покровитель и любитель греческой литературы, – читаем в письме, – он смиреннейше осмелился переслать 13 книг Вашему превосходительству... Но поскольку он не вполне грамотно пишет по-русски, а на новогреческом Вам писать не решается, то попросил меня написать от его имени и его смиреннейше рекомендовать»²³. Из приведенной цитаты следует бесспорный вывод о владении Маттеи новогреческим языком.

Помимо иерархов, в письмах упомянуты министр народного просвещения П.В. Завадовский²⁴ (к нему Маттеи обращался с личным письмом через Муравьева), а также ректоры Московского университета Х.А. Чеботарев²⁵ и П.И. Страхов²⁶, с которыми ученый тесно сотрудничал.

Второй приезд Маттеи в Россию совпал с периодом реорганизации и обновления деятельности Московского университета. 5 ноября 1804 г. был принят новый устав этого учебного заведения. Муравьев выступил инициатором многих изменений и начинаний в университетской жизни²⁷. Одним из первых сделанных им шагов по активизации образовательного процесса стало увеличение числа профессоров как из иностранцев (именно для этого и был приглашен Маттеи), так и из питомцев университета.

Будучи опытным преподавателем, прошедшим через административную должность ректора Майсенской и московских университетских гимназий, Маттеи принял в процессе обновления университета самое живое участие. Муравьев поставил перед ним задачу реорганизации латинских и греческих классов в университетских гимназиях, о чем говорится в письмах от 30 ноября и 7 декабря 1805 г. Вопросы куратора относительно изучения в университете и гимназиях классической филологии ученый представил на рассмотрение университетской коллегии²⁸, заседание которой состоялось накануне, 6 декабря²⁹. Постановление коллегии определяло: «Все старые профессора, русские и иностранцы, которые имеют представление о здешних гимназиях, признали их упадок и решили, что необходимы совершенно новый устав и полная реформа, поскольку недостаточно улучшить только одну их часть, а именно греческие и латинские классы. Было сказано и про хозяйственные недостатки»³⁰. У Маттеи имелись и свои собственные соображения на этот счет, которые он разработал совместно с деканом факультета словесности П.А. Сохацким³¹.

Маттеи называет один из явных недостатков сложившейся системы обучения в университете: некоторые молодые люди хотят стать студентами вовсе не для обретения знаний, а для того, чтобы получить статус студента, обеспечивающий казенное содержание и дальнейшее устройство на государственную службу. «Как известно Вашему сиятельству, некоторые профессора имеют только лишь по 3, 4 или 5 слушателей. У меня же 27 студентов и 29 школьников, а всего – 56. Из них только 20 делают вид, что хотят учить греческий, а другие часто рапортуются большими. Совершенно понятно, почему в моем классе толпится столько народу, ведь он одновременно является фабрикой студентов (*sie zugleich die Studenten-Fabrik ist*)»³².

Ученый высказывает готовность с возобновлением лекций после рождественских каникул незамедлительно приступить к решению поставленных задач. Помощником себе Маттеи назначает Х.А. Чеботарева: «Поскольку я был ректором гимназий в течение 12 лет, а он еще при мне несколько лет был инспектором, весьма вероятно, что мы вместе чего-нибудь сумеем достичь»³³. Любопытно, что не Чеботарев, как ректор, отдает распоряжение Маттеи, а, наоборот, сам приходит к Маттеи «вечером 1 декабря» и предлагает ему свою помощь³⁴. Этот факт лишний раз свидетельствует о глубоком уважении, которым Маттеи пользовался среди коллег. В случае одобрения Муравьевым такого плана действий Маттеи обещает регулярно докладывать ему об обнаруженных «недостатках и нуждах, как общих, так и частных»³⁵.

Маттеи волновали не столько формы организации учебного процесса, сколько его содержание. Одной из главных учебных проблем в университете оставалась нехватка пособий. Еще во время своего первого пребывания в Москве ученый выпустил в свет ряд изданий для студентов³⁶. В письме от 7 августа 1805 г. он сообщает Муравьеву о своей новой работе и пишет, что переслал куратору первую часть пространной греческой хрестоматии³⁷: «Милостиво простите мне, что я осмелился посвятить эту книгу Вашему превосходительству, чтобы посредством этого российское юношество получило стимул ее читать. Вероятно, в будущем эта книга может быть введена во все российские гимназии»³⁸.

Помимо выпуска второй части хрестоматии в письмах упоминаются предпринятое Маттеи издание шести комедий Теренция³⁹, второй части сборника изречений греческих авторов⁴⁰, избранных сочинений латинских историков⁴¹, а также издание «Клитемнестры» Софокла⁴², вызвавшее большой отклик в среде европейских филологов, поскольку многие исследователи (например, Ф.А. Вольф) отрицали принадлежность этого отрывка великому греческому трагику и считали его произведением позднейшим, исходя «из испорченности языка, незнания метрических законов и других грубых ошибок против искусства драматического»⁴³. Маттеи, опубликовавший к этому времени уже множество неизданных прежде сочинений, был к этому готов: «Я уверен, что “Клитемнестра” привлечет к себе большое внимание в ученом мире, и некоторые из зависти будут утруждать свое остроумие (*Mancher wird aus Neid seinen Witz anstrengen*), чтобы признать это издание несостоятельным. Достаточно того, что, как я доказал в своем комментарии, уже Сенека, трагик, имел в своем распоряжении это произведение и частично переводил его, а частично подражал ему»⁴⁴. По тону письма чувствуется, что ученый был очень доволен своей работой: «Согласно указу Ва-

шего превосходительства я забочусь о том, чтобы “Клитемнестра” была отправлена в английские, голландские и самые лучшие немецкие университеты. Я уверен, что Ваше превосходительство милостиво позволит мне отправить также по одному экземпляру в придворную библиотеку Мюнхена и в библиотеку Святой Анны Аугсбурга, поскольку именно по рукописям последней эта книжечка издана. Здешний знатный греческий купец Зой Павлович Зосима, истинный патриот, собирается купить несколько экземпляров “Клитемнестры” и отправить их в Вену, Триест, Ливорно, Венецию и на семь объединенных греческих островов»⁴⁵.

Муравьев всегда отзывался на все начинания и замыслы Маттеи об издании тех или иных авторов, за что ученый не устает его благодарить⁴⁶. Маттеи едва только намекает на свое желание издать рукописи греческих врачей и «смирнейше» спрашивает, возможно ли это сделать за университетский счет⁴⁷, как тотчас получает на это одобрение куратора⁴⁸. Помощь Муравьева требовалась не только для распоряжения о печатании, но и во время самого издательского процесса. Так, Маттеи жалуется своему покровителю, что для издания Теренция в типографию купили не ту бумагу, которая использовалась прежде, а греческих литер не купили вовсе, сообщает, где и как можно легко и быстро приобрести все необходимое⁴⁹. Через четыре месяца комедии Теренция вышли в свет⁵⁰. Маттеи переслал Муравьеву три экземпляра только что отпечатанной книги – один для его библиотеки, другой для библиотеки министра народного просвещения П.В. Завадовского, а оставшийся экземпляр предназначался «как отечественный продукт (als ein einheimisches Produkt) в библиотеку всесветлейшего монарха»⁵¹.

Профессор Маттеи был хорошо известен при дворе, где его не только ценили за труды, осуществленные еще при Екатерине II, но и милостиво поощряли новые издания и исследования ученого. Так, за период с 1803 по 1807 г. он был пожалован четырьмя бриллиантовыми перстнями и крупным денежным вознаграждением Кабинета его императорского величества⁵². В письме от 8 июня 1805 г. Маттеи благодарит Муравьева за сообщение об очередной монаршей милости⁵³; по-видимому, речь идет о жаловании Маттеи бриллиантового перстня за издание «Клитемнестры», которое ученый посвятил Александру I (перстень получил 17 июня 1805 г. вместе с письмом от Муравьева)⁵⁴.

Маттеи отвечал императорскому двору искренней благодарностью за внимание к успехам классической филологии и его собственным. Семь своих печатных изданий⁵⁵ он посвятил российским самодержцам, неустанно публично благодарил их в предисловиях своих книг, сочинял речи и оды в честь торжественных событий Российского императорского дома. К подобным сочинениям относится написанная по поводу рождения в 1806 г. дочери Александра I Елизаветы эпиграмма, оригинал которой также хранится в фонде М.Н. Муравьева в РНБ⁵⁶. В ней Маттеи в высокопарных выражениях уподобляет трон российского императора трону царя Соломона, желает ему вечно зеленеть и цвести, при этом ученый просит не забывать «и впредь по-императорски поддерживать обитель муз, которую Вы здесь прочно основали»⁵⁷. Вообще Маттеи, воспитанный на лучших образцах греческой и римской литературы, являлся приверженцем имперского мышления. За благоволение Муравьева к изданию римских историков ученый вы-

ражает свою благодарность в духе изданного сочинения: «Я полагаю, имя Вашего превосходительства благодаря этой книге всегда будет вспоминаться русскими потомками с благодарностью. Молодые люди, благородные русские через нее получили возможность не только учиться латинскому языку, истории и риторике, но и, что превосходит все науки, древнему, настоящему, правдивому римскому образу мышления, посредством которого римляне когда-то стали властителями мира»⁵⁸.

Помощь влиятельных лиц была необходима ученому не только в издании книг, но и в доступе к рукописям. Несмотря на то, что российская наука была обязана Маттеи приведением в порядок московских собраний греческих рукописей, составлением и изданием их полного каталога, полной свободы в пользовании ими он не имел. В письме от 30 ноября 1805 г. читаем: «Ваше сиятельство было столь милостивым снова похлопотать в самых высоких инстанциях, чтобы мне было позволено пользоваться обеими синодальными библиотеками. В настоящее время я нуждаюсь в некоторых таких рукописях для продолжения работы над Руфом Эфесским, однако в тексте распоряжения местного архиепископа Августина я обнаружил, что тот, кто его писал, сделал три ошибки. Во-первых, я могу иметь доступ только лишь в Синодальную библиотеку, которая находится в Кремле. Во-вторых, я должен сравнивать и копировать рукописи только там же. В-третьих, ничего не сказано о другой библиотеке, которая находится в Синодальной типографии»⁵⁹. Далее следует, что для исправления этих ошибок требуется ходатайство Муравьева к митрополиту Амвросию.

В это время Маттеи приступил к подготовке издания рукописей греческих врачей. Из письма узнаем, что Зосима предложил напечатать за свой счет фрагменты Руфа Эфесского, греческого врача I в. н.э., которого «очень хвалил сам Гален»⁶⁰. Маттеи имел в своем распоряжении 20 листов сочинений Руфа, скопированных им с Аугсбургской рукописи. Однако он хотел привлечь к работе и московские рукописи, увеличив тем самым научную ценность издания: «Я мог бы его еще обогатить и украсить из материалов здешних синодальных библиотек, поскольку в них находятся труды Орибазия и других древних греческих врачей»⁶¹. Муравьев благосклонно отозвался на предложение осуществить это издание за счет университетской казны и обещал всяческое содействие. Ученый прилагает к письму список книг, необходимых для работы, и просит о разрешении получить для исследования в своем кабинете хотя бы одну рукопись с сочинениями врачей: «Конечно, “Гамбургские новости” можно спокойно читать во время прогулки на лодке или в коляске, или в кофейне. Но еще неизданные греческие рукописи, которые, только лишь находясь в полном распоряжении у исследователя, сначала тщательно переписываются, затем еще раз точно сверяются и изучаются в кабинете, где имеется необходимая для такой работы библиотека, не могут быть прочитаны и изучены вне тихого кабинета, на ходу и в сопровождении всякого рода помех. Так что если я не получу, как прежде, нужные мне рукописи для работы в своем кабинете, я, будучи старым человеком, не смогу извлечь из них никакой пользы для общества»⁶². В последующих письмах не сообщается, получил ли Маттеи просимое, но рукопись Руфа Эфесского была издана⁶³.

Не раз в письмах Муравьеву ученый обращался с просьбой о возможности посетить киевские и петербургские библиотеки. Распоряжение Му-

равьева о поездке Маттеи в Киев уже имелось, о чем говорилось как о деле решенном⁶⁴, тем не менее в следующем письме Маттеи вновь просит помощи: «Что касается моего путешествия в Киев, по этому поводу еще 6 июля и от меня, и от здешнего университета были посланы письма тамошнему митрополиту, причем я приложил также письмо митрополита Амвросия. Но до сих пор ответа не последовало. Может быть, Ваше превосходительство будет любезен написать Его превосходительству министру графу Заводовскому»⁶⁵. Еще через два месяца, в своем письме от 25 октября 1805 г., ученый просит Муравьева распорядиться, чтобы из Киева ему в Москву прислали рукопись для работы: «В Киеве есть уникальная рукопись. А именно, так называемая “Филокалия” Оригена. Не могли бы Вы, Ваше превосходительство, дать распоряжение нашему досточтимому господину ректору, чтобы эта рукопись была прислана сюда на два месяца. Если бы я здесь с ней поработал, это способствовало бы репутации здешнего университета, поскольку, как известно, здесь в синодальных библиотеках находятся еще несколько на нее похожих рукописей. Можно предполагать, что она так и будет там лежать без всякого применения так же долго, как и рукопись важного автора Филона, которая, наверное, все еще находится на том самом месте в библиотеке Петербургской академии, куда я ее собственными руками положил в 1772 г. Было бы очень желательно, если бы я мог приехать на время следующих каникул в Петербург. За два месяца я описал и вывел бы на свет все греческие рукописи, которые находятся там, это несколько не опозорило бы петербургские библиотеки»⁶⁶.

В этих строках имеется важное свидетельство того, что Маттеи бывал в Петербурге, по крайней мере, в 1772 г., о чем не упоминается ни в одной из его биографий. По-видимому, ознакомившись с некоторыми греческими рукописями петербургских собраний, Маттеи хотел продолжить их изучение и несколько раз настойчиво просил Муравьева: «Мне было бы в высшей степени желательно, если бы я имел возможность в будущем году во время каникул лично посетить Ваше превосходительство. У меня есть только одно желание, чтобы во время моего тамошнего пребывания я смог бы привести в движение и брожение неподвижно лежащие там греческие рукописи. Я очень надеюсь извлечь из них не дух вина, а дух мудрости (nicht so wohl Wein-Geist, als Weisheits-Geist). А нужные для этого горящий уголь и бутылка я привезу с собой»⁶⁷. К сожалению, продолжения переписки по этому вопросу не имеется, как и свидетельств того, что желание Маттеи исполнилось. Ни среди изданий Маттеи, ни среди его автографов в отделе рукописей РНБ нет сведений о каких-либо греческих рукописях из петербургских собраний.

Последнее сохранившееся письмо Маттеи Муравьеву датировано 20 сентября 1806 г.⁶⁸ Оно представляет собой список из 11 книг, переданных через Маттеи Зосима. 28 июня 1807 г. М.Н. Муравьев скончался – Маттеи потерял своего надежного покровителя. Эта утрата была очень тяжелой для ученого – такой вывод совершенно очевидно следует из материалов архива и библиотеки Маттеи. Ведь за время сотрудничества с Муравьевым (1804–1807 гг.) Маттеи выпустил в свет в типографии Московского университета семь изданий, а впоследствии, до самой своей кончины в Москве в 1811 г., еще четыре, причем два из них (рукописи греческих врачей и бесед Иоанна Златоуста) были приготовлены к печати при жизни Му-

равьева. Мечта Маттеи поработать в Петербурге так и не сбылась, хотя из текста его писем можно сделать вывод о том, что при Муравьеве это было не только реально, но вполне естественно и ожидаемо. Со смертью Муравьева прекратился выпуск «Московских ученых ведомостей», в каждом номере которых непременно обсуждались новые издания Маттеи. Представляет бесспорным, что время сотрудничества Маттеи и Муравьева явилось наиболее плодотворным для научной деятельности Маттеи в пору его второго пребывания в Москве.

Сохранившийся фрагмент переписки этих двух людей, замечательных не только для своего времени, но и для истории российской науки и культуры, является свидетельством признания современниками, в том числе выдающимися государственными и церковными деятелями, внесшими заметный вклад в историю нашей страны, научных заслуг профессора Маттеи. Он пользовался их уважением и поддержкой и сам не жалел сил для того, чтобы оправдать их доверие. Письма Маттеи, как и огромный архив его научных трудов и множество изданных им книг, подтверждают то, что главным содержанием и смыслом его жизни была постоянная работа по изучению греческих рукописей, которая и в старости сохраняла ему бодрость и молодость, а по смерти поставила его в ряд великих иностранцев, обогативших своими трудами русскую культуру. Сам он писал об этом Муравьеву без высокопарности: «Относительно греческих рукописей обеих синодальных библиотек еще раз покорнейше прошу. Поскольку мы будем иметь выходные дни по причине предстоящих праздников, я мог бы сильно продвинуться в своей работе. Я привык отмечать свои праздники непрерывным трудом, иначе я становлюсь больным»⁶⁹.

¹ ОР РНБ. Ф. 499. Муравьев М.Н. Ед. хр. 110.

² Х.Ф. фон Маттеи родился в 1744 г. в Саксонии. Окончил школу Св. Креста в Дрездене, затем Лейпцигский университет. В 1772 г. был приглашен в Московский университет на должность ректора университетских гимназий. Занимался разбором греческих рукописей московских Синодальной и Типографской библиотек, составил их первый печатный каталог (см. примеч. 3). Начал публикацию обнаруженных в этих рукописях неизданных прежде сочинений. В 1784 г. вернулся на родину, с 1792 г. – ректор Виттенбергского университета. В 1804 г. вновь приезжает в Москву на должность ординарного профессора в университете. Возобновляет работу с греческими рукописями московских собраний и их публикацию. Скончался в Москве в 1811 г.

³ *Matthaei Ch.F. Accurata Codicum Graecorum MSS. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Notitia et recensio. Lipsiae, 1805.*

⁴ Эти обвинения основаны на том, что за 12 лет работы в Москве у Маттеи образовалась коллекция греческих рукописей IX–XVIII вв. Она включала не менее 80 документов, многие из которых – фрагменты кодексов, хранившихся в Синодальной и Типографской библиотеках. По возвращении в Германию Маттеи продал 51 рукопись из своей коллекции в библиотеку Дрездена. Самым тяжелым пунктом обвинения в адрес Маттеи является факт продажи им в 1786 г. библиотеке Лейденского университета уникальной рукописи «Илиады» Гомера, содержащей неизвестный в то время европейским ученым текст гимна Деметре, которую Маттеи несомненно привез из Москвы. О греческих рукописях коллекции Маттеи см.: *Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 7–23; Gebhardt O.v. Christian Friedrich Matthaei und seine Sammlung griechischer Handschriften. Leipzig, 1898.* О поиске похищенных Маттеи рукописей силами архивной службы Советской военной

администрации в Германии в 1947 г. см.: *Цаплин В.В.* О розыске документов, похищенных в годы войны из архивохранилищ СССР // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 15–17. См. также: *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи собрания Х.Ф.Маттеи в Российском государственном архиве древних актов // Памяти М.П.Лукичева: Сб. статей по истории и источноведению. М., 2006.

⁵ Документальное наследие Маттеи почти полностью дошло до нашего времени. После смерти ученого его архив и библиотека были приобретены Санкт-Петербургской духовной академией и хранились там до 1918 г., когда академия вместе с Александро-Невской лаврой были разорены и книги вывезены в другие хранилища. Ныне архив Маттеи хранится в отделе рукописей РНБ и составляет фонд № 573 собрания рукописей Санкт-Петербургской духовной академии. 86 рукописей являются автографами Маттеи – это черновые варианты его научных трудов и неизданные прежде тексты греческих рукописей по большей части московских собраний, скопированные и подготовленные им для печати. Автографы ученого также имеются в фондах Ф.П. Аделунга, М.Н. Муравьева, И.В. Помяловского, (ОР РНБ. Ф. 7, 499, 607), небольшое собрание его деловых писем находится в Лейдене. Что касается библиотеки Маттеи, то в РНБ и библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии обнаружена лишь небольшая ее часть. Очень важные для исследования научной деятельности Маттеи греческие рукописи, с которыми ученый работал на протяжении всей своей жизни, хранятся в собраниях Москвы (ГИМ и РГАДА), Санкт-Петербурга (РНБ), а также Харькова, Дрездена, Геттингена, Лейдена.

⁶ *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекшее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами про-

фессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. М., 1855. Т. 2.

⁷ *Döring H.J.M.* Die gelehrten Theologen Deutschlands im achtzehnten und neunzehnten Jahrhundert. Neustadt (Orla), 1831–1835. Bd. 2; Allgemeines Gelehrten-Lexicon: Fortsetzung und Ergänzungen zu Ch.G. Jöchers allgemeinem Gelehrten-Lexicon, worin die Schriftsteller aller Stände nach ihren vornehmsten Lebensumständen und Schriften beschrieben werden. Leipzig, 1784–1897. Bd. 4.

⁸ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 1–6.

⁹ В отделе рукописей РНБ в фонде «Погодинские автографы» хранится автобиография Маттеи, составленная им по случаю вступления в должность в Московском университете в 1804 г. (ОР РНБ. Ф. 588. Погодинские автографы. Ед. хр. 273).

¹⁰ Там же. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 10. Письмо от 7 декабря 1805 г.

¹¹ Платон (Левшин) (1737–1812) – митрополит Московский с 1775 по 1812 г. О нем подробнее см.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. СПб., 1818. С. 545–564; *Смирнов С.К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 255–263.

¹² Амвросий (Подобедов) (1742–1818) – митрополит Новгородский и С.-Петербургский с 1799 по 1818 г. О нем подробнее см.: *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 1–28.

¹³ Московские ученые ведомости. 1806. № 3. С. 24.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 8. Письмо от 30 ноября 1805 г.

¹⁶ Августин (Виноградский) (1766–1819) – митрополит Московский с 1819 г. О нем подробнее см.: *Снигирев И.М.* Очерки жизни московского митрополита Августина. М., 1848.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 7. Письмо от 30 ноября 1805 г.

¹⁸ Евгений (Булгарис) (1716–1806) – архиепископ Словенский и Херсонский. О нем подробнее см.: *Евгений (Болхови-*

тинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина... С. 150–172; *Batalden St.K. Catherine II's greek prelate Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806*. New York, 1982.

¹⁹ *Matthaei Ch. F. Index codicum manuscriptorum Graecorum bibliothecarum Mosquensium sanctissimae Synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco-Rossicae*. Petropoli, 1780. P. 10.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 6. Письмо от 25 октября 1805 г.

²¹ *Фонкич Б.Л.* К истории приобретения греческих рукописей Харьковским университетом // Записки историко-филологического товариства Андрія Білецькаго. Київ, 2003. Вып. IV. Кн. 1. С. 201.

²² ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 3. Письмо от 7 августа 1805 г.

²³ Там же. Л. 6. Письмо от 25 октября 1805 г.

²⁴ Завадовский Петр Васильевич, граф (1739–1812) – русский государственный деятель, первый министр народного просвещения с 1802 по 1810 г. (См.: Там же. Л. 12. Письмо от 18 июня 1806 г.)

²⁵ Чеботарев Харитон Андреевич (1746–1815) – первый избранный ректор Московского университета с 1803 по 1805 г. (См.: Там же. Л. 1, 9. Письма от 8 июня и 7 декабря 1805 г.)

²⁶ Страхов Петр Иванович (1757–1813) – ректор Московского университета с 1805 по 1807 г. (См.: Там же. Л. 6. Письмо от 25 октября 1805 г.)

²⁷ М.Н. Муравьев учредил ряд научных обществ, институты хирургический, клинический и повивальный, ботанический сад и музей натуральной истории, ввел «курсы для публики», предпринял издание научного журнала «Московские ученые ведомости», прекратившееся с его смертью. Подробнее об этом см.: *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею: 1755–1855. М., 1855. С. 321–384.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 7.

³² Там же. Л. 9 об.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 10.

³⁶ См., напр.: *Glossaria graeca minora et alia anecdota graeca* / Ed. Ch.F. Matthaei. M., 1774–1775; *Chrestomathia graeca* / Ed. Ch.F. Matthaei. M., 1775; *Πλούταρχος. Περι δυσωπίας και περι τύχης*. М., 1777; *Εκλογαί ἐκ τῶν Ἑλληνίδι φωνῆ γραφάντων*. Избранные места из греческих писателей, собранные Христианом Фридрихом Маттеем, а переведенные с греческого на российский язык для обучающихся в Смоленской семинарии той же семинарии пиитического, историографического и греческого классов учителем Борисом Филоновым. М., 1785.

³⁷ *Lectiones Graecae, seu excerpta ex variis scriptoribus Graecis in usum juventutis. Graece et Latine. Cum animadversionibus*. Mosquae, 1806.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 3. Письмо от 7 августа 1805 г.

³⁹ *Publii Terentii Comoediae sex*. Mosquae, 1806. См.: ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 11, 12. Письма от 26 февраля и 18 июня 1806 г.

⁴⁰ *Eclogae ex variis scriptoribus Graecis cum locupletissimis animadversionibus*, Mosquae, 1805. См.: ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 12. Письмо от 18 июня 1806 г.

⁴¹ *Conciones et Orationes ex Historicis Latinis, publico mandato ex praestantissimis editionibus in usum juventutis Rossicae editae*. Mosquae, 1807. См.: ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 12.

⁴² *Clytemnestrae Sophoclis fragmentum. Graece et Latine. Ex codice Augustano et apographo Alexandrino, additis animadversionibus et interpretatione latina primum edidit*. Mosquae, 1805. См.: ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 1–1 об. Письмо от 8 июня 1805 г.

⁴³ Московские ученые ведомости. 1806. № 6. С. 41.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 1 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 11. Письмо от 26 февраля 1806 г.

⁴⁷ Там же. Л. 3 об. Письмо от 7 августа 1805 г.

⁴⁸ Там же. Л. 6. Письмо от 25 октября 1805 г.

⁴⁹ Там же. Л. 11. Письмо от 26 февраля 1806 г.

⁵⁰ Там же. Л. 12. Письмо от 18 июня 1806 г.

⁵¹ Там же.

⁵² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... Т. 2. С. 34.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 2. Письмо от 8 июня 1805 г.

⁵⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... Т. 2. С. 34.

⁵⁵ Императору Александру I Mattei посвятил пять своих важнейших трудов, а именно: каталог греческих рукописей московских собраний, критические издания текста Нового Завета, два издания трудов греческих врачей и издание «Клитемнестры». Два издания посланий апостола Павла посвящены Екатерине II и Павлу I.

⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 16.

⁵⁷ Там же. Л. 16 об.

⁵⁸ Там же. Л. 12. Письмо от 18 июня 1806 г.

⁵⁹ Там же. Л. 7 об.

⁶⁰ Там же. Л. 3. Письмо от 7 августа 1805 г.

⁶¹ Там же. Л. 3 об.

⁶² Там же. Л. 7 об. Письмо от 30 ноября 1805 г.

⁶³ Rufi Ephesii, clarissimi medici Graeci, opuscula et fragmenta cum animadversionibus. Multo haec nunc auctiora edita sunt ex codice Mosquensi et Augustano. Accesserunt quaedam ex Galeno et Dioclis Carystii epistola. Mosquae, 1806.

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 110. Л. 1 об.

⁶⁵ Там же. Л. 3. Письмо от 7 августа 1805 г.

⁶⁶ Там же. Л. 6 об.

⁶⁷ Там же. Л. 10. Письмо от 7 декабря 1805 г.

⁶⁸ Там же. Л. 14, 15.

⁶⁹ Там же. Л. 9 об. Письмо от 7 декабря 1805 г.

О.А. Рокутова

Семейное воспитание сирот в документах госархивов Самарской области. 1941–1950 гг.

Современное российское общество переживает сложное время кардинальной перестройки всех сфер жизни. В условиях социально-экономической нестабильности, дискредитации многих нравственных, в том числе и семейных, ценностей дети, как наиболее слабый, незащищенный слой общества, страдают больше всего. Согласно официальной статистике, в 2005 г. в Российской Федерации насчитывалось около 800 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей¹. Многие из них пополнили ряды беспризорных и безнадзорных, которых, по оценкам Совета федерации и независимых экспертов, в начале 2000-х гг. в стране насчитывалось 3–4 млн². Отмеченные факторы, усугубляемые продолжительным демографическим кризисом, обуславливают необходимость защиты сирот, создания оптимальных возможностей для их социальной адаптации. Очевидно, что приемная семья является одной из самых эффективных форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. В этой связи безу-

словную теоретическую и практическую значимость приобретает изучение уникального национального опыта, накопленного в сфере социальной политики в отношении сирот в 1940–1950-е гг.

Великая Отечественная война, а также особенности развития нашей страны в 1940-е гг. обусловили огромный рост числа осиротевших детей. В это время большое значение приобрели различные формы их устройства, включая семейное воспитание, от эффективности реализации которого во многом зависели победа в войне, нормализация хозяйственной и общественной жизни после ее окончания.

К исследованию данной темы уже неоднократно обращались ученые. В советский период некоторые ее аспекты рассматривались в контексте изучения деятельности партийных и государственных органов по социальному обеспечению населения, достижению общественной заботы о семьях фронтовиков. В этих работах на материалах центральных архивов представлены эпизоды, иллюстрирующие те или иные формы социальной защиты детей-сирот, в том числе их воспитание в приемных семьях³. Однако в них не был раскрыт весь комплекс причин детского сиротства в 1940-е гг., остались неизученными региональные особенности семейного воспитания осиротевших ребят.

В 1990–2000-е гг. интерес ученых к проблемам детского сиротства заметно вырос. В русле исторических, правоведческих и педагогических исследований изучался накопленный в 1940-е гг. опыт устройства сирот в приемные семьи. Авторы на основе всестороннего анализа обширного комплекса источников с привлечением недоступных ранее архивных данных пытались составить объективное представление о реальном значении патроната, опеки и усыновления в годы военного лихолетья и первой послевоенной пятилетки⁴. Значительно увеличилось в последнее время и число региональных исследований по социальной политике в сфере охраны детства⁵, в которых на архивных материалах анализируется специфика реализации семейного воспитания сирот в различных, в том числе тыловых, регионах СССР. Тем не менее в историографии темы налицо отсутствие специальных исследований, посвященных развитию системы патроната, опеки, усыновления в 1941–1950 гг. в центрах массовой эвакуации населения. В плане перспективы исследования особый интерес представляет Самара, куда в годы Великой Отечественной войны из Москвы были эвакуированы правительственные учреждения, посольства и представительства иностранных государств, промышленные предприятия, деятели науки и культуры, а в качестве объекта изучения – фонды государственных архивов Самарской области.

Семейное воспитание сирот в 1941–1950 гг. позволяют раскрыть материалы Государственного архива Самарской области (ГАСО) и Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ). Это прежде всего протоколы заседаний, распоряжения из фондов Куйбышевского областного (ГАСО. Ф. Р-2558) и городского (ГАСО. Ф. Р-56) исполкомов Советов депутатов трудящихся. Не менее важны отчеты секторов детских домов о работе по устройству сирот в пределах области из фондов областного (ГАСО. Ф. Р-400) и городского (ГАСО. Ф. Р-1692) отделов народного образования. Отчеты о работе районных отделов социального обеспечения области, результатах инспектирова-

ния (ГАСО. Ф. Р-4079) позволяют раскрыть характер участия местных собесов в защите сирот. В фонде Куйбышевского обкома ВКП(б) (СОГАСПИ. Ф. 656) имеются постановления обкома, докладные записки различных секторов обкома в ЦК ВКП(б), докладные областного отдела народного образования в Куйбышевский обком партии, содержащие данные об устройстве сирот в приемные семьи.

Единый общегосударственный порядок семейного воспитания сирот был законодательно урегулирован в годы войны с помощью постановлений правительства, различных инструкций, приказов наркоматов просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, юстиции. Так, в апреле 1943 г. СНК РСФСР утвердил инструкцию, в которой значились следующие формы устройства сирот на воспитание в семье: патронат, опека и усыновление. Передаче на семейное воспитание подлежали дети от первых месяцев жизни до 14 лет. При патронировании предполагались ежемесячные пособия в размере 50 руб., выплачивавшиеся по линии органов здравоохранения, образования, а также касс колхозной взаимопомощи. Опекун назначался в обязательном либо добровольном порядке и исполнял свои обязанности безвозмездно, имея право некорыстного пользования имуществом и собственностью ребенка⁶. Обязанность заниматься осиротевшими детьми возлагалась на комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, организованные при исполкомах всех уровней в феврале 1942 г. За это несли личную ответственность секретари горкомов и райкомов ВКП(б), а также председатели исполкомов городских и районных Советов⁷.

Несмотря на важность миссии, работа комиссий в Куйбышевской области осуществлялась неудовлетворительно. В апреле 1943 г. ЦК ВЛКСМ направил в ЦК ВКП(б) письмо, в котором говорилось о «бездушно-бюрократическом отношении к детям, оставшимся без родителей, в г. Куйбышеве», а 23 апреля 1943 г. уже СНК СССР в письменной форме потребовал от председателя Куйбышевского облисполкома Хопова найти ответственных за сложившуюся ситуацию и способствовать ее скорейшему изменению⁸. Отчеты Куйбышевского облоно, сводки о ходе профилактики детской беспризорности и безнадзорности за 1943–1950 гг. свидетельствуют, что, невзирая на многочисленные решения исполкомов и местных партийных органов, неоднократные пересмотры состава комиссий, работали они плохо и в годы войны, и в период послевоенного пятилетия. В 1950 г. заместитель заведующего Куйбышевским облоно Рыков констатировал, что областная комиссия бездействовала, основная тяжесть устройства детей, оставшихся без родителей, легла на районо и райсобесы⁹.

Согласно Положению об инспекторе по охране прав детей, утвержденному в 1944 г.¹⁰, обязанности учета осиротевших, а также контроля условий жизни детей, устроенных под патронат и опеку, возлагались на инспекторов по охране прав несовершеннолетних. Однако за редким исключением в штатах отделов народного образования Куйбышевской области на протяжении 1944–1950-х гг. такой должности не было. Судя по отчетам по охране прав несовершеннолетних, эти важные по своему значению обязанности выполняли на общественных началах внештатные инспекторы, назначавшиеся, как правило, из работников образования или комсомольцев. Учет сирот осуществлялся в основном с помощью подворных об-

ходов с участием директоров и учителей школ¹¹. Эти данные имели главенствующее значение, поскольку местные Советы на их основании принимали решения о дальнейшем устройстве детей, размере материальной помощи и т.д.

Центральные и местные советские и партийные органы, провозгласив приоритет семейного воспитания сирот, приложили значительные усилия для пропаганды именно этой формы устройства детей среди населения. Протокол заседания бюро Куйбышевского обкома ВЛКСМ, состоявшегося 23 декабря 1941 г., содержит план мероприятий по работе с эвакуированными детьми. В соответствии с ним секретари комитетов ВЛКСМ совместно с секретарями парткомов обязывались провести на предприятиях, в колхозах, совхозах и школах комсомольско-молодежные собрания рабочих и служащих с целью пропаганды патронирования эвакуированных: каждая 15-я семья должна была взять на воспитание ребенка¹². Некоторые представители местных партийных органов личным примером способствовали популяризации семейного воспитания сирот. Согласно отчету облоно об устройстве эвакуированных детей за 1942 г., секретарь Борского райкома ВКП(б) Столяров первым усыновил ребенка из числа прибывших ребят¹³.

В фонде Куйбышевского облоно сохранились текстовые отчеты о работе с сиротами, содержащие сводные статистические данные о масштабах распространения определенных форм устройства осиротевших детей. Они наглядно иллюстрируют динамику изменения их численности в военные и послевоенные годы (см. табл.).

*Сироты, устроенные под патронат, опеку и усыновленные
в Куйбышевской области в 1943–1950 гг.**

Регион	1943			1945			1948			1950		
	пат- ронат	опека	усы- нов- ление	пат- ронат	опека	усы- нов- ление	пат- ронат	опека	усы- нов- ление	пат- ронат	опека	усы- нов- ление
Куйбышевская область	1544	580	382	2306	2298	516	2579	1118	240	1753	1218	555
Всего	2506			5120			3937			3526		

* Сведения о числе сирот, определенных на воспитание в семьи местными отделами образования и социального обеспечения, получены из документов ГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 216. Л. 5; Д. 397. Л. 8; Д. 521. Л. 1; Д. 784. Л. 1 а–2.

Собранные нами сведения позволяют сделать важные выводы. В годы Великой Отечественной войны число принятых на воспитание в семьи детей выросло более чем в два раза. Это объясняется, в первую очередь, увеличением общего числа осиротевших. Немаловажным фактором, определявшим решение взрослых взять на воспитание чужого ребенка, являлись выплаты на его содержание, возможность использования имущества, оставшегося после смерти родителей, и другие факторы материального характера. В пользу такого утверждения говорят данные таблицы, согласно которым

количество патронированных всегда значительно превышало численность других категорий. Одновременно с этим не стоит недооценивать значение мотивов морально-нравственного характера, побуждавших людей, и без того находившихся на грани выживания, брать сирот в свои семьи, тем более что патронами и опекунами становились преимущественно те, кто был связан с сиротами родственными узами. В качестве доказательства значимости мотивов сострадания можно рассматривать следующие отраженные в отчетной документации факты. В 1946 г. сотрудники Куйбышевского облоно взяли на учет 234 сироты, не устроенных ни в детдома, ни под патронат или опеку, однако все дети проживали у родственников, которые просто не оформляли нужные документы и, соответственно, не претендовали на получение пенсий и пособий¹⁴.

В послевоенное пятилетие число детей, принятых в семьи, неизменно сокращалось и в 1950 г. снизилось в 1,5 раза по сравнению с 1945 г. Среди причин данного процесса можно назвать некоторое уменьшение числа сирот, связанное, прежде всего, с возвращением родных с фронта. Не следует забывать о сокращении детского населения в результате демографического кризиса, проблем медицинского обслуживания и др. Негативно сказывался и плановый характер устройства детей под патронат. По данным отчетов местных отделов народного образования за 1944–1950 гг., каждый район должен был выполнять спущенный план по числу патронируемых. Райсовет не мог устроить в семьи больше детей, чем числилось в разрядке¹⁵. Единственно возможной альтернативой в этом случае становилось определение их в детские дома.

В целом, согласно архивным данным, многочисленные послевоенные трудности предопределили стабильно высокие показатели детского сиротства. В 1950 г. число сирот, находившихся на воспитании в семьях, а также в детских домах и интернатах области, составило 8931 человек, т.е. на 787 больше, чем в 1943 г.¹⁶ Таким образом, к началу 1950-х гг. проблема устройства означенной категории детей оставалась не менее актуальной, чем в годы войны, а меры, направленные на применение патронатного воспитания, опеки, усыновления, следует признать достаточно эффективными.

По документам ГАСО можно проследить, насколько государственные структуры и общественность на деле следовали принципу приоритетности семейного воспитания осиротевших детей, провозглашенному советским правительством. К началу 1946 г., по отчетным данным органов народного образования и социального обеспечения Куйбышевской области, числились 5523 устроенных сироты: 1796 – под патронатом, 1394 – под опекой, 285 – на усыновлении и 1108 детей – в детдомах и интернатах. Таким образом, в государственные сиротские учреждения были отправлены 20 % ребят от общего числа устроенных, а определены на воспитание в семьи – 63 %¹⁷. Обозначившаяся в годы войны тенденция превышения числа патронированных, опекавшихся и усыновленных над контингентом сирот, ставших воспитанниками детских домов, сохранялась и в послевоенное время. Отчет о работе детских домов области за 1947 г. показывает, что доля сирот, устроенных в семьи, на 12 % превысила число помещенных в детские дома¹⁸.

Отчеты инспекторов по охране прав несовершеннолетних за 1945–1950 гг., составленные по результатам проведенных проверок, дают

представление об условиях жизни усыновленных детей, устроенных под патронат и опеку. Инспектирование условий быта и воспитания опекаемых должно было осуществляться дважды в год, патронируемых – ежеквартально. Однако протоколы заседаний бюро Куйбышевского обкома ВКП(б), справки о работе районных инспекторов свидетельствуют, что подобные обследования производились гораздо реже. Анализ результатов анкетирования патронированных детей г. Куйбышева в 1943 г. показывает, что материальные условия их жизни оставляли желать лучшего. Из 30 ребят школьного возраста 16 не имели собственной кровати и постельного белья, 20 – одежды и обуви, хорошо питались пять человек, удовлетворительно – 12, плохо – 13. При этом из 30 обследованных лишь двое не посещали школу, из 28 учеников было пять отличников и 19 учились без троек¹⁹. Обследование, проведенное в 1942 г. в Куйбышевской области инспектором Управления детских домов Наркомпроса РСФСР А.Кондаковым, показало, что размер патронатного пособия (30–50 руб.) недостаточен для обеспечения детей питанием, одеждой и обувью²⁰. Многие сироты получали дополнительно от органов соцобеспечения разницу между пособием и положенной им пенсией, составлявшую порой от 18 до 50 руб.²¹ Тем не менее отпускаемые средства не соответствовали необходимым затратам. Тяжелая ситуация с материальным обеспечением усугублялась частыми задержками (до 3–4 месяцев) выплат патронатных пособий. Напряженное положение сохранилось и после окончания войны. Согласно архивным документам, в 1947 г. из 45 патронированных детей Петровского района Куйбышевской области 32 не имели одежды и обуви²². Особенно сильную нужду испытывали сироты, получавшие пособия из касс колхозной взаимопомощи, нормальной работе которых зачастую препятствовало истощение крестьянских хозяйств. Справка о работе органов соцобеспечения за 1946 г. указывает на то, что только 30,1 % от общего количества колхозов Куйбышевской области имели такие органы общественной взаимопомощи, из 448 существовавших касс реально действовали только 257²³. Однако в архивных источниках послевоенного времени примеры материальной необеспеченности ребят, состоявших под патронатом и опекой, встречаются реже, чем в документах периода Великой Отечественной войны. Судя по распоряжениям местных органов власти и протоколам заседаний бюро обкома ВКП(б) за 1948–1949 гг., в области все-таки удалось наладить своевременные выплаты пособий. Это позволяет предположить, что к концу 1940-х – началу 1950-х гг. все же наметилась тенденция более эффективного решения этих вопросов.

Важное значение в сфере материального обеспечения детей, устроенных под патронат, опеку, а также усыновленных, имела помощь органов образования, социального обеспечения, областного отделения Красного Креста, общественности. Содержание отчетной документации по решению проблем сирот показывает, что активизация общественной инициативы обозначилась в 1944 г. и проявлялась в организации единовременных денежных выплат, покупке и выдаче одежды, обуви, материала для пошива белья и т.п. В 1947 г. только органами социального обеспечения Куйбышевской области на помощь патронированным было затрачено 28 тыс. руб.²⁴ В различных документах фондов облоно, облсобеса и обкома ВКП(б) приведено множество примеров оказания помощи именно этой категории детей. Видимо, го-

сударство целенаправленно сосредоточило значительные материальные ресурсы для их поддержки, стремясь к популяризации среди населения патронатной формы устройства сирот.

Работа общественных инспекторов по охране прав усыновленных детей, устроенных под патронат и опеку, в немалой степени способствовала нормализации условий жизни ребят. В отчетных документах военного и послевоенного периодов зафиксированы вскрытые в ходе обследований случаи безответственного отношения взрослых: воспитывавшиеся в их семьях дети не учились, нищенствовали. Встречались факты хищения или растрат опекунами имущества подопечных, а также грубого обращения с детьми, применения насилия²⁵. В таких случаях прокуратура возбуждала уголовные дела, сироты из семей изымались и, как правило, отправлялись в детские дома.

В документах приводятся сведения о семьях, успешно воспитывавших сирот, проявлявших к ним истинно родительские чувства и участие. В отчете Куйбышевского горно об устройстве сирот за 1942 г. лучшими названы семьи Хрестницких, растивших пять детей-сирот, Мельниковых, Борисовых и др.²⁶ Аналогичные документы областного отдела народного образования за 1943 г. показывают, что в с. Отважное Ставропольского района А.А. Деревский и Е.К. Деревская воспитывали 15 таких детей, трое из которых были усыновлены, остальные состояли под патронатом²⁷.

Изучение фондов только двух госархивов Самарской области позволяет заключить, что семейное воспитание, получив довольно широкое практическое применение в годы войны, не потеряло своего значения и в период послевоенной пятилетки. Несмотря на низкий уровень жизни, минимальные размеры патронатного пособия, трудности организационного характера, многие люди помогли этим детям обрести семью, проявив настоящую гражданскую позицию. Наиболее распространенной стала такая форма семейного воспитания, как патронат, хотя показатели опеки продолжали оставаться достаточно высокими.

Сравнительный анализ данных, содержащихся в архивных документах, позволяет проследить механизмы решения остро поставленных в 1940-е гг. социальных вопросов, а также выявить особенности политики местных органов власти и деятельности органов ВКП(б) в отношении устройства детей, потерявших родителей, и, наконец, сформировать представление об отношении рядовых граждан к проблемам сирот. Наиболее репрезентативными в плане интересующей нас информации являются, безусловно, текстовые отчеты Куйбышевского областного отдела народного образования о работе детских домов области. В них обязательно присутствие специальных разделов, отражающих работу по охране прав сирот, в том числе по устройству под патронат, опеку, усыновленных. Специфика обозначенного типа источников заключается в следующем. С одной стороны, отчеты имеют четко выраженную структуру и освещают самые разные аспекты защиты сирот, с другой, составленные строго в соответствии с требованиями Наркомпроса РСФСР (с 1946 г. – Министерства просвещения РСФСР), носят зачастую чисто формальный характер. Тем не менее именно этот вид делопроизводственной документации позволяет получить статистические сведения о численности сирот, патронированных, опекавшихся, усыновленных, раскрывает особенности их материального обеспечения, а также социальной

адаптации к изменившимся жизненным условиям. Наиболее существенным для формирования представления об участии местных государственных и партийных органов в развитии института приемной семьи в 1940-е гг. является такой вид официальной переписки, как докладные, содержащиеся в фонде Куйбышевского обкома ВКП(б). В целом же материалы указанных фондов архивов Самарской области при их комплексном изучении – ценный источник для исследования проблемы семейного воспитания сирот в 1941–1950 гг.

¹ Усыновление в России. [Электронный ресурс] / Интернет-проект Министерства образования и науки Российской Федерации: <http://www.usynovite.ru/statistics>

² *Арефьев А.Л.* Беспризорные дети России // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 61.

³ *Белонос И.И.* Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. // Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1966. С. 15–30; *Зинич М.С.* Всенародная помощь детям в период Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1985. № 5. С. 17–23; *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. М., 1985. С. 254–305; и др.

⁴ *Нечаева А.М.* Охрана детей-сирот в России. (История и современность). М., 1994; *Зезина М.Р.* Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136; и др.

⁵ *Шалак А.В.* Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). Иркутск, 2000. С. 137–153; *Шукина Т.И.* Образование в Мордовии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Саранск, 2005. Гл. 2: Социальная защита детей и подростков в военные годы. С. 18–37; и др.

⁶ Народное образование: основные постановления, приказы, инструкции. М., 1948. С. 332–338.

⁷ ГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 357. Л. 1–3; Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 55. Л. 137.

⁸ Там же. Оп. 6. Д. 112. Л. 174.

⁹ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 784. Л. 1а–6.

¹⁰ Народное образование: основные постановления... С. 339–340.

¹¹ ГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 407. Л. 6; Д. 206. Л. 20.

¹² СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 5. Д. 128. Л. 41–44.

¹³ ГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 189. Л. 19.

¹⁴ Там же. Д. 397. Л. 8.

¹⁵ Там же. Д. 786. Л. 26.

¹⁶ Там же. Д. 216. Л. 5; Д. 397. Л. 1; Д. 784. Л. 1а–2; Д. 780. Л. 1; Ф. Р-1692. Оп. 12. Д. 59. Л. 4–5.

¹⁷ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 407. Л. 3; Д. 521. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 225. Л. 1–36.

²⁰ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 61. Л. 11.

²¹ ГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 722. Л. 61; Д. 786. Л. 7.

²² Там же. Д. 407. Л. 3.

²³ Там же. Ф. Р-4079. Оп. 1. Д. 46. Л. 15.

²⁴ Там же. Д. 46. Л. 44.

²⁵ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 218. Л. 48.

²⁶ Там же. Ф. Р-1692. Оп. 10. Д. 8. Л. 21–22.

²⁷ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 218. Л. 43.

М.А. Микрюкова

Документы Центрального госархива Удмуртской Республики о государственно-конфессиональной политике конца 1950-х – середины 1960-х гг.

История взаимоотношений советского государства с религиозными организациями в переломный для страны период «оттепели» довольно активно изучается в последние годы. Однако большинство исследований и документальных изданий, в той или иной степени охватывающих разные конфессии, опираются на фонды федеральных архивов¹, не уделяя должного внимания регионам². Не является исключением и многоконфессиональная Удмуртия, в историографии которой отсутствуют публикации по названной теме³. Для восполнения существующего пробела в изучении государственно-конфессиональной политики в Удмуртии конца 1950-х – середины 1960-х гг. попытаемся в данной статье дать общее представление о корпусе архивных документов.

Основной документный массив сосредоточен в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР), где первостепенный интерес представляют фонды Совета министров Удмуртской АССР (Ф. Р-551), уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Удмуртской АССР (Ф. Р-1671) и исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся УАССР.

В фонде СМ УАССР сосредоточены дела о деятельности уполномоченных советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по УАССР, в которых содержатся следующие группы документов. Во-первых, это информационные, инструктивные письма и другие распорядительные материалы советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, предназначавшиеся уполномоченным. Правда, они, как и сосредоточенные здесь же материалы всесоюзных совещаний уполномоченных, сохранились лишь частично и касаются составления планово-отчетной документации, улучшения работы уполномоченных различных регионов страны, применения законодательства о религиозных культах и других общих вопросов. Вторую группу составляют справки, докладные записки, донесения, отчеты уполномоченных, причем наиболее информационно насыщены годовые и полугодовые отчеты уполномоченных по УАССР за 1958–1964 гг.⁴ Они направлялись одновременно в три адреса – соответствующий Совет (по делам РПЦ или религиозных культов) при СМ СССР, СМ УАССР, Удмуртский обком КПСС и поначалу (до 1960 г.) содержали лишь выборочные сведения согласно указаниям совета и приоритетам самого уполномоченного.

Что касается донесений, то они информировали о прошедших молитвенных собраниях и службах в дни религиозных праздников, месте проведения праздничных служб, контингенте их участников, размерах пожертвований, количестве проданных предметов культа и др. Докладные записки составлялись по результатам поездок уполномоченных на места деятельности религиозных обществ для личных наблюдений и общения с верующими. Они отсылались в СМ УАССР, Удмуртский обком КПСС, горкомы и райкомы пар-

тии, исполкомы городских и районных Советов. Записки и справки в отличие от отчетов уполномоченных были более подробными и содержали рекомендации по преодолению тех или иных нежелательных явлений.

К третьей группе принадлежат сделанные в ходе приема уполномоченными граждан и служащих культа записи по вопросам регистрации, организационной, хозяйственной жизни религиозных обществ в 1958–1959 гг. Их тексты направлялись советам по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР, СМ УАССР и обкому КПСС.

В том же архивном фонде сосредоточены важные для исследователя постановления СМ УАССР 1958–1964 гг. по вопросам регистрации религиозных обществ, открытия, сноса и передачи церковью государственным учреждениям, исполнения общесоюзного законодательства о религиозных культах в УАССР⁵.

Дополнительный блок сведений о состоянии государственно-конфессиональных отношений в Удмуртии заключен в объединенном архивном фонде уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по УАССР и его предшественников. К сожалению, он незначителен по объему и скуден по содержанию (отчет уполномоченного Совета по делам РПЦ за 1964 г., статистические данные о деятельности зарегистрированных и действовавших нелегально религиозных объединений, часть регистрационных дел религиозных обществ), поскольку должность уполномоченного входила в структуру аппарата СМ УАССР и документы о его деятельности отложились в фонде СМ УАССР.

Фонды исполкомов районных и городских Советов УР содержат сведения об их взаимоотношениях с объединениями верующих. В видовом разрезе это протоколы сессий и заседаний исполкомов городских и районных Советов административно-территориальной единицы. Правда, отсутствие полного комплекта названных документов за 1958–1964 гг. диктует необходимость дополнительного обращения в муниципальные архивы и к архивному фонду Верховного Совета УАССР (Ф. Р-620), где отложились протоколы сессий местных Советов депутатов трудящихся УАССР.

Документы ЦГА УР позволяют определить прежде всего правовое положение религиозных объединений в Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х гг., а именно: масштабы регистрации религиозных обществ, открытия и закрытия, сноса культовых зданий различных конфессий. Так, заключения уполномоченного советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по УАССР, приложенные к постановлениям республиканского правительства, раскрывают обоснованность ходатайства верующих об открытии молитвенного здания, а решения исполкома Совета о расторжении договора с религиозным обществом – снятия с регистрации религиозного общества или сносе молитвенного здания. Уполномоченный совета, давая заключение на внесенное исполкомом решение о расторжении договора с религиозным обществом, снятии с регистрации религиозного общества или сносе молитвенного здания, подкреплял его сведениями о времени постройки, сохранности, площади и вместимости, посещаемости церковных служб, количестве совершенных религиозных обрядов, составе священно- и церковнослужителей, исполнительного органа религиозного общества, наличии близлежащих церквей для удовлетворения потребностей верующих. Причем на протяжении всего рассматриваемого периода уполномоченный всегда поддерживал исполком в этих вопросах. Для ответа на ходатайства верующих об откры-

тии молитвенных зданий и регистрации религиозных обществ уполномоченный изучал состав авторов документа (возраст, социальное положение, местожительство), выяснял наличие помещения (типовое или частное жилое здание, взятое в аренду, удовлетворяющее пожарным и санитарным требованиям), а также духовного руководителя. И все равно отказывал в регистрации религиозного общества и открытии культового здания.

Принятые на основе заключений уполномоченных постановления республиканского правительства о расторжении договоров на пользование молитвенным зданием, сносе, снятии с регистрации религиозного общества наряду с обоснованием причин принятия того или иного решения содержат рекомендации по переоборудованию или передаче молитвенного здания под учреждения культуры, образования, здравоохранения или под сельскохозяйственные нужды.

Судя по архивным документам, наибольшее количество заявлений об открытии молитвенных зданий исходило от православных верующих⁶. Правда, в 1958–1959 гг. подобные просьбы поступали и от мусульман, евангельских христиан-баптистов, старообрядцев Белокриницкого согласия. Всем под разными предлогами (неправильное оформление заявления, наличие в районах действующих молитвенных зданий, малочисленность заявителей, отсутствие молитвенного здания и духовного руководителя, несоответствие арендуемого верующими помещения санитарным и пожарным требованиям и др.⁷) отказали, и к 1960 г. обращения религиозных общин за регистрацией и открытием молитвенных зданий прекратились.

Вместе с тем документы заставляют усомниться в полноте и точности сведений, направляемых с мест в советы по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР. Так, например, в 1960 г. в связи с поступлением заявления об открытии церкви в с. Кулюшево уполномоченный Д.М. Шестаков⁸ обращался в Каракулинский райком КПСС с просьбой о передаче церковного здания в этом селе колхозу с целью лишения верующих основания для ходатайства об открытии церкви⁹. По-видимому, уполномоченный старался решить ряд вопросов самостоятельно.

В 1958–1964 гг. отмечено существенное сокращение количества религиозных обществ в Удмуртии (с 38 до 26), причем наиболее радикально – приходов РПЦ. Причинами снятия их с регистрации служили ветхость и бесхозность молитвенных зданий, распад «двадцатки» (общины), реализация генерального плана застройки местности, где находились молитвенные здания. Последние после снятия обществ с регистрации были переданы в пользование колхозам, школам, детским садам, сельским Советам под мастерские, учебные классы, сельские клубы, зерновые склады. Особенностью закрытия церкви в Удмуртии, по свидетельству отчетов и информационных справок о религиозной ситуации в городах и районах Удмуртии, материалов сессий Советов депутатов трудящихся и протоколов заседаний исполкомов, являлось отсутствие сопротивления со стороны верующих. Исключением была ситуация со сносом бездействовавшего каменного Вознесенско-Преображенского собора в г. Глазове (сведения об этом отложились в фонде исполкома Глазовского горсовета). В 1960 г. после принятия исполкомом решения о сносе собора туда приходили делегации верующих с просьбой не сносить здание¹⁰.

Самостоятельный тематический блок составляют документы о реализации предусмотренных законодательством прав и обязанностей священнослужите-

лей. По законам того времени последние не имели права заниматься иной деятельностью помимо удовлетворения религиозных потребностей населения, а следовательно, получать дополнительный доход. Для того чтобы лишить духовенство материальной заинтересованности в священнической деятельности, в 1962 г. по всей стране служители культов были переведены на твердые денежные оклады. Наиболее информативным документом о процессе перевода духовенства РПЦ на новые условия оплаты труда является специальная записка уполномоченного. Он сообщал в центр о количестве религиозных обществ, духовенство которых уже состоит на твердом денежном содержании, отношении православного духовенства к данной акции, предложениях по определению размеров окладов священнослужителям и их реальных размерах¹¹.

Одновременно с изменением порядка оплаты труда духовенства во всех церквях ввели «квитанционный» учет требоисправлений. Оформление квитанций возлагалось на членов церковных советов, казначеев или иных специально выделенных лиц, за исключением духовенства. Немаловажным фактором явилось требование указывать в квитанциях на крещение, венчание и отпевание сведения о гражданах, обратившихся за совершением обряда: фамилия, имя, отчество, адрес, дата. Такая мера, помимо отстранения священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности религиозного общества, преследовала цель получения более точной информации о церковной обрядности, выявления совершающих религиозные обряды лиц для проведения с ними индивидуальной разъяснительной работы.

Степень эффективности этих мероприятий раскрывают отчеты и справки о религиозной ситуации в городах и районах Удмуртии, содержащие статистические данные о количестве совершенных обрядов в отдельных религиозных или всех обществах каждой конфессии в отдельности. Необходимо отметить имеющиеся в них (особенно в годовых отчетах уполномоченных) расхождения. Так, в отчетах за 1960 и 1962 гг. число православных обрядов крещения ниже, чем проходит по отчетам последующих лет применительно к этому же периоду. Та же ситуация наблюдается в отношении похорон. Однако начиная с 1963 г. сведения об их количестве в 1960–1961 гг. занижаются. Например, в отчетах 1960 и 1961 гг. значится соответственно 3918 и 4346¹² похорон, а в отчетах 1963–1964 гг. приведены следующие данные о количестве похорон в 1960–1961 гг.: 2178 и 1810¹³.

В мусульманских религиозных обществах наблюдается тенденция к занижению числа обрядов наречения имени и погребения с последующим увеличением количества совершенных обрядов при уточнении данных.

Причин отмеченных разночтений в отчетных документах может быть несколько. Во-первых, это допущенные при подсчете ошибки; во-вторых, учет не всех участвовавших в обрядах категорий населения; в-третьих, стремление в ряде случаев показать результативность мероприятий по сокращению обрядности.

Одной из обязанностей религиозных обществ был сбор денежных средств для Советского фонда мира, в борьбу за который была вовлечена Церковь¹⁴, а значит и религиозные общества Удмуртии. Сведения о размерах отчислений обществами и отдельными лицами, в том числе в процентном отношении к общему доходу каждого общества или конфессии в целом, находим в отчетах уполномоченных¹⁵, где также раскрываются методы работы по активизации сдачи средств на защиту мира.

Документы архива дают представление о реализации конституционных прав граждан республики на свободу вероисповедания. Поскольку участие в религиозных службах несовершеннолетних считалось недопустимым, а молодежи – нежелательным, то именно они находились в центре внимания уполномоченных при характеристике контингента лиц, посещавших церковные службы и молитвенные собрания. В документах указывались возрастные категории присутствовавших на службах, примерное число представителей каждой возрастной группы, особо отмечалось отношение несовершеннолетних к выполняемым ими в культовом здании обязанностям. Так, в разные годы сельские церкви Удмуртии посещали в среднем 25–60 детей школьного возраста, городские храмы – от 80 до 100 человек. Кроме того, в ряде религиозных обществ (чаще православных) дети прислуживали в церквях¹⁶.

Государство всячески препятствовало религиозному воспитанию детей, совершению ими религиозных обрядов вплоть до достижения совершеннолетия. Но и после 18 лет граждане СССР не были свободны в своем выборе. Исповедующие религию, посещающие церковь, исполняющие религиозные обряды молодые люди становились объектом внимания со стороны партийных, комсомольских организаций образовательных учреждений и предприятий, где они учились или работали. С ними проводили индивидуальные беседы, их обсуждали на собраниях, пытались отвлечь от религии. Совершеннолетним чинились препятствия и при получении духовного образования. Примером тому может служить переписка уполномоченного Д.М. Шестакова с Советом по делам РПЦ при СМ СССР и парткомом Ижевского машиностроительного завода о недопущении поступления единственного абитуриента от Удмуртии в Московскую духовную семинарию¹⁷.

Одним из способов борьбы с религиозными обрядами стало насаждение советских гражданских обрядов. Указания об их проведении на территории Удмуртии раскрывают постановления СМ УАССР за 1963–1964 гг., содержащие задания исполкомам по разработке мероприятий по внедрению советских гражданских обрядов по случаю рождения, бракосочетания, 25- и 50-летия супружества, похорон¹⁸. Сведения о новых обрядах, праздниках в соответствии с постановлениями республиканского правительства приведены в отчетной документации уполномоченных, протоколах заседаний исполкомов, сессий городских и районных Советов депутатов трудящихся УАССР¹⁹.

Значительный блок архивных документов повествует об ответственности граждан и религиозных организаций за нарушение законодательства о религиозных культах. Подробности соблюдения законодательства о культурах регулярно отражались в отчетах уполномоченных, справках о религиозной обстановке в городах и районах республики, донесениях на служителей культа, в специальных информациях. В них раскрываются проступки, совершенные духовенством, членами церковных советов религиозных обществ, указываются имена, место службы, вид нарушения и наложенное уполномоченным взыскание. Обычно священно- и церковнослужители сначала предупреждались, а в случае рецидива снимались с регистрации с запрещением заниматься религиозной деятельностью на срок до трех месяцев. В справках на отдельных нарушителей содержатся некоторые биографические данные, сведения о политической позиции и религиозной активности.

По свидетельству документов, пристальное внимание в Удмуртии оказывалось православным обществам и духовенству, а также запрещенным

к регистрации религиозным обществам пятидесятников, Свидетелей Иеговы, Истинно-православных христиан и Истинно-православной церкви. Отношение к религиозным объединениям мусульман было намного мягче: к ним применялись лишь предупреждения, ни разу никого не сняли с регистрации, не запретили религиозную деятельность. Борьбу властей с незарегистрированными религиозными обществами затрудняло то обстоятельство, что привлечение последних к ответственности становилось возможным только при условии, если их действия подпадали под статьи Уголовного кодекса. Из документов уполномоченных советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по УАССР и республиканской прессы следует, что различные сроки лишения свободы получили три члена незарегистрированных обществ, двое из которых состояли в запрещенных к регистрации религиозных объединениях пятидесятников и Свидетелей Иеговы²⁰. В этих источниках приведены сведения о причинах привлечения лиц к уголовной ответственности, сроках наказания, однако номера статей УК РСФСР не указаны. Для подтверждения факта привлечения лиц к ответственности по религиозным мотивам требуется обращение к судебным документам, доступ к которым ограничен 75 годами со времени их создания.

Документы ЦГА УР отражают также нарушения действовавшего законодательства государственными органами, учреждениями, предприятиями, отдельными активистами. В отчетах уполномоченных приведены факты разгонов молитвенных собраний членов незарегистрированных религиозных объединений; наложения штрафов на хозяев квартир, где собирались верующие, отказа в выдаче справок для оформления кредита членам религиозных объединений на месте их работы, отказа в выдаче премии, выписке дров и др. Отмечены и случаи оказания помощи религиозным общинам по благоустройству прилегающей территории храмов, внутреннего убранства со стороны местных советских органов, по сути являвшихся нарушением законодательства о культурах.

В целом, анализ состава фондов ЦГА УР свидетельствует о наличии здесь представительного корпуса разнообразных и содержательных источников о реализации государственно-конфессиональной политики советскими органами в Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х гг.

¹ *Одинцов М.И.* Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М., 1991. С. 46–49; *Он же.* Хожение по мукам. 1954–1960 гг. // Наука и религия. 1991. № 7; *Панков Г.* О политике Советского государства в отношении к Русской православной церкви на рубеже 50–60-х годов // Религия и демократия: На пути к свободе совести. М., 1993. Вып. 2. С. 217–231; *Алексеев В.А.* Ответили ли принципам свободы совести церковно-государственные отношения в СССР в период «оттепели» // Свобода совести в духовном возрождении

Отечества. М., 1994. С. 126–152; *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России: XX век. М., 1994; Письма и диалоги «хрущевской оттепели» // Отечественные архивы. 1994. № 5; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь в 1958–1964 годах // Вопросы истории. 1999. № 2; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000; *Гордиенко Н.С.* Российские Свидетели Иеговы: история и современность. СПб., 2000; *Чумаченко Т.А.* Советское государство и Русская православная церковь в 1941–1961 гг. // Религиоведение. 2002.

№ 1. С. 14–37; *Одинцов М.И.* Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно!»: Сб. док. и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985). М., 2002; *Иваненко С.И.* Эволюция идеологии и деятельности религиозной организации Свидетелей Иеговы в России. Социально-философский анализ: Дисс. ... д-ра филос. наук. М., 2002; *Набиев Р.А.* Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002; и др.

² *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999; *Пассат В.И.* Русская православная церковь в Молдавии в 40-х – начале 60-х годов XX века // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 293–326; *Корнилов И.П.* Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Абдулов Н.Т.* Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917–1991 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006.

³ В исследованиях постсоветского периода поднимаются в основном культурологические, социально-политические, религиоведческие проблемы. См.: *Шумилов Е.Ф.* Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархий. XX век. Ижевск, 1996; *Ившина А.Р., Сыркин В.А.* Церковно-государственные отношения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Удмуртии) // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблема развития: Материалы междунауч. конф. Глазов, 1997. Ч. 2; *Ильинский С.И.* Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртской Республике: Опыт вероисповедной политики в регионе (1991–2002). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Шемякина Е.П.* Старообрядцы Белокриницкого соглашения в Ижевске: страницы истории // Стабильность государственно-конфессиональных отношений – залог гражданского мира и согласия: Материалы межрег. науч.-практ. конф. Ижевск, 2004. С. 53–55; *Ежков В.В.* Из истории церкви христиан адвентистов седьмого дня в Удмуртии // Там же. С. 13–17;

и др. В сборниках опубликованы лишь отдельные документы, характеризующие религиозную ситуацию в республике в разные годы (см.: Удмуртия в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Сб. док. Ижевск, 1995; Воткинск: Док. и материалы. 1758–1998. Ижевск, 1999; Камбарка: Док., материалы. 1741–2002. Ижевск, 2004; Можга: Док., материалы. 1835–2005. Ижевск, 2006).

⁴ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 135, 139, 142, 147, 152, 158, 164, 169.

⁵ Там же. Д. 140, 147; Оп. 2. Д. 2505, 2516, 2519, 2523, 2655, 2658, 2666, 2815, 2823, 2952, 2957, 2958, 2960, 2961, 2962, 3069, 3070, 3073, 3077, 3078, 3174, 3180, 3282, 3185.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 107.

⁷ Там же. Д. 139. Л. 209, 210, 241; Д. 142. Л. 213; Оп. 2. Д. 2519. Л. 7; Д. 2523. Л. 66–67; Д. 2655. Л. 139–140; Д. 2658. Л. 41–42.

⁸ Местной особенностью был тот факт, что с 1957 г. по рекомендации Совета по делам РПЦ при СМ СССР от 29 марта 1957 г. функции уполномоченных обоих советов были возложены на одного работника по причине «небольшого объема работы в Удмуртской АССР для уполномоченных».

⁹ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 142. Л. 146.

¹⁰ Архивное управление администрации муниципального образования «Город Глазов». Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 259. Л. 28.

¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 152. Л. 73–76.

¹² Там же. Д. 147. Л. 19; Д. 152. Л. 19.

¹³ Там же. Д. 164. Л. 24.

¹⁴ *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 315.

¹⁵ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 147. Л. 22–23; Д. 152. Л. 23; Д. 158. Л. 26 об. – 27, 31; Д. 164. Л. 29, 157; Д. 169. Л. 110.

¹⁶ Там же. Д. 152. Л. 13; Д. 158. Л. 110.

¹⁷ Там же. Д. 142. Л. 156–157, 161; Д. 147. Л. 14.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 3174. Л. 96–97.

¹⁹ Там же. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 106. Л. 183; Д. 108. Л. 4–5; Ф. Р-620. Оп. 5.

Д. 43. Л. 186 об. – 187; Ф. Р-1402. Оп. 1.
Д. 4. Л. 99–99 об.; Ф. Р-1167. Оп. 1.
Д. 158. Л. 215–216.

²⁰ Удмуртская правда. 1962. 5 августа; ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 164. Л. 151; Д. 169. Л. 94.

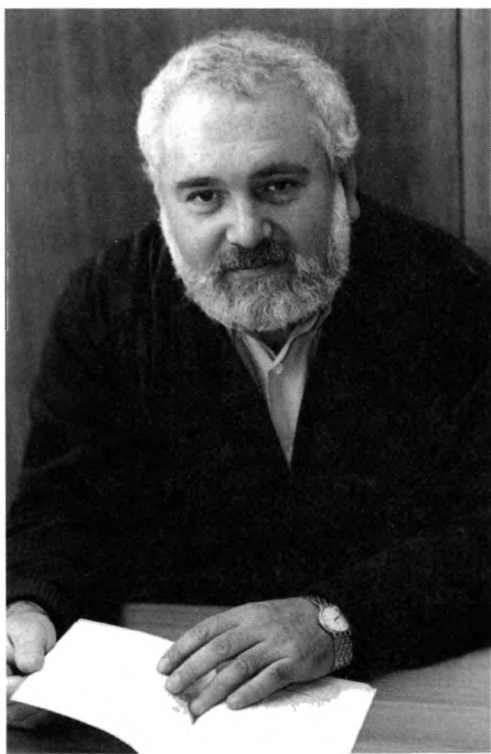
«...Думали только о нашей любимой историко-архивной науке»

Интервью Б.С. Илизарова

Наступивший 2008 год – год 90-летия со дня образования государственной архивной службы России, отсчет деятельности которой начался с принятием СНК РСФСР 1 июня 1918 г. декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике». Это повод оглянуться на прожитое, поговорить о проблемах и достижениях, об этапных моментах в жизни архивов, о профессии историка-архивиста.

Гость редакции – ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук профессор Борис Семенович Илизаров. С ним беседует главный редактор журнала Т.И. Бондарева.

– Ваше имя для многих ассоциируется с перестройкой, отстаиванием гласности в качестве члена экспертной комиссии Верховного Совета РСФСР по событиям 1989 г. в г. Тбилиси, с борьбой за открытие архивов в 1991–1993 гг. как члена комиссий Верховного Совета РСФСР и Моссовета по передаче архивов КГБ, КПСС государственным архивам и, конечно, с альтернативным проектом «архивного» закона. Вы, тогда заведующий кафедрой МГИАИ, возглавляли рабочую группу независимых архивистов, историков и юристов по подготовке законопроекта «Об архивном деле и архивах», внесенного в Верховный Совет СССР в 1991 г. Тот законопроект содержал ряд революционных положений, например запрещал существование «тайных архивов» вообще и отраслевых государственных архивных фондов в частности, и, соответственно, подвергся резкой критике официальных

структур. Ваша группа, помнится, категорически отказалась от сотрудничества с Главархивом СССР, поскольку расхождения с официальным законопроектом «Об Архивном фонде СССР» носили концептуальный характер. В конечном итоге, с развалом СССР оба проекта канули в Лету, и архивы почти 15 лет руководствовались Основами законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах. Не предлагая сегодня анализировать Ваш законопроект, хочу привести лишь один факт: в его подготовке участвовал и юрист М.А. Федотов, автор Закона 1991 г. «О средствах массовой информации», который действует по сей день. А как все-таки получилось, что Вы включились в законотворчество?

– В начале лета 1989 г. в Тбилиси (еще СССР) была разогнана демонстрация демократических сил с применением воинских формирований и спецсредств. Погибло несколько десятков пожилых и очень молодых людей. Одни были отравлены газом, зарублены саперными лопатками, другие задавлены в толпе. Под воздействием депутатского корпуса глава государства М.С. Горбачев дал согласие на создание комиссии Верховного Совета СССР во главе с народным депутатом А.А. Собчаком. Комиссия затребовала документацию от ведомств, причастных к событиям. Меня, как историка-архивиста и заведующего кафедрой теории и методики архивного дела, по рекомендации народного депутата СССР и ректора МГИАИ Ю.Н. Афанасьева пригласили упорядочить документацию и организовать архив этой комиссии. Тогда я познакомился не только с Собчаком, но и со многими видными политическими деятелями той поры. Некоторые из них надеялись уличить Горбачева в причастности к тем трагическим событиям, но эти предположения не оправдались. Передо мной же впервые приоткрылся механизм действия государственного репрессивного аппарата, его различных звеньев. В целом это довольно примитивная и громоздкая бюрократическая система, но информацию с места события спецслужбы выдавали объемную и многоаспектную. На основании документов, которые мы тогда обработали, Собчак написал две публицистические книги.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. я довольно часто выступал в печати и на различных форумах по проблемам демократизации нашего общества путем расширения доступа граждан, и в особенности исследователей, к информации о функционировании собственного государства как в стародавние эпохи, так и в наше время. Эта проблема напрямую связана с деятельностью государственных архивов, а главное, архивов силовых ведомств. Государство в их лице так боялось собственных граждан, что засекретило и от них, и от ученых, закрыло иными способами до 80 % архивной, т.е. устаревшей, информации. У меня появилась идея разработать законопроект, учитывающий демократические и научные достижения в этой области. Тогда же и руководство Главархива СССР приступило к разработке своего проекта. В результате возникла законодательная альтернатива.

Надо уточнить Ваш вопрос: Основы законодательства были приняты в июле 1993 г. Верховным Советом Российской Федерации и до недавнего времени были действующими. Я также принимал участие в их разработке. Более того, в их основу лег ряд предшествующих проектов, подготовленных с моим участием, в том числе и упоминавшийся выше инициативный авторский проект. Дело было так. В 1989 г. я организовал в МГИАИ группу, в которую вошли помимо Федотова и другие разработчики Закона о СМИ: юри-

сты Ю.М. Батуриным и В.Л. Энтиным, а также юрист из МГИАИ О.В. Шемелева, лингвист из ВНИИДАД Э.И. Хан-Пира, историк-архивист из МГИАИ А.Б. Каменский. Мы попытались обобщить то, что было накоплено в данной области в России и за ее пределами, в демократических странах. Как одержимые мы корпели над каждой строчкой проекта, не только закладывая новые основы архивного дела, но и расширяя возможности для исторической науки, которая бы в свою очередь расширила историческое, а с ним и политическое сознание нашего общества. Каждый пункт проекта шлифовался, мы добивались полной прозрачности профессиональных понятий и юридической чистоты всех положений. В начале 1991 г. проект как альтернативный был внесен в Верховный Совет СССР параллельно с проектом Главархива СССР. Была создана согласительная комиссия, но, пока все это продолжалось, СССР прекратил свое существование. Группа распалась: Федотов занял пост министра печати и информации, Батурин стал секретарем Совета обороны Российской Федерации, Энтин возглавил одну из структур в Мосгордуме, Каменский все больше занимался историческими исследованиями и перешел на одну из исторических кафедр ИАИ. Но и новой демократической России нужен был соответствующий закон. Не случайно в августе–сентябре 1991 г. первыми указами Президента РСФСР Б.Н. Ельцина, решениями Верховного Совета РСФСР и Моссовета были созданы комиссии, чтобы осуществить передачу архивов ликвидированных КПСС и КГБ СССР «в ведение архивных органов РСФСР». Здесь нет возможности подробно рассказать о работе этих комиссий, в которой участвовал и я, но они содействовали передаче архивов КПСС, которые тогда оказались просто бесхозными, под юрисдикцию государственных архивов. Благодаря поддержке коллег из общества «Мемориал» наша комиссия одобрила очень демократичные временные правила доступа к архивным документам. Однако с архивами силовых ведомств, в особенности спецслужб, мало что удалось сделать. Правда, все же открыли прямо на Лубянке читальный зал. Я в приватной беседе подбросил мысль об открытии архивного читального зала одному из генералов тогдашнего КГБ, но воплотилась эта затея в малопродуктивное, декоративное заведение. Деятельность комиссий очень быстро прикрыли. Тем не менее для меня эта работа была интересна не только с профессиональной, но и с психологической и бытовой сторон. Особенно запомнилось посещение одного из архивохранилищ КГБ под г. Чеховом и архива УКГБ по Москве и Московской области в самом центре столицы. Оказалось, что там работают далеко не супермены, а люди как люди – в меру умные, в меру осторожные. Но вернусь к истории разработки архивного законодательства.

В вопросах расширения доступа к архивным источникам в целях науки я встретил полное понимание со стороны В.П. Козлова, с которым был знаком со студенческих лет и который работал тогда в Отделении истории Академии наук СССР. Взяв за основу наш инициативный авторский проект, мы, на моей квартире, разработали новый вариант закона, как мне кажется, самый удачный из всех. И этот проект рождался в горячих спорах, доходивших иногда до крайностей, но именно с той, теперь уже давней поры мы относимся друг к другу не только критически, но и уважительно-дружески. И он, и я тогда думали только о нашей любимой историко-архивной науке. Поскольку некоторые депутаты Верховного Совета РСФСР и члены правительства знали об общественном интересе к судьбам отечественных архивов, то обнов-

ленное руководство Комитета по делам архивов РСФСР во главе с Р.Г. Пихоя пригласило нас с нашим законопроектом в группу разработчиков очередного проекта закона. Меня часто обвиняют в категоричности, горячности и неуступчивости, но я эти обвинения не принимаю. Исповедуя плюрализм взглядов в науке и обществе, всегда пытаюсь учитывать мнения и интересы разных сторон, но и от своих убеждений с легкостью не отказываюсь. Новый законопроект об архивах стал именно таким компромиссным вариантом, в котором были учтены интересы не только государственного аппарата и архивной системы, но и общества и отдельного человека. Для меня было важно то, что компромисс позволил зафиксировать в проекте закона такие важнейшие идеи, как две составляющие Архивного фонда страны – государственную и негосударственную части; как отмена ведомственного права на юридическое и фактическое владение архивными документами, которым особенно злоупотребляли силовые ведомства; установление 30-летнего срока хранения секретной информации, после которого она автоматически должна рассекречиваться. Подчеркиваю – автоматически (за редчайшим исключением), а не по желанию неких ведомственных же комиссий.

Наш законопроект предусматривал доступ в читальном зале государственного архива ко всем описям для любого гражданина России; запрет на взимание платы за все формы использования документов, поскольку государственные архивы содержатся за счет налогоплательщика; организацию негосударственных архивов и архивных систем (т.е. архивов частных, общественных, корпоративных, религиозных, культурных и иных общественных организаций и учреждений), деятельность которых должна регламентироваться исключительно законом, но никак не чиновниками. Законопроект был направлен также на защиту личности от несанкционированного вторжения в информацию о частной жизни, запрещал создание тайных (секретных) государственных архивов, содержал ряд других важных демократических положений.

Написать-то мы все это написали, и проект быстро приняли (к сожалению, из закона прямого действия он превратился в Основы законодательства), но вслед за этим тот же Верховный Совет РФ (позже – Государственная дума) принял другие законодательные акты, перечеркнувшие нашу работу. Были приняты Закон о ФСБ, Закон о государственной тайне и ряд подзаконных актов. На протяжении 15 последующих лет большинство из перечисленных мной пунктов Основ законодательства фактически не выполнялось. Жизнь, конечно, заставила в 1990-х гг. частично открыть архивы советской эпохи, но это было ситуационное решение заигрывающей с демократией, но все более попадающей в зависимость от спецслужб «демократической» власти. Удручают установленные в 2001 г. порядок и технология рассекречивания архивов КПСС, при которых процесс растянется на многие десятилетия. Но все же я оптимист и знаю, что в нашем обществе хотя бы раз произнесенное публично слово рано или поздно аукнется.

– Одно из Ваших детищ – Центр документации «Народный архив» – первое в новой России негосударственное архивохранилище, просуществовавшее с 1988 г. почти 18 лет. Сегодня, когда его фонды находятся на хранении в Российском государственном архиве новейшей истории и лично Вам уже не приходится изыскивать возможности для сохранения собранного, для содержания штата сотрудников, задаетесь ли Вы вопросом: оправдался ли эксперимент?

– Действительно, в 2007 г. маленький коллектив «Народного архива» принял решение прекратить активную деятельность и передать материалы туда, где будет гарантировано их сохранение и использование. Хочу выразить благодарность руководителю Росархива члену-корреспонденту РАН В.П. Козлову. Благодаря его личному содействию архив в полном составе был предан в РГАНИ и со временем, как я надеюсь, будет вновь доступен для исследователей. Это действительно был архивоведческий эксперимент, в процессе которого ставилось несколько вопросов и решалось несколько задач. Можно ли создать и длительное время поддерживать независимое от государства и без его материальной поддержки такое научно-практическое учреждение, как архив? Насколько ценна для науки и общества та информация, которая создается вне государственных структур, в результате жизни и деятельности рядовых граждан и социальных низов, общественных и иных негосударственных организаций? Возможен ли принципиальный отказ от выборочного метода при комплектовании государственных и негосударственных архивов, в какой мере и в какой форме такое тотальное комплектование возможно? Задумываются ли простые граждане о своей посмертной судьбе, о том, что о них будут знать (или не знать) потомки?

Восемнадцать лет – вполне достаточный срок даже для архивного эксперимента, конечно же, требующего значительного временного интервала. На все поставленные вопросы были получены положительные ответы, однако они требуют некоторых уточнений.

Потребность людей к сохранению своего Образа в памяти потомков, в истории человечества огромна и, я бы сказал, инстинктивна. Она является частью той неодолимой силы, которую называют «волей к жизни». Каждый человек и после смерти жаждет преодолеть ее порог и задержаться в новом качестве, воплотившись в своем ребенке, в памяти и воображении других людей, в произведениях своего творчества и обычного повседневного труда. Практика «Народного архива» подтвердила, что это действительно так, но показала еще и то, что разнообразные документы, создаваемые на самых глубоких этажах общества, необыкновенно важны для науки и, как я убежден, для полноценного государственного управления и текущей социальной практики.

Конечно, собрать и сохранить все в натуральном виде невозможно, да и не нужно. Современные информационные технологии уже сейчас позволяют в малом материальном объеме сосредоточить огромное количество подробнейшей информации. Я уверен, что в будущем во всем мире появятся центры, подобные «Народному архиву», для сбора подлинных документальных образцов, создаваемых рядовыми людьми. Там же будет храниться в предельно компактной электронной и наномасштабной формах полная информация о каждом жившем на Земле человеке. Многие начинания в глобальной системе Интернета движутся в сторону формирования всемирной родословной человечества и сохранения всей информации, циркулирующей на Земле. Подчеркну – не пассивного хранения, по типу хранения в архивах, музеях, библиотеках, а путем активного накопления и постоянного преобразования информации. Это уже сейчас все больше становится похожим на вечно живой общедоступный коллективный общечеловеческий разум. Плоды такого развития земной цивилизации будут в высшей степени полезны и вместе с тем крайне опасны неизбежным глобальным надзором за каждым землянином. На наших глазах создаются такого рода фрагменты национальных систем.

Содержать «Народный архив» с каждым годом становилось все труднее. В первые годы нам оказали значительную финансовую поддержку зарубежные и российские благотворительные фонды, в особенности фонд «Культурная инициатива» и, в частности, один из его сотрудников, а ныне член Общественной палаты РФ В.Л. Глазычев. И позже мы получали разовые средства на оборудование и отдельные публикации от благотворительных отечественных и европейских фондов, что я расцениваю как признание значимости нашего начинания. Но бесперебойная работа негосударственного архива требует значительных средств в основном образом на аренду помещения, техническое оснащение и содержание квалифицированных специалистов. Благодаря поддержке Московского правительства, мэра столицы Ю.М. Лужкова и авторитета космонавта-исследователя Героя России Ю.М. Батурина нам несколько раз предоставляли на льготных условиях помещения, часть из которых сдавали в субаренду. Но несколько лет назад это было запрещено, и с тех пор мы стали бедствовать. Достойные благотворительные фонды из страны ушли, а до своих благотворителей не достучишься. Работу пришлось свернуть окончательно. И все же я пользуюсь случаем поблагодарить руководство российского «Международного фонда защиты от дискриминации», последним поддержавшего наше существование. Нашей работе бескорыстно помогали сотни высокообразованных и не очень квалифицированных людей, но особая благодарность – сотрудникам архива доценту Г.С. Акимовой и М.А. Смирновой, ныне покойной.

Определить общий объем собранных в «Народном архиве» документов я затрудняюсь, так как мы успели описать около половины состава фондов. Все поступавшие к нам документы представляли собой россыпь, а это, как известно, крайне затрудняет обработку и учет. В листах и отдельных документах объем архива можно оценить в 300 тыс. ед. хр. на бумажной основе, тысяч сорок фотографий и рисунков, несколько сотен аудио- и видеозаписей. Хронологический диапазон – середина XIX – XX в. К 10-летию центра издан путеводитель по фондам, в прессе, в том числе в журнале «Знание – сила», появились десятки публикаций, подготовленных на основе хранимых документов, вышли три выпуска альманаха «Народный архив» и, наконец, в 2007 г. увидела свет книга*.

– **Вы много и результативно работаете в архивах в качестве исследователя. Ваша монография «Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма», вышедшая в 2002 г., выдержала пять переизданий (из них два за рубежом), вероятно, не только потому, что написана увлекательно и эмоционально, но и потому, что приводит многие новые факты биографии вождя на основе документальных свидетельств. Их главный источник – личный фонд Сталина, поступивший в Российский государственный архив социально-политической истории в 1999 г. из Архива Президента Российской Федерации. Какова полнота фонда, насколько удобно было вести поиск? Что в первую очередь привлекало Ваше внимание?**

– Работу над сталинской темой я задумал давно. Мешало отсутствие полноценных источников, затем пришла перестройка, слепая вера в искрен-

* Речь идет о книге Б.С. Илизарова «И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива» (М., 2007). Рец. на кн. см.: Отечественные архивы. 2007. № 5. С. 115–119.

ность и преданность идеям демократии, проповедуемым тогдашними кумирами, особенно Ю.Н. Афанасьевым. От политических иллюзий я отрезвел одним из первых, а после того как на моих глазах стали обескровливать МГИ-АИ во имя строительства РГГУ, этой бледной гуманитарной копии МГУ, я в 1996 г. добровольно покинул стены «альма матер». С тех пор работаю в Институте российской истории РАН. В СССР это было сугубо идеологическое заведение. Но сейчас в научном плане наш институт – одно из самых плюралистических академических учреждений. В его стенах я, как и другие сотрудники, могу думать, говорить и писать на исторические сюжеты так, как мне диктуют источники, собственные знания и совесть. Дожить до такого времени в нашей стране я не надеялся. До открытия архива Сталина работа не клеилась, но когда в конце 1998 г. архив Сталина рассекретили, я, без преувеличения, был счастлив и воспринял это как знак судьбы и того, что перестройка принесла некоторые плоды. Архив очень сильно почищен, а из 1800 ед. хр. более 300 засекречены до сих пор. Но все равно, как никогда в жизни, работать мне было радостно. И это несмотря на вечные раздражающие неудобства: плохое качество микрокопий и пленок, малое количество исправных аппаратов для их чтения, временами зимний холод в читальном зале и т.д. Но все компенсировали высокая квалификация и доброжелательность коллег-архивистов. Особенно благодарен начальнику отдела РГАСПИ кандидату исторических наук А.Н. Доронину, без помощи которого не смог бы освоить и половину той информации, которой ныне владею.

Архив очень неоднороден. Судя по всему, комплектоваться он начал с момента назначения Сталина генеральным секретарем ЦК ВКП (б), т.е. не ранее 1923 г. Конечно, у Сталина и до этого были начатки своего личного архива, но до революции в условиях подполья и частых ссылок, а во время Гражданской войны – постоянных переездов хранить архив и собирать библиотеку было трудно. От тех времен дошло мало подлинных документов, однако в годы своего правления Сталин очень заботливо относился к собственному документальному наследию. По его инициативе проводились изыскания в фонде Департамента полиции МВД в Архиве Октябрьской революции, а также в архивах Закавказья и Сибири. Велись записи воспоминаний людей, его знавших. Он присоединил к своему архиву комплекты газет, листовок и другой печатной продукции, в издании которой принимал участие, взял под личный контроль комплекс документов, связанных с осведомителями Департамента полиции конца XIX – начала XX в. В 1970–1980-х гг., когда была проведена научно-техническая обработка архива, большую часть этих документов возвратили по принадлежности. Формально все было сделано правильно, но мы теперь вряд ли узнаем, почему Сталин лично контролировал архив царской полиции: боялся ли он собственного разоблачения или искал компромат на своих соратников? Я склоняюсь к последнему.

То, что сейчас доступно, также не оставляет впечатления целостного комплекса, но когда и кто делал другие изъятия, установить трудно. После смерти Сталина в архив были переданы медицинские карты и документация, связанная с этим событием. В них содержится очень важная информация о физическом и психическом состоянии человека, три десятилетия возглавлявшего одно из крупнейших государств мира и инициировавшего невиданные в истории человечества массовые репрессии против собственного народа. В своей книге я привлек эти материалы для объяснения внутренних мо-

тивов некоторых действий Сталина. Тогда же обратил внимание на то, что в доступной части архива нет медицинских карт времен войны и последних лет жизни Сталина. Но недавно в одной из телепередач на Первом канале ее автор, А.В. Пиманов, ссылаясь на медицинские документы, сообщил, что в период Сталинградского сражения Сталин перенес инсульт и в течение месяца был нетрудоспособен. Интересен не только факт, из которого следует, что важнейшее сражение Великой Отечественной войны прошло без руководства Верховного главнокомандующего (кто же тогда его осуществлял и так ли велики военные заслуги маршала Сталина?), но и то, что по чьему-то произволу важнейшая историческая информация скрывается от исследователей и по тому же произволу неожиданно предоставляется «избранным». Меня до глубины души возмущает эта нечестная игра в «государственные тайны» и «секретность». В начале 1990-х гг., когда архив Сталина еще не рассекретили, к его документам получили доступ Р.Такер (США), Д.Волкогонов и Э.Радзинский. Они написали хорошие книги с опорой на первоисточники, но почему и кем для них были сделаны исключения, понять трудно. Таких примеров можно вспомнить немало, и все они есть результат архивного бесправия, ведомственного произвола и своеволия высших чиновников государства. Когда же, наконец, наступит время равных возможностей для всех граждан и исследователей?

Тем не менее и то, что стало доступным из архива Сталина, без преувеличения можно включить в «золотой фронт» современных российских архивов. В своей работе я опираюсь не только на архив, но и на сохранившуюся часть библиотеки Сталина. Это уникальный, но очень сложный для интерпретации источник. Став руководителем, Сталин начал собирать сразу несколько библиотек. Самые большие из них были на даче в Кунцево и в Кремле. Сталин был разносторонне начитанным человеком и имел привычку читать понравившиеся тексты по нескольку раз с карандашом в руке. Пометы на книгах – неисчерпаемый источник, раскрывающий его внутренний мир. На основании этих помет я пытаюсь проникнуть в его самые сокровенные мысли и душевные движения. Не берусь судить о том, насколько убедительно это получается, но, вчитываясь в его тексты, невозможно не заметить удивительные несоответствия во всем облике этого человека. Природный ум и изощренная хитрость соседствуют с полным отсутствием собственного творческого начала; тонкое понимание сильных и слабых сторон человеческой природы и жестокость на грани садизма; определенный вкус к хорошей литературе и поэзии и поощрение примитивных живописных полотен и пошлейших кинокартин; умение вести тонкие дипломатические игры и шпиономания, граничащая с паранойей, и т.п.

С библиотеками Сталина тоже много неясного. Около трехсот книг (из 25 тыс.) с его пометами попало в РГАСПИ. Примерно 500 экз., как считалось, без его маргиналий, но со штампом его личной библиотеки сохранилось в фондах Государственной общественно-политической библиотеки (бывшей библиотеки ИМЛ). Однако при первом же поверхностном просмотре я обнаружил там книгу Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», испещренную сталинской рукой. Считается, что большая часть библиотеки Сталина, не содержащая помет и штампов, была раскассирована после его смерти по районным библиотекам столицы. Но Р.Медведев написал в одной из своих книг о том, что ему еще в 1980-х гг. подарили том воспоминаний Бисмарка с пометами

Сталина. И мне подарили одну из книг Л.Троцкого со штампом библиотеки вождя, но без помет. Я убежден в том, что масса сталинских документов и книг находится в частных руках или в архивах людей, живших в сталинскую эпоху. Сталин сам иногда направлял авторам рукописи и экземпляры книг с собственными пометами или отзывами. Многие книги с дарственными надписями и документы расстрелянных выдающихся деятелей вождь хранил всю свою жизнь.

– **Вас вряд ли можно заподозрить в любви к Сталину. Не мешали ли личные чувства выстраивать его образ? Иначе говоря, насколько «Ваш» Сталин объективен?**

– Совсем не объективен и не должен быть объективен. Когда художник рисует незнакомую старую женщину или мрачные развалины, он должен любить то, что рисует, – иначе получится бездушная мазня. Ученый, сутки напролет изучающий препарированные ткани погибших от эпидемий людей, любит то, что изучает, а иначе болезни никогда не будут побеждены, и т.д. Беда исторической науки в том, что в ней с советских времен работает много равнодушных ремесленников или двоедушных конъюнктурщиков. В моральном отношении более отвратительной фигуры, чем Сталин, в истории нет. Но я, как и патологоанатом, с граничащим с любовью чувством изучаю то, что лежит прямо передо мной на столе. Я самонадеянно мечтаю выработать хотя бы каплю противоядия от бациллы сталинизма.

Весной 2006 г. меня пригласил в Санкт-Петербург известный российский писатель Даниил Александрович Гранин, которого личность Сталина также очень интересует. По его предложению я прочитал открытую лекцию в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. По вопросам, которые мне задавали не столько студенты, сколько преподаватели, я понял, что часть нашей «элиты» не оставляет надежд оправдать сталинские преступления сложным международным положением СССР и необходимостью ускоренной модернизации страны. Сравнительно недавно появились одиозный телесериал «Сталин life», несколько околону научных книг и одобренный «свыше» школьный учебник, проводящие те же идеи. Все это очень похоже на заранее спланированный социальный заказ. И все же не очень понятно, зачем в России XXI в. надо опять оправдывать то, что не может быть оправдано никакими «объективными» и «благими» обстоятельствами? Уж не хотят ли подготовить современное общественное мнение к схожим грядущим событиям? Очень надеюсь, что процесс сталинизации не зайдет настолько далеко.

– **Борис Семенович, Вы хорошо знаете Историко-архивный институт и как его выпускник 1970 г., и как его многолетний преподаватель, доцент, профессор, в 1986–1995 гг. заведующий кафедрой МГИАИ, автор программ «Архивоведение» (1984 г.), «Теория и методика архивоведения» (1993 г.). Каким видится его будущее, останется ли он уникальным учебным заведением?**

– И может, и должен. В 2005 г. мне предлагали вернуться, и я обдумывал это предложение, несмотря на то что с 1996 г. читаю полюбившийся мне лекционный курс «Философия истории» в Государственном университете гуманитарных наук при Российской академии наук. В адрес современных преподавателей ИАИ нельзя бросить ни одного упрека – они сохранили то, что можно было сохранить в условиях псевдомократического своеволия преж-

них руководителей. Я еще в те времена, когда работал в РГГУ, с группой единомышленников выдвинул идею создания гуманитарного университета совершенно нового типа: учебной базой должны были стать архивы и документальные комплексы по профилю факультетов: для факультета всеобщей истории – соответствующие архивы и комплексы как нашей страны, так западных и восточных государств; для историко-филологического факультета – свои профильные комплексы; для социологического – свои архивные первоисточники и методы их изучения и т.д. Исходной методической моделью должен был послужить ИАИ. Но в те времена институт взяли и выхолостили во имя строительства РГГУ, тогда как требовалось, бережно сохраняя основу, преобразовать его в двухуровневое высшее учебное заведение. Помимо существовавшего тогда уровня образования нужно было создать свою элитарную «Школу хартий», усовершенствованный вариант Парижской. Для других факультетов могли быть свои варианты. Прежнее руководство РГГУ много слов потратило на разговоры о подготовке научной элиты. Современного человека только до определенного момента можно увлечь ярким пересказом чужих мыслей. Учитывая все большее распространение владения иностранными языками, ширящиеся зарубежные контакты, уровень мировой культуры, подлинный исследователь невольно тянется к первоисточникам. Но, скорее всего, такое многопрофильное гуманитарное учебное заведение, полностью опирающееся на документальную базу, создадут теперь уже за рубежом.

– Борис Семенович, мне хорошо запомнилось Ваше блестящее эссе о Нине Валерьяновне Бржостовской, опубликованное в нашем журнале в 1998 г. (№ 2. С. 91–94). В этом сравнительно небольшом фрагменте отразились и лекции Бржостовской в МГИАИ о зарубежных архивах с ее манерой формировать образы познаваемого, которая впоследствии станет присуща и Вам, и Вы – студент, слушающий их с огромным интересом, но иногда опаздывающий на занятия, а позже – шесть лет тесного сотрудничества в секторе теоретических проблем архивоведения ВНИИДАД (в том числе по подготовке учебника по всемирной истории архивного дела) вплоть до Вашего ухода в 1979 г. на преподавательскую работу. Нет ли намерений продолжить мемуары?

– Мемуары в обычном смысле писать не хочу. Если успею, то напишу в особом философско-психологическом ключе о тех вещах и людях, которых любил и продолжаю любить, даже если их давно нет на свете. Сейчас же я заканчиваю вторую книгу о вожде «Почетный академик И.В. Сталин “за” и “против” академика Н.Я. Марра. О языковедческой дискуссии 1950 года и о событиях до и после нее». Затем мечтаю написать еще одну большую книгу о Сталине как историке.

Только дожив до определенного возраста, начинаешь понимать, какое значение имели для твоей жизни институтские собеседники-наставники. Научить можно ремеслу, но не творчеству. Гораздо важнее, чем научить ремеслу, это проявить заинтересованное душевное внимание к тому, что пытается делать или о чем размышляет твой молодой коллега. И это внимание – часть того чувства, которое люди называют любовью. Нескольким преподавателям я бесконечно благодарен: Е.А. Луцкому, Н.В. Бржостовской, К.И. Рудельсон, Ю.Я. Рыбакову и недавно погибшей Ольге Михайловне Медушевской. Упомянуть живых в этом ряду не хочу.

«Реформа проводится бесповоротно...»

**Документы Национального архива Республики Бурятия
о волостной реформе в Забайкальской области.
1901–1904 гг.**

Изучение истории органов местного самоуправления национальных окраин Российского государства особенно актуально в наши дни. Последнее вызвано укрупнением регионов, поисками оптимальных путей дальнейшего развития, реформированием этой сферы. Происходит процесс нового осмысления исторического прошлого, содержащего позитивный опыт проведения реформ и организации местного самоуправления в Сибири, в частности у бурят¹. В связи с этим большой интерес представляет история проведения волостной реформы в Забайкальской области в начале XX в., остающаяся до сих пор вне поля зрения специалистов.

23 апреля 1901 г. царским правительством было издано Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области»², предусматривавшее проведение волостной реформы в крае. С ее введением упразднялось административное устройство бурят и эвенков, основанное на Уставе об управлении инородцев 1822 г.³, согласно которому образовывалась система органов местного самоуправле-

Должностные лица Хоринской степной думы. Конец XIX в.
НАРБ. Фотофонд. Оп. 4. № 2159

ния на принципе родового деления: степные думы, инородные управы, родовые управления.

По Уставу 1822 г. родовое управление – низшая ступень для улусов и стойбищ рода, насчитывавших не менее 15 семейств, во главе со старостой, имевшим одного или двух помощников. Инородная управа – средняя ступень, состоявшая из нескольких стойбищ и улусов или нескольких родовых управлений. Управой руководил голова, имевший в своем штате несколько выборных и письмоводителя. Степная дума – высшая административная единица, объединявшая несколько родов и включавшая несколько родовых управлений или инородных управ. Она состояла из главного родоначальника, его помощников и голов. На родовые управления и инородные управы возлагались полицейские, хозяйственные и судебные функции, Дума обладала хозяйственными функциями. Все инородческие начальники утверждались в должности губернатором, а главные родоначальники – генерал-губернатором.

К концу XIX в. феодальные институты подверглись разрушению, уничтожались и пережитки родового быта. Капиталистические отношения вели к разделению труда, передвижению населения внутри и за пределы ведомства, к уходу батраков в города и на золотые прииски. Бурятские роды утрачивали остатки территориального единства, перемешивались с другими родами, расселялись по различным местностям. Те из органов «инородческой» администрации, которые относились к родовым подразделениям бурят, потеряли прежнее значение, сохранив за собой только распределение денежных повинностей между членами подведомственных им родов. Такое административное деление не отвечало новым условиям, мешало нормальной хозяйственной жизни населения⁴. Правительство Временным положением преследовало цель заменить родовые органы самоуправления волостными правлениями, упразднить должности тайшей, заседателей⁵, голов и выборных, образовать по территориальному принципу волости.

Тайша Баргузинской степной думы
Ринчин Сотиев. Конец 1890-х гг. НАРБ.
Фотофонд. Оп. 34. № 11966

Вводился институт крестьянских начальников, наделявшихся исключительными правами. Они были правомочны без ведома схода снимать волостного старшину, сельского старосту, налагать штраф, подвергать аресту крестьян, контролировать всю деятельность волостных учреждений. Учреждался «инородческий» суд, который разрешал подсудные ему дела «на основании существующих... обычаев». Его ведению подлежали: брачные (о калыме) и семейные дела, наследование и раздел имущества, а также дела по гражданским искам не свыше 2 тыс. руб.⁶

Баргузинские и кударинские буряты реформу приняли, а хоринские, агинские и селенгинские буряты⁷ ей всячески сопротивлялись.

Процесс введения волостной реформы у агинских бурят, причины ее

непринятия не получили должного отражения в исторической науке. В настоящей публикации впервые вводятся в научный оборот документы Национального архива Республики Бурятия, позволяющие ликвидировать этот пробел⁸.

События развивались следующим образом. После обнародования Временного положения о волостном правлении агинские буряты отправили делегацию в Петербург к царю с ходатайством о сохранении Устава 1822 г. В сентябре 1902 г. делегации удалось подать прошение, но ответ царя был отрицательный. Приказ крестьянского и инородческого начальника разъяснял положение приказа губернатора области о сроках проведения реформы, упразднении органов родового управления, а военного губернатора Забайкальской области – упразднял органы родового управления и вводил волостные и сельские правления. Несмотря на приказы вышестоящих органов, сопротивление волостной реформе не прекращалось. Военный губернатор был вынужден два раза обратиться к забайкальским бурятам с разъяснениями о бесповоротности введения реформы, подчинении властям, наказании неповиновения.

В январе 1904 г. агинские буряты отправили телеграмму императрице Александре Федоровне с просьбой приостановить введение волостной реформы как вредной для экономического благосостояния рода, уничтожавшей его национальную самобытность. В ответ на это последовал приказ военного губернатора Забайкальской области И.П. Надарова⁹ об отклонении царем данного прошения. В ходе реформы предпринимались репрессии лиц, оказавших сопротивление: арест, заключение в Читинскую тюрьму, высылка за пределы области. Проводилась и разъяснительная работа с населением. Результатом этих мер явилось согласие агинских бурят на реформу. Так, хоринский тайша Э.Вамбоцыренов¹⁰ в телеграмме военному губернатору Забайкальской области высказался за ее принятие, а агинские буряты 18 февраля 1904 г. – о подчинении новому управлению и суду. В ответ последовал приказ исполнявшего дела губернатора с объявлением благодарности царя за это конструктивное решение агинских бурят.

Представленные документы о введении волостной реформы у агинских бурят Забайкальской области позволяют расширить источниковую базу исследований, оценить глубину проблемы, понять, насколько трагическим было проведение преобразований вопреки желанию народа.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **Б.Ц. ЖАЛСАНОВОЙ.**

¹ Буряты – представители монгольской группы в Сибири, жившие в пределах Иркутской губернии и Забайкальской области. По племенному составу в дореволюционной России они являли собой конгломерат разных монгольских племен. Иркутские буряты и буряты забайкальские заметно отличались от других по языку, религии, характеру и образу жизни. Эти отличия создались на почве их географической разобщенности со времени перехода в русское подданство. В Забайкальской области буряты делились на: 1) баргузинских, пять родов, живших по реке Баргузин; 2) кударинских, четыре рода, занимавших побережье озера Байкал и в низовья реки Селенги; 3) селенгинских, 18 родов, распо-

лагавшихся по долинам рек Селенга, Чикой, Джиды и Темник; 4) хоринских, 11 родов, обосновавшихся по рекам Уда и Хилок; 5) агинских, восемь родов, по рекам Ага, Онон, отделившихся от хоринских бурят. (Новый энциклопедический словарь. СПб., 1917. Т. 8. С. 683.) В настоящее время буряты проживают в Бурятии, Усть-Ордынском автономном округе Иркутской области, Агинском автономном округе Читинской области.

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 3. СПб., 1901. Т. XXI. № 19984. С. 253–260.

³ Там же. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 29126. С. 394–416.

⁴ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. С. 383.

⁵ Тайша – должность главного родоначальника Степной думы; заседатели – должностные лица Степной думы.

⁶ ПСЗ. Собр. 3. Т. XXI. № 19984. С. 253–260.

⁷ Реформу не приняли 37 родов, занимавших довольно большую территорию Забайкалья.

⁸ Национальный архив Республики Бурятия (далее – НАРБ). Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366, 4386; Ф. 178. Оп. 1. Д. 199.

⁹ Надаров Иван Павлович (1851–?) – генерал от инфантерии, генерал-лейтенант, писатель. Окончил курс Николаевской академии Генерального штаба. Участвовал в русско-турецкой кампании 1878 г. В 1901–1904 гг. военный губернатор Забайкальской области, командующий войсками и Наказной атаман Забайкальского казачьего войска. В 1904–1905 гг. начальник Военно-ок-

ружных управлений Маньчжурских армий, затем до 1906 г. начальник тыла Маньчжурских армий. В 1906–1908 гг. Степной генерал-губернатор и Наказной атаман Сибирского казачьего войска. В русско-японскую войну главный начальник тыла Маньчжурской армии; позднее командующий войсками Омского военного округа. Имел ордена и медали. Труды: Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края // Владивосток, 1881; Материалы к изучению Уссурийского края: Северо-Уссурийский край (с картой) // Записки Императорского Географического общества. СПб., 1887. Т. 17; и др.

¹⁰ Эрдэни Вамбоцыренов – последний главный тайша Хоринской степной думы (1898–1903). Стремясь сохранить степные думы у бурят, поехал в Санкт-Петербург и добился аудиенции у императора. Принял реформу, убедившись в бесповоротности ее введения.

№ 1

Обращение крестьянского инородческого начальника к Агинской степной думе¹ и инородным управам о ликвидации и сдаче дел

16 ноября 1903 г.

Приказом г[осподина] губернатора области от 11 с[его] ноября, опубликованным в № 122 «Забайкальских областных ведомостей»² от 14 ноября с.г., объявлено: 1) что Приамурский генерал-губернатор³, по указанию наместника его императорского величества на Дальнем Востоке, окончательным сроком введения административной реформы инородческого суда и управления назначил 1 января 1904 г.; 2) что булучные сходы⁴ для избрания старост и прочих должностных лиц должны состояться не позднее 10 декабря с.г. и в том же месяце – волостные сходы; там же, где должностные лица избраны не будут, кандидаты на должности будут представлены крестьянскими и инородческими начальниками и утверждены Приамурским генерал-губернатором; 3) что никакие просьбы инородцев об отсрочке реформы не будут приниматься; 4) что землеустройство будет произведено только у тех инородцев, которые этого сами пожелают, или там, где существуют земельные споры с русскими; 5) что просьбы об отсрочке земельной реформы инородцы должны направлять через губернатора генерал-губерна-

тору; и 6) что 31 декабря с.г. думы, управы и родовые управления должны быть закрыты.

Об изложенном предписываю объявить населению через родовых старост, а головам предписываю собрать сходы: для булучных обществ, входящих по проекту в состав западной Агинской волости, – в с. Агинском на 30 с[его] ноября, а для булучных обществ, входящих в состав восточной Цугольской волости⁵, – в Цугольском дацане⁶ на 2 декабря с.г. Если почему-либо эти пункты окажутся неудобными, то собрать сходы в других местах, о чем мне донести.

Текущие дела и архив Думы, управ и родовых управлений приготовить к сдаче в новые учреждения.

Крестьянский и инородческий начальник*

НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 4. Подлинник. Машинопись.

№ 2

Информация газеты «Забайкальские областные ведомости» о приеме Николаем II делегации агинских бурят

18 ноября 1903 г.

[В] «Правительственном вестнике» сегодня сообщено о приеме в Ливадийском дворце государем императором хоринских бурят Агинской степной думы. Выслушав приветствия и ходатайства бурят, его императорское величество соизволил произнести: «Благодарю Вас, приехавших из-за дальней окраины, за чувства, выраженные мне от имени бурятского населения Агинской степной думы. Исконная верность бурят русским государям мне хорошо известна. Передайте, что я внимательно выслушал ваши слова о тревожном настроении, переживаемом бурятами вследствие установления нового закона об устройстве их быта. Этот закон, закрепляющий оседлый строй жизни бурят взамен кочевого, ставшего несовместимым с экономическими интересами прочего населения Сибири, вызван государственным ростом Русской державы и отмене не подлежит. Вы должны примириться с временными невзгодами, которые может вызвать для представителей бурятских родов применение нового закона, и помните, что мне дорого благо всех подданных бурят, независимо от существующих между ними родовых различий. Передайте также бурятскому населению, что веления мои исполняются лицами, облеченными моим доверием, и что к ним поэтому они должны обращаться за разъяснением нового закона. Прощайте, я вас не забуду».

Забайкальские областные ведомости. 1903. 18 ноября. № 139; НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4386. Л. 44–44 об. Копия.

* Подпись неразборчива.

№ 3

**Приказ военного губернатора Забайкальской области
И.П. Надарова о введении волостной реформы в Забайкалье**

23 декабря 1903 г.

№ 101

В дополнение к пункту 4 приказа моего от 11 декабря с.г. за № 84 объявляю: За исключением принявших уже реформу добровольно в минувшем году инородцев Баргузинской и Кударинской степных дум⁷, Маньковской, Оловской, Кужертаевской, Шундуинской, Урульгинской и Бодонской управ⁸, 1 января 1904 г. вводится в действие высочайше утвержденное 23 апреля 1901 г. Временное положение об устройстве общественного управления и суде кочевых инородцев Забайкальской области у следующих кочевых инородцев области: Агинской, Хоринской⁹ и Селенгинской¹⁰ степных дум и Ульдургинской, Онгоцонской и Цонгольской инородных управ¹¹, к каковому времени упраздняются Агинская, Хоринская и Селенгинская степные думы, Ульдургинская, Онгоцонская и Цонгольская инородные управы и все родовые управления их. Равно упраздняются все должности по прежнему управлению названных инородцев.

Текущие дела означенных упраздненных установлений (степных дум, инородных управ и родовых управлений), касающиеся управления кочевых инородцев, распределяются по принадлежности между новыми волостными и сельскими установлениями, образованными согласно журнальному опре-

Тайши степных дум: Селенгинской – Вандан Жамбалтаров, Баргузинской – Ринчин Сотиев, Хоринской – Цыден Аюшеев, Агинской – Жан Бодийн.
1903 г. НАРБ. Фотофонд. Оп. 30. № 10602

делению Забайкальского областного по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г. за № 192 с позднейшими изменениями.

Неоконченные производством судебные дела во всех степенях словесной расправы прекращаются, оконченные производством сдаются в областной архив.

Подписал:

Председатель присутствия,
Военный губернатор генерал-лейтенант

Надаров

НАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 39. Копия. Машинопись.

№ 4

Из обращения военного губернатора Забайкальской области И.П. Надарова к бурятам о необходимости принятия реформы 24 января 1904 г.

г. Чита

К вам, буряты Забайкальской области, обращаюсь я со словом вразумления; обращаюсь не лично от себя, а как ставленник государя императора, как око и ухо великого белого русского царя.

Вы, называвшие себя до сих пор верноподданными великого русского царя, допустили, что некоторые из вас стали противиться введению среди вас, по повелению великого нашего государя русского белого царя, реформы общественного управления и суда, а некоторые из вас стали даже оказывать неповиновение поставленным над вами властям.

Опомнитесь, говорю вам! Опомнитесь, еще не поздно! Горе сопротивляющимся и неповиновующимся царским повелениям. Разве своим сопротивлением и неповиновением вы можете добыть себе какие-либо выгоды! Велик и могуч царь Русской земли, кто ему может сопротивляться! Горе сопротивляющимся!

Сначала надо покорно и беспрекословно принять дарованную вам великим нашим государем реформу, беспрекословно повиноваться вашим начальникам, поставленным от царя, и уже после того просить себе милостей и просить не так, как вы теперь делаете, посылая своих доверенных в Петербург, которые дорого вам стоят, а дела все равно не сделают, а просить о милостях надо в законном порядке, через меня, как губернатора. Горе тем, кто не повинуется! Великие беды ожидают их!

Я убедился, что вас смущают ваши богатые родовичи. Не верьте им! Не верьте тому, что они говорят вам, будто реформу отменят*. <...>

Военный губернатор Забайкальской области
генерал-лейтенант

Надаров

НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 35. Копия. Машинопись.

* Далее опущены повторы.

№ 5

**Повторное обращение военного губернатора Забайкальской области
И.П. Надарова к бурятам о необходимости принятия реформы**

4 февраля 1904 г.

г. Чита

Опять, буряты, я вынужден обратиться к вам со словом вразумления, особенно к агинским бурятам. Ваши богатые сородичи подбивают вас противодействовать введению реформы общественного управления и суда, потому что с реформой им не придется уже жить за счет малоимущих и бедных бурят, как теперь они живут. Эти богатые сородичи подбили агинских бурят послать 8 января этого года телеграмму на высочайшее имя царицы Александры Федоровны, прося распоряжения и ходатайства ее величества пред государем императором отменить вводимую реформу или позволить переселиться бурятам в Монголию.

По всеподданнейшем докладе государю императору этой телеграммы его величество великий русский белый царь в 15-й день января 1904 г. повелел отклонить эту просьбу агинских бурят, о чем я и объявляю во всеобщее сведение, вследствие полученной мною бумаги от 16 января сего года за № 2515 от главноуправляющего Канцелярией его императорского величества по принятию решений.

Считаю нужным опять повторить, что только просьбы бурят, в законном порядке направленные через меня, как губернатора, будут рассматриваться и по возможности будут удовлетворяемы, если эти просьбы не будут касаться отмены или отсрочки вводимой реформы.

Реформа проводится бесповоротно и неповинующиеся ей или противодействующие понесут строгое наказание. Уже я приговорил несколько человек бурят к тюремному заключению, а некоторых и к высылке на жительство в Верхнеангарск на срок до пяти лет.

Опомнитесь, буряты, примите спокойно и с благодарностью даруемую государем императором для вашего блага реформу и не заставляйте меня и далее накладывать суровые взыскания на неповинующихся и противодействующих бурят.

Снова повторяю, реформа вводится бесповоротно, земель бурят наделят в размере от 15 до 30 и даже до 80 десятин на душу, смотря по тому, хорошая земля или плохая. Никто не будет заставлять бурят жить большими селениями: как жили улусами, так и будут жить; как кочевали, так и будут кочевать.

А если кто самовольно переселится в Монголию, то, согласно трактатов и договоров, я немедленно потребую от китайских и монгольских властей обратного возвращения в мое распоряжение таких перебежчиков. Значит, перебежавшие самовольно в Монголию только потеряют там свое имущество и ни с чем вернутся назад. Хорошенько подумайте, буряты, и примите реформу; принесите повинную царю в своем заблуждении и противодействии, и я первый буду за вас ходатайствовать пред царем, чтобы его императорское величество простил вас.

Военный губернатор Забайкальской области
генерал-лейтенант

Надаров

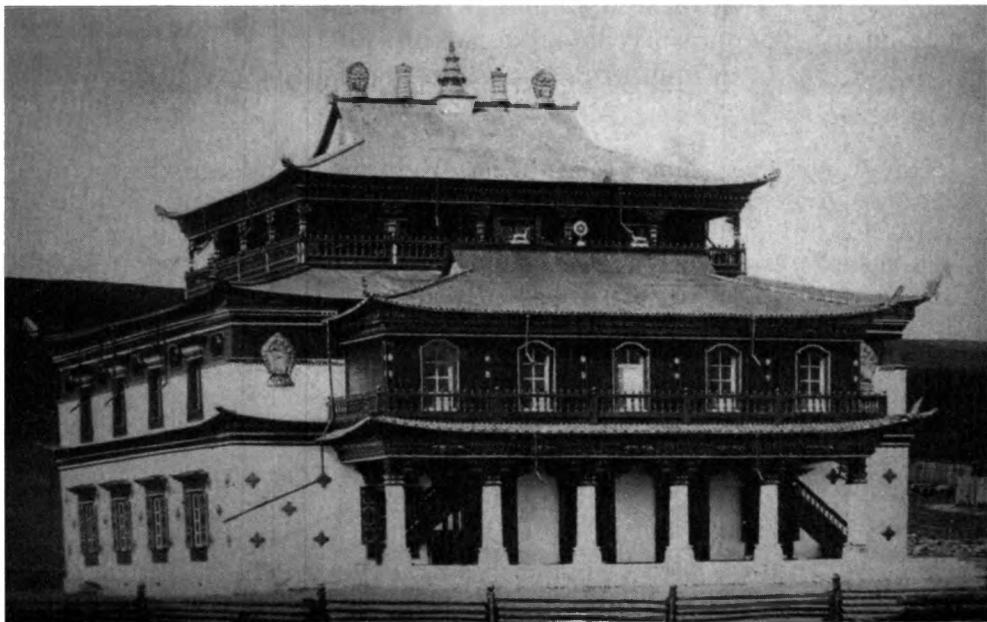
№ 6

**Из приказа военного губернатора Забайкальской области
И.П. Надарова об отклонении царем ходатайства агинских
бурят о приостановлении введения волостной реформы**

5 февраля 1904 г.

Объявляю во всеобщее сведение кочевых народов высочайше вверенной моему управлению области:

Агинские буряты в телеграмме в 230 слов, поданной на станции Оловянной 8 января сего года, адресованной всемилостивейшей государыне императрице Александре Федоровне, полученной в Царском Селе того же числа, изложили следующее: «Среди нас, агинских бурят, крутой мерой с первого января вводится новое положение по управлению для нас, забайкальских кочевников, чуждое по особенностям жизни, противное дарованной свободе веротерпимости, вредное экономическому благосостоянию народов¹² и вообще окончательно уничтожающее драгоценнейшую для нас национальную самобытность малозаметного в империи бурятского племени. Вот почему мы все, от стара до мала, всех возрастов, полудикие, но глубоко преданные царю и отечеству кочевники, возбужденные беспримерным страданием, осмеливаемся, в первый и последний раз, от имени сорокатысячного населения обратиться к щедрой милости твоей, любвеобильная царица земная, с задушевной просьбой взглянуть на нас оком милосердия и заступиться, как мать за малых детей, приостановить введение названного временного положения для агинских кочевых бурят. Грешно скрывать, что принимаемая мера правительства по ограниченному нашему разумению признается посягательством против верноподданнического, исконного на-

Агинский дацан. Конец XIX в. НАРБ. Фотофонд. Оп. 34. № 11967

шего чувства преданности. [В] крайнем случае также приемлем дерзость просить ходатайствовать пред боготворимым царем нашим о разрешении нам выселиться за границу, в Монголию. На все наши сердечные мольбы уповаем ожидать все милостивейшую резолюцию, как утреннюю зарю через наместника его императорского величества на Дальнем Востоке». Следуют подписи: Агдан Цыденов, Гунга-Нимбу Бадмаев* <...>»

На телеграмму эту 3 февраля сего года мною по высочайшему повелению получено от главноуправляющего Канцелярией его императорского величества по принятию прошений (2-е отделение, стол 1-й) от 16 января 1904 г. за № 2515 следующее распоряжение: «Агинские буряты Агдан Цыденов, Гунга-Нимбу Бадмаев и др., всего в числе 24, от имени своих соплеменников обратились на августейшее имя государыни императрицы Александры Федоровны с телеграммою о приостановлении принимаемых ныне правительством мер относительно устройства на новых началах их общественного управления и суда или же о дозволении сему племени выселиться за границу, в Монголию.

Государь император, по всеподданнейшем докладе мною телеграммы названных инородцев, в 15-й день сего января, высочайше повелеть соизволил изложенные в ней ходатайства отклонить»**. <...>

Военный губернатор Забайкальской области
генерал-лейтенант

Надаров

НАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 47. Копия. Машинопись.

№ 7

Телеграмма тайши Э.Вамбоцыренова военному губернатору Забайкальской области И.П. Надарову о принятии волостной реформы

13 февраля 1904 г.

По частной просьбе народа, будучи в Петербурге, я убедился, что ходатайство народа о приостановлении административной реформы бесполезно, что необходимо принять реформу, о чем разъяснил в Верхнеудинске встретившимся со мной бурятам. Не признаете ли, ваше превосходительство, возможным экстренно приказать подлежащим должностным лицам объявить хоринским бурятам результат моей поездки в Петербург, дабы они скорее могли понять свое ошибочное наивное положение. Благоволите разрешить представиться лично.

Вамбоцыренов

НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 60–60 об. Подлинник. Рукопись.

* Всего 24 подписи.

** Далее опущен повтор мер по убеждению несогласных.

№ 8

**Телеграмма агинских бурят
военному губернатору Забайкальской области И.П. Надарову
о принятии волостной реформы и суда**

18 февраля 1904 г.

г. Чита

Агинские буряты сегодня в день полнолуния, по завету Будды, учителя вероучения, при большом собрании народа в своем Агинском дацане¹³ совершили молебствие перед Всевышним о здравии и долгоденствии царя, царицы, его царствующего дома и даровании победы над врагом и общего благоденствия и ввиду воли чтимого государя нашего постановили о подчинении дарованным нам управлению и суду, прося повергнуть к стопам его императорского величества чувства заветной верноподданнической преданности и просьбу нашу о прощении. Кроме того, собрали по подписке 600 рублей, которые вместе с хранящимися в банке 4400 рублями жертвуются на нужды военного времени. Приговор наш уполномочили поднести вашему превосходительству особых лиц.

НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 48–49 об. Подлинник. Рукопись.

№ 9

**Приказ наместника императора на Дальнем Востоке
Е.И. Алексеева¹⁴ с объявлением благодарности
царя агинским бурятам за решение подчиниться
введению волостной реформы**

25 февраля 1904 г.

Наместник его императорского величества на Дальнем Востоке 23 сего февраля за № 43 телеграфирует: «Государь император соизволил осчастливить меня следующей телеграммой: "Передайте агинским бурятам мою благодарность за выраженные чувства и пожертвования, с удовольствием осведомился о решении их подчиниться вводимому у них управлению и суду"».

Подписал:

Генерал-адъютант

Алексеев

О таких высокомиловитых словах нашего обожаемого монарха счастлив объявить агинским инородцам.

НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 74. Копия. Машинопись.

¹ Агинская степная дума выделилась в 1839 г. из Хоринской степной думы. В ее ведении находились буряты, проживавшие по рекам Онон, Иля, Борзя, Турга и Ага, а также в верховьях Оленгуй. Причиной для образования Думы стало ходатайство агинских родоначальников от 3 декабря 1838 г. Нерчинскому окружному начальнику о необходимости создания этого органа в связи с увеличением численности населения и отдаленностью агинских бурят от Хоринской степной думы. Иркутский губернский совет 2 марта 1839 г. разрешил образовать Агинскую степную думу с шестью инородными управами, перечислить агинских

бурят из Верхнеудинского округа в Нерчинский. (НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 127. Л. 6 об.-7.)

² Еженедельная газета, выходившая в Чите в 1865–1920 гг., первым ее редактором был педагог П.Г. Савенко. Газета сыграла большую роль в развитии и оживлении общественной жизни, связывая далекое Забайкалье с Россией. (Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 287.)

³ В 1887 г. Восточносибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское, в 1894 г. из него выделилось Приамурское генерал-губернаторство, состоявшее из Забайкальской, Приморской и Амурской областей и острова Сахалина. Приамурский генерал-губернатор был одновременно и командующим войсками в военных округах. (*Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений до-революционной России. М., 1960. С. 323.)

⁴ Булучные сходы – от бурятского слова «булэг» – группа. (Бурятско-русский словарь. М., 1973. С. 123.) Термин «булук» употребляется для обозначения административной единицы, включавшей несколько десятков, а иногда и сотен юрт, имевших, кроме общей администрации, общие сенокосные и пастбищные угодья и т.д. Булучные сходы – собрания жителей булучных обществ. (Новый энциклопедический словарь. СПб., 1917. Т. 8. С. 683.)

⁵ Агинская и Цугольская волости были учреждены в 1904 г. согласно волостной реформе на месте Агинской степной думы.

⁶ Цугольский дацан – буддийский храм, сооружен в XIX в. на реке Онон. Сыграл важную роль в распространении буддизма в Забайкалье.

⁷ Баргузинская и Кударинская степные думы были учреждены по Уставу 1822 г. на территории Забайкальской области. Баргузинская степная дума ведала землями в долинах р. Баргузин и его притоков. В ведении Кударинской степной думы находились буряты, населявшие низовья р. Селенги, побережье Байкала. Кударинская степная дума была образована в 1824 г., находилась в селении Корсаковском. Кударинское ведомство состояло из четырех родовых управлений: Абазаевского, 1-го Чернорудского, 2-го Чернорудского, Сборного. (НАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 798, 799.)

⁸ Маньковская, Оловская, Кужертаевская, Шундуинская, Урульгинская и Бодонская инородные управы – органы самоуправления эвенков, входившие в состав Урульгинской степной думы. (Энциклопедия Забайкалья... С. 205.)

⁹ Хоринская степная дума являлась самым обширным и богатым ведомством. Ее кочевья располагались в долине Уды, Хилка, Хилкасона и Тунгуя, а также в верховьях Витима, Ивано-Арахлейских озер. (Энциклопедия Забайкалья... С. 207.) По отчету 1873 г., состояла из 14 инородных управ. (НАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 580. Л. 21–24 об.)

¹⁰ Селенгинская степная дума контролировала жизнь и хозяйственную деятельность бурят, селившихся по долинам рек Селенга, Чикой, Джида, Темник. Она была образована в 1825 г. на месте Селенгинской инородческой конторы и объединяла вначале 18 родовых управлений, к концу XIX в. – 22 родовых управления. (НАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2398. Л. 106.)

¹¹ Ульдургинская, Онгоцонская и Цонгольская инородные управы – органы местного самоуправления эвенков и бурят, учрежденные по Уставу 1822 г.

¹² Номады – условное название народов и этнических групп, ведущих кочевой образ жизни.

¹³ Агинский дацан – буддийский храм в селении Агинском, сооружен в 1816 г.

¹⁴ Алексеев Евгений Иванович (1843–1917) – военный и государственный деятель, адмирал (1903 г.). Внебрачный сын императора Александра II. На военной службе с 1860 г. С 1903 г. наместник его императорского величества на Дальнем Востоке. С 28 января 1904 г. главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. После проигранного сражения на реке Шахе, состоявшегося 22 сентября – 4 октября 1904 г., отозван с занимаемой должности главнокомандующего, оставлен наместником на Дальнем Востоке. С 1905 г. член Государственного совета и Адмиралтейств-Совета. С апреля 1917 г. в отставке. Награжден российскими и иностранными орденами. Умер в Ялте.

История Якутии в отчетах якутских губернаторов / Сост.: А.А. Калашников, А.А. Павлов. Якутск: Бичик, 2007. – 152 с. – 1000 экз.

Ежегодные всеподданнейшие отчеты губернаторов являются одним из наиболее востребованных исследователями источников, содержащих огромный пласт фактической и аналитической информации. Наиболее полной их коллекцией располагает Российский государственный исторический архив (РГИА), остальные архивохранилища содержат лишь копии за отдельные годы. В отечественной археографической практике губернаторские отчеты явно обойдены вниманием: попытки их издания сводились к публикации фрагментов из отчетов отдельных губернаторов, обычно по одной теме¹. Расширение доступа к этому интересному и ценному историческому источнику представляется весьма актуальным, а выбор для публикации отчетов якутских губернаторов тоже вполне обоснован.

Якутия, получившая возможность социально-экономического и культурного развития после вхождения в состав России в XVII в., была важной территориальной составляющей империи. Прежде всего, самодержавие использовало этот далекий край как место ссылки, затем постепенно начали осваиваться ее несметные природные богатства. С XIX в. внимание правительства к Якутии усиливается, и годовые отчеты губернаторов становятся не только важным информационным каналом, но и одним из инструментов

контроля за деятельностью местной администрации.

Рецензируемое издание в целом отвечает требованиям, предъявляемым к публикациям исторических источников. Оно снабжено современным научно-справочным аппаратом (предисловие, приложения, примечания, оглавление). Предисловие содержит краткие сведения о структуре якутской областной администрации после 1851 г. (когда в ней появилась должность губернатора), составе губернаторского корпуса Якутии. Здесь дана общая характеристика публикуемых отчетов о состоянии Якутской области за 1855, 1887, 1891, 1902 и 1911 гг. Последнему, подготовленному губернатором И.И. Крафтом всеподданнейшему отчету, подкрепленному пространным пересказом с указанием последовавших высочайших резолюций, в издании отводится значительное место. По мнению составителей, «отчеты губернаторов за исключением отчета И.И. Крафта практически ничем не отличаются <...> В отличие от других губернаторов, старавшихся в своих отчетах показать лишь положительные стороны, Иван Иванович Крафт смело ставил и неотложные, на его взгляд, вопросы, в первую очередь о насущных проблемах» (С. 6). Кроме того, составители справедливо отмечают, что «законодательство в России не устанавливало обязательность оставления экземпляра отчета у самого губернатора по месту службы» (С. 7), поясняя этим факт нахождения основной массы опубликованных отчетов якутских губернаторов в РГИА и Государственном архиве Иркутской области (ГАИО).

Отчеты систематизированы в хронологической последовательности, в тексте сохранены орфографические и стилистические особенности оригинала. Отчет за 1855 г. опубликован вместе со статистическими ведомостями. Каждый документ снабжен легендой. В качестве приложения публикуются две статьи «Памяти И.И. Крафта» из газеты «Сибирская жизнь». Примечания по содержанию посвящены в основном якутским губернаторам. Издание иллюстрировано их портретами и репродукциями видов Якутска XIX – начала XX в.

Вместе с тем при более тесном знакомстве со сборником неизбежно возникает ряд замечаний к составителям. Во-первых, недостаточно аргументированы принципы отбора документов для публикации. Наибольшую ценность, как известно, представляют оригиналы отчетов, прочитанных императором, оставившим на них резолюции. Последние являются важной составляющей документов при изучении их использования в процессе подготовки правительственных мероприятий. В издании резолюции воспроизведены лишь в отчете за 1911 г. Что касается остальных отчетов, то, судя по легендам, составители приняли за основной текст рабочие копии. Отчет за 1855 г. взят из фонда № 1281 (Совет министра внутренних дел), отчеты за 1887 и 1891 гг. – из фонда № 1284 (Департамент общих дел МВД) РГИА, отчет за 1902 г. – из фонда № 25 ГА-ИО, причем последний есть и в РГИА², о чем составителям было известно³. Во всяком случае, в легенде следовало указать все выявленные варианты документа.

Нельзя признать удачным выбранный прием передачи текста документов. Отчет за 1855 г. – единственный, опубликованный вместе с приложениями, но они приведены выборочно: из 27 статистических ведомостей помещены лишь 17. Так, ведомости № 1, 2, 7 и 24 опущены, что оговаривается

в примечаниях, ведомость № 5 опубликована, хотя в примечаниях значится отсутствующей. Поскольку в сборнике не упоминаются ведомости № 3, 4, 6, 8 и 12, то остается неясным, составлялись они якутским губернатором или нет. Нумерация и содержание ведомостей строго регламентировались инструкцией 1853 г., но начиная с № 9 заголовки ведомостей не соответствуют номерам. Составителям следовало указать, что ведомость № 8 «Об успехах полюбовного размежевания земель» была отменена в 1847 г., а якутский губернатор нарушил строго установленный порядок, самовольно изменив нумерацию ведомостей. Произвольное вмешательство губернатора в структуру отчета проявилось и в ведомости № 14 «О числе домов и других зданий Якутской области», которая согласно инструкции должна иметь 15-й номер и заголовок – «Статистические сведения»⁴. В остальных отчетах приложения опущены без всяких объяснений, хотя каждый из них в реальности имеет статистические приложения в виде обзоров Якутской области. Отказ составителей от публикации последних требует обоснования.

К сожалению, небрежности в передаче текста на этом не заканчиваются. Так, в отчете за 1911 г. нарушена унификация при воспроизведении высочайших резолюций. Редакционный текст соответствующих примечаний дан в трех вариантах: «на полях имеются следующие пометки» (С. 83), «имеется пометка Николая II» (С. 109) и «здесь на полях имеется пометка Николая II» (С. 115), и его следовало выделить другим шрифтом. Попутно заметим, что общее количество высочайших резолюций в отчете И.И. Крафта не соответствует приведенному в предисловии, поскольку две из них опущены без объяснений (С. 7).

Составители явно поскупились и на комментарии к документам. На-

пример, комментарии к отчету И.И. Крафта можно дополнить сведениями из дневника Николая II, в котором 15 сентября 1913 г. была сделана запись: «От 6 ч. до обеда читал интересный отчет якутского губернатора»⁵. Зная педантичное отношение Николая II к ведению дневника, можно уточнить время прочтения им отчета. К сожалению, многие встречающиеся в тексте законодательные акты, имена и т.д. остались без комментариев. Отсутствуют примечания, раскрывающие значение устаревших и малоупотребительных слов: «юфтовая кожа» (С. 35), «ярица» (С. 48), «швейнфуртская зелень» (С. 135) и др. Органичным дополнением научно-справочного аппарата книги послужили бы указатели, прежде всего географический.

Вопрос о сохранности отчетов якутских губернаторов тоже требует более подробного освещения. Действительно, местная администрация не заботилась о хранении не только копий отчетов, но даже статистических

приложений к ним, обзоров губерний. Последние в конце XIX в. фактически превратились в полусамостоятельное типографское издание. Так, в 1909 г. якутский губернатор, отвечая на просьбу библиотеки Государственной думы о присылке экземпляров обзоров губернии, смог выслать только обзоры за 1888, 1897, 1906 и 1907 гг., пояснив, что «обзоры за другие годы разошлись без остатка»⁶. Будущим историкам Якутии, которым и адресовано издание, было бы полезно знать, насколько полно «якутские» отчеты представлены в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) и какова среди них доля дубликатов из других архивохранилищ страны.

Однако высказанные замечания не снижают общего благоприятного впечатления о работе якутских исследователей и носят скорее рекомендательный характер. Опыт якутских историков является важной и, надеемся, не последней страницей в изучении такого ценного исторического источника, как губернаторские отчеты.

¹ См., напр.: К истории аграрной реформы Столыпина // Красный архив. 1926. Т. IV (17). В публикации представлены цитаты из отчетов за 1904 г. о состоянии Саратовской (С. 83–88), Херсонской (С. 88–89) и Казанской (С. 89–90) губерний.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 134.

³ См.: История Якутии в документах

архивов г. Санкт-Петербурга: Краткий справочник. Якутск, 2003. С. 19.

⁴ О формуляре губернаторского отчета образца 1853 г. см. подробнее: Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С. 146–149.

⁵ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 423.

⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 732. Л. 77.

А.С. МИНАКОВ

Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом / Предисл., подгот. текста и коммент. канд. ист. наук С.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2007. – 679 с. – 1000 экз.

Мемуары Дмитрия Николаевича Шипова (1851–1920), выдающегося земского деятеля, председателя ЦК партии «Союз 17 Октября» (1905 г.), являются ценным источником сведений о процессах идейно-политической и социально-культурной эво-

люции русского либерализма на рубеже XIX–XX вв. Они были написаны в 1916–1918 гг. на основе широкого круга источников (черновые записки, постановления земских собраний, журналы разных совещаний и съездов, записи бесед с Николаем II, С.Ю. Витте, П.А. Столыпиным и другими крупнейшими политическими деятелями страны, переписка и т.д.), что придает историческую достоверность изложенным фактам и событиям. Последние охватывают 1890-е гг. – 1914 г., период Первой мировой войны и революций в России. В 1919 г. Д.Н. Шипов был арестован (в 1918–1919 гг. руководил «Национальным центром», контрреволюционным объединением правых партий и организаций) и в 1920 г. умер в больнице Бутырской тюрьмы от воспаления легких.

Впервые его воспоминания были опубликованы в издательстве М. и С. Сабашниковых в 1918 г. Книга хранится в Российской государственной библиотеке и является библиографической редкостью, поэтому ее переиздание с учетом современных достижений археографии следует приветствовать. Помимо мемуаров составитель счел целесообразным включить в приложение две работы Д.Н. Шипова (1899 и 1905 гг.), дополняющие сюжеты, касающиеся конкретной практической земской деятельности.

Мемуарист подробно излагает свои мировоззренческие принципы, представления о целях и задачах общественной жизни и государственного устройства, не потерявшие актуальности и сегодня. Например, он убежден, что «государство должно всегда иметь своей задачей улучшение общественной жизни ради всех своих членов» (С. 166), а «идея единения людей должна служить главным основанием государственного строя и политики государства» (С. 167), считает «идеальной» модель государственного устройства, при которой сохраняется единство власти и народа.

Будучи на протяжении десятилетий крупным земским деятелем, Д.Н. Шипов в мемуарах раскрывает все стороны функционирования органов самоуправления разных уровней, а также процесс формирования механизма их взаимодействия. Необычайно ярко и доказательно он описывает плодотворную попытку объединения земской деятельности в пределах Московской губернии, а затем в общероссийском масштабе. Последняя, надо сказать, до настоящего времени не получила надлежащего освещения в литературе.

Значительное место в мемуарах отводится характеристикам политических партий, а также собственной работе на посту председателя Центрального комитета партии «Союз 17 октября». Подробно анализируя ее программу, Д.Н. Шипов убедительно доказывает, что октябристы ставили перед собой задачу «содействовать возможно полному осуществлению в нашем государственном строе, на основе Манифеста 17 октября, начал конституционной монархии», призвали к единению всех, желавших мирного обновления страны (С. 411). Подобные высказывания одного из создателей этой партии позволяют отнести ее к либеральному крылу. В трудах некоторых советских историков (В.В. Комин, В.С. Дякин) это положение отрицалось.

В мемуарах заключена ценнейшая информация о проходивших в октябре 1905 г. переговорах С.Ю. Витте и Д.Н. Шипова о вхождении в правительство общественных деятелей. Несомненный интерес представляют сведения о предложении П.А. Столыпина некоторым из них принять участие в реформируемом им после роспуска I Государственной думы Кабинете министров. Мемуарист объясняет причину неудачи переговоров тем, что они являлись только средством «для примирения возбужденного общественного настроения с правительством»

(С. 466). Характеристика, данная Д.Н. Шиповым главе правительства, резко отличается от распространенной ныне в исторической литературе оценки. Может быть некоторым авторам (Б.Г. Федоров, Г.П. Сидоровкин), воспевающим П.А. Столыпина, стоит прислушаться к мнению его современника Д.Н. Шипова.

Мемуары описывают не только события общероссийского масштаба, но и ход политической борьбы в Московской городской думе. Так, здесь анализируется думская деятельность прогрессистов, возглавляемых Д.Н. Шиповым. В других источниках по истории Московской городской думы эти сведения отсутствуют.

Необходимо отметить, что публикация воспоминаний осуществлена на высоком археографическом уровне. Предисловие, написанное канд. ист. наук С.В. Шелохаевым (С. 3–37), представляет собой самостоятельное научное исследование, в котором обобщаются биографические сведения о Д.Н. Шипове, рассматриваются его мировоззренческие взгляды, дается источниковедческий анализ мемуаров. Ученому удалось убедительно

доказать, что без изучения данного исторического источника невозможно полноценное исследование истории либерализма в России. В целом удачными являются и комментарии, принадлежащие тому же С.В. Шелохаеву, однако вызывает удивление отсутствие в них некоторых лиц: видного общественного деятеля, создателя партии прогрессистов Н.Н. Львова, профессора Московского университета, действительного тайного советника, графа Л.А. Комаровского. В некоторых комментариях имеются неточности. Так, Н.И. Гучков назван членом ЦК «Союза 17 октября» (С. 597), с чем нельзя согласиться. В действительности, став городским головой, в 1905 г. Н.И. Гучков вышел из состава партии, поскольку считал невозможным вносить политику в городскую Думу. Характеристику Н.И. Астора следовало дополнить, указав, что он занимал пост городского головы (март – июнь 1917 г.).

Отмеченные недочеты в научно-справочном аппарате публикации не снижают ее высокого научного уровня. Составителя издания необходимо поздравить с большой творческой удачей.

Ю.С. ВОРОБЬЕВА

Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань, 2006. – 619 с.: ил. – 400 экз. (Сер. «Новейшая Российская история: исследования и документы». Т. 9).

В последние годы издано множество источников личного происхождения, принадлежавших деятелям антибольшевистского лагеря Гражданской войны. При этом подавляющая их часть либо лишена комментариев, либо ограничена частичной расшифровкой встречающихся в тексте фамилий. Широко распространена практика публикации тематических подборок, где источники препарируются в угоду издателю. Известна и реакция научного сообщества на та-

кого рода работу: накопилась уже солидная пачка восторженных рецензий и откликов в историографических исследованиях, авторы которых словно не замечают провальный археографический уровень большинства вышедших в свет документов и дневников.

Дневник П.В. Вологодского тоже обнародован не впервые, но причин к очередному изданию вполне достаточно. Подтверждение тому – две его предыдущие публикации¹, по справедливой оценке Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова и С.М. Ляндреса, выполненные вопреки элементарным правилам (С. 50). Оба раза читатель получал возможность ознакомиться лишь с большим фрагментом источника. Составители первой публикации допустили купирование источника, а, расшифровывая сокращения и опечатки, подчас исправляли неблагозвучные с их точки зрения фамилии (Гаттенбергер на Гаттенберг). Целиком дневник был впервые опубликован в США².

Нынешнее, российское издание можно смело поставить в один ряд с лучшими образцами научных публикаций мемуарных источников, выполненных в последнее десятилетие. Оно имеет детальное историческое и археографическое введение, обширные комментарии, аннотированный указатель имен и указатель географических названий, список источников и литературы, подборку уникальных фотографий; устранено множество опечаток первого американского издания, дополнены комментарии. Биографический словарь не просто расширен, но превращен в указатель, облегчающий работу с книгой. Можно отметить активное использование материалов шести российских и трех зарубежных архивов.

Поскольку источник известен специалистам и широкой публике, проявилась даже тенденция преувеличивать значение дневника сибирского

премьер-министра. По мнению А.В. Квакина, его текст позволяет сделать выводы о трансформации властных структур и о важнейших событиях на Восточном фронте³. Между тем следует реально оценивать информационные возможности дневника, проливающего лишь дополнительный свет на обстоятельства того или иного события, как правило, зафиксированные в иных источниках. Именно в этом направлении нынешние публикаторы проделали большую работу. Они выявили и прокомментировали значительную часть упомянутых П.В. Вологодским газетных публикаций, законодательных актов и документов, обозначили ряд неточностей, допущенных автором записей. Публикаторы уточняют местоположение событий: расшифровывают адреса, приводят сведения о том, что находилось в том или ином здании в описываемый П.В. Вологодским период и что размещается сейчас. Читатели получили возможность идентифицировать сведения дневника с современной топографией Владивостока, Омска, Томска, Харбина и других городов. Комментарии полезны не только для рядового читателя, получающего максимум «конвойной» информации, но и для заинтересованного профессионала, которому издатель облегчил поиск документов, необходимых для самостоятельного анализа текста.

Наибольший интерес с точки зрения истории антибольшевистского движения представляет уже опубликованная часть дневника за вторую половину 1918 – 1919 г., когда П.В. Вологодский занимал пост премьер-министра. Это хорошо понимал и сам автор, готовивший именно ее к изданию. Но важно, что российский читатель впервые получил доступ и к описанию жизни П.В. Вологодского в эмиграции (1920–1925 гг.), столь активно изучаемой отечественными исследователями в последние

два десятилетия. У этих фрагментов дневника совершенно иная ценность: они полны латентной информации о социально-бытовых деталях жизни эмигрантской семьи, тщательно фиксируют настроения, слухи, нравы российской диаспоры в Китае. Тогда бывший премьер оказался выброшенным из эпицентра политики и видел эмигрантские реалии глазами рядового обывателя.

Несмотря на колоссальную работу авторов введения и составителей комментариев, издание не лишено недостатков. Одни из них носят технический характер, другие затрагивают существо публикуемого источника. Так, биографический указатель содержит лакуны: в него вошли не все упомянутые в тексте имена исторических деятелей. Можно обнаружить и некоторые неточности в атрибуции отдельных сопутствующих дневнику источников. Авторами введения явно преувеличена значимость дневника как источника в диссертации Н.Н. Аблажей (С. 51). В действительности он был одним из многих документов, фигурировавших лишь в одном сюжете, а вот более поздняя монография этого автора⁴ осталась вне поля зрения исследователей. Имеющийся в распоряжении публикаторов комплекс архивных документов позволял детальнее осветить политические взгляды и пристрастия П.В. Вологодского и их эволюцию под влиянием пережитых событий.

Минимум информации сообщается о семье П.В. Вологодского. До отъезда за рубеж его родные упоминаются в дневнике крайне редко; между тем в эмиграции необходимость поддерживать материальное положение семьи оказалась одним из основных жизненных мотивов. И, вероятно, она, даже оставаясь за строками дневника в период бурных политических событий, всегда играла для премьер-министра значительную роль. Источник личного происхождения

нередко важен не тем, что в нем упомянуто, а тем, что осталось за текстом. Однако во введении супруга П.В. Вологодского впервые названа только в связи с переездом семьи в Китай.

В эмиграции Вологодский опубликовал в газетах несколько статей мемуарного характера. За них он подвергся критике со стороны своих политических противников, тоже участников описываемых событий. Они известны авторскому коллективу и упомянуты в примечаниях к основному тексту книги. Однако было бы полезнее включить мемуарные статьи П.В. Вологодского в приложения, возможно, вместе с полемическими отзывами о них. Это пролило бы дополнительный свет на некоторые эпизоды дневника, позволило сравнить его с тем материалом, который П.В. Вологодский обнаружил.

Во введении (С. 21, 44) указано, что данная публикация осуществлена по хранящемуся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира автографу (семь рукописных тетрадей), сверенному с «Дневником за 1918 г.», полученным из личного архива З.П. Поповой (Вологодской) – дочери премьер-министра. Авторы критикуют своих предшественников за то, что те издали лишь хранящийся в ГАРФ фрагмент дневника, специально подготовленный П.В. Вологодским для издания в «Архиве русской революции», не сверяя его с рукописью.

Попытка публикаторов выделить шрифтом поздние вставки в первоначальную редакцию в одном случае вносит существенную путаницу. Запись за 5 (18) ноября 1918 г. (С. 119) выглядит совершенно понятной. Но если прочесть эту запись без поздней вставки (по утверждениям публикаторов, это была именно вставка, а не замена текста), то получится полная бессмыслица – адмиралом в тот день провозгласили не А.В. Колчака, а В.А. Вино-

градова. Данная загадка тоже оставлена без комментариев, хотя повествование касается обстоятельств государственного переворота в Омске, в результате которого А.В. Колчак стал верховным правителем.

К сожалению, археографическая характеристика всех сохранившихся вариантов дневника в рецензируемом издании явно недостаточна (С. 21, 44, 50). Не ясно, насколько четко выполнен автограф, корректно ли сделана оказавшаяся в ГАРФе машинопись с рукописного экземпляра. Судя по объяснениям авторов введения, записи за 1918–1919 гг. только в рукописи редактировались трижды. В публикуемом тексте фрагменты, содержащиеся в «Дневнике за 1918 г.» из личного архива З.П. Поповой, но отсутствующие в автографе, даны курсивом. Это позволяет сличить два документа и наталкивает на мысль, что они дополняют друг друга существенно. Остается без разъяснений имеющий ключевое значение для понимания существа представленного текста вопрос: чем две рукописные редакции дневника за 1918–1919 гг. из фондов Гуверовского архива (тетради 1–2 и 6–7) отличаются друг от друга и от подготовленной к публикации машинописи?

Принципиальность данной проблемы станет очевидной, если обратиться к вводной части машинописного экземпляра из фонда ГАРФ, опубликованного А.В. Квакиным⁵. Здесь автор дневника утверждает, что из первоначального варианта он, во-первых, вычеркнул много личного, семейного, во-вторых, изъяс сведения, которые «при современных обстоятельствах еще рано оглашать» (видимо, намекая на опасность для оставшихся в советской России), и, в-третьих, подверг корректировке идеи, не оправдавшиеся дальнейшим ходом событий. Такое веское заявление предполагает серьезное редактирование П.В. Вологодским своих перво-

начальных записей. Причем максимальной ценностью для историка должны обладать именно изъятые или исправленные фрагменты. Совершенно непонятно, почему в рецензируемом издании публикуемый с рукописи текст дневника с 24 мая / 6 июня 1918 г. по 23 марта 1920 г. идентичен изданному ранее в России машинописному варианту, подготовленному автором для «Архива русской революции». Никаких следов различий, кроме иного разбиения на абзацы, обнаружить не удалось. Упоминание во введении (С. 21, 50) о том, что все сделанные П.В. Вологодским в процессе работы над дневником изменения (добавления инициалов, уточнение фамилий и пр.) учтены в настоящем издании, нельзя считать исчерпывающим. Либо утверждение автора дневника о внесении существенных корректив в первоначальную редакцию ничем не подтверждается, что следовало оговорить при публикации, либо исследователи не стали отражать все следы редактирования в тексте и комментариях. Но даже в этом случае трудно понять, почему в рецензируемом издании неразобранные слова (явный признак работы публикаторов со сложным рукописным текстом) появляются только в записях позднее марта 1920 г., т.е. с того момента, когда рукописный подлинник из Гуверовского архива перестает хронологически дублировать машинописный текст из ГАРФ. Внятные ответы на этот вопрос усилили бы общее благоприятное впечатление от издания.

Итак, точку в работе исследователей над дневником П.В. Вологодского ставить еще рано. Это, впрочем, очевидно и составителям публикации, которые, оговорившись, что не претендуют на всестороннее освещение комментируемого объекта (С. 44), многое сделали для понимания одного из ключевых текстов по истории Гражданской войны на востоке России и

восточной ветви эмиграции. На сегодняшний день данное издание – один из первых примеров серьезной источ-

никоведческой работы с документами личного происхождения указанного периода.

¹ Вологодский П.В. Дневник // Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Отв. ред. Г.А. Трукан. М., 1996. С. 121–252; Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака: Док. и материалы / Ред. А.В. Квакин. М., 2005. С. 47–302.

² A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of

Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Compiled, edited and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. Hoover institution, Stanford, California, 2002. Vol. 1–2.

³ За спиной Колчака... С. 22.

⁴ Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003.

⁵ За спиной Колчака... С. 47–48.

В.М. РЫНКОВ

ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 / Отв. ред.: проф. Харуки Вада (Япония), д-р ист. наук К.К. Ширина (Россия); ред.-сост.: [Г.М. Адибеков,] Х.Вада, Н.Мидзуно, К.К. Ширина, Ю.Хё Чжон (Корея); сост.: Ж.Г. Адибекова, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2007. – 816 с. – 700 экз.

Сборник документов, подготовленный Российским государственным архивом социально-политической истории совместно с Фондом японских историков, стал результатом развития международного сотрудничества, начало которому положил документальный сборник «ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941» (подготовлен под руководством д-ра ист. наук Г.М. Адибекова и проф. Харуки Вада, вышел в свет в 2001 г.). Нет сомнения в том, что такое сотрудничество желательно продолжать.

Рецензируемый сборник прекрасно издан и дает огромный новый материал для исследователей. Здесь собраны практически все основные документы

(их 256) по данной теме, подавляющее большинство которых вводится в научный оборот впервые. В предисловии, представляющем собой подробную вводную статью, дана с опорой на источники объективная, взвешенная оценка важнейших сторон корейского коммунистического движения, его роли в антияпонской национально-освободительной борьбе, а также развития взаимоотношений корейского коммунистического движения с Коминтерном и ВКП(б). Несомненным достоинством публикации являются комментарии с привлечением не вошедших в сборник документов.

Особенности корейского коммунистического движения в рассматриваемый период составители видят в том, что оно выходило за рубежи Кореи – в Маньчжурию и Россию, опиралось на эмигрантов-революционеров и в известной мере зависело от них. Более того, в обстановке, когда в самой Корее не было достаточных социально-экономических и политических условий для формирования революционной рабочей партии, Исполком Коминтерна попытался создать ядро компартии из корейских

эмигрантов в советской России, чтобы затем перенести центр тяжести всей работы непосредственно в Корею. Документы показывают, что этот метод не принес заметных успехов, не способствовал преодолению сектанства, кружковщины и раздробленности, а наоборот, как бы подпитывал фракционную борьбу, которая надолго разделила ряды корейских революционеров.

Перед нами встает картина неимоверно трудной и противоречивой борьбы корейских революционеров, совершения ими ошибок из-за леворадикальных установок, политических разногласий и фракционного противостояния, принимавшего иногда недостойные формы.

Одна из центральных линий сборника – показать роль Коминтерна в организации основных политических установок, в том числе по оказанию помощи корейскому коммунистическому и национально-освободительному движению. Во многих изданиях она рассматривается исключительно в негативном плане. Публикуемые документы убеждают, что в реальности все было гораздо сложнее. Наряду с левачьими установками, зачастую исходившими из Исполкома Коминтерна, и его нередко неоправданным вмешательством во внутренние дела Корейской компартии имели место попытки ИККИ помочь коммунистам Кореи встать на путь активного участия в национально-освободительной борьбе, создания в стране широкого антияпонского народного фронта.

Многие документы тома – это яркие свидетельства самоотверженной

борьбы корейских революционеров в условиях жесточайших преследований со стороны японских полицейских властей. В сборник включена подборка документов Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении корейцев из пограничных районов Дальнего Востока в Среднюю Азию, об условиях этого переселения, возмещении издержек и затрат. Хотя это мероприятие рассматривалось не как некая репрессивная акция, а как государственная необходимость, оно было все же связано с тяготами перемещаемых лиц, ограничением их права на свободное передвижение.

Не обошли составители и тему репрессий в Москве в отношении некоторых видных деятелей корейского коммунистического движения, посвятив ей ряд документов.

Подбор материалов тома следует, на наш взгляд, оценить как многосторонний и объективный. Составители исходили из того, что, несмотря на все трудности, ошибки и трагические стороны, борьба корейских революционеров являлась частью (пусть не самой главной) того процесса, который привел к завоеванию национальной независимости Кореи, социально-экономическим и политическим переменам в стране.

Читатель положительно оценит и развернутый именной указатель, работа над которым потребовала от авторов большого труда из-за сложности корейских имен и фамилий.

Большое значение рецензируемого сборника документов отмечалось на презентации, состоявшейся 12 сентября 2007 г. в РГАСПИ.

А.Г. МЕНДЕЛЕЕВ

Орешина М.А. Из архивного наследия деятелей культуры Русского Севера второй половины XIX – начала XX века. М.: Русаки, 2006. – 232 с. – 1000 экз.

Книга М.А. Орешиной – документальное издание, ставшее заметным событием в отечественном краеведении и археографии. Она основана на источниках, эпистолярном наследии деятелей культуры Русского Севера этого периода, отложившихся в фондах архивов, музеев и библиотек.

Первая глава служит своеобразным историческим предисловием. В ней раскрывается роль научно-краеведческих обществ как «центров российской провинции», «содружеств единомышленников», предпринимается попытка воссоздать полную картину деятельности краеведов Севера по сбору исторических, археографических и этнографических памятников, по распространению научных, исторических и культурных знаний. Используя данные сосредоточенного в архивах, музеях и библиотеках документального наследия, в том числе поступившего на постоянное хранение благодаря провинциальным ученым-краеведам, автор убедительно доказывает, что их деятельность имеет общенациональное, а не региональное значение. В этом новизна выводов данного исследования, которая отличает его от ранее опубликованных работ других авторов, содержащих, как правило, узкопрофессиональный взгляд на роль провинциальных научно-краеведческих обществ.

Большинство выявленных М.А. Орешиной архивных документов опубликовано во II и III главах. Они знакомят с документальным историко-культурным наследием провинции на примере Русского Севера, видными представителями местной интеллигенции, чьими усилиями были сохранены уни-

кальные памятники старины, спасены от гибели ценнейшие архивные документы, музейные реликвии. Несомненным достоинством издания является и то, что практически все документы публикуются полностью.

Автор не случайно относит свою книгу к историко-документальным изданиям. В нее включено 86 выявленных документов. Кроме опубликованных документальных источников, она вводит в научный оборот широкий спектр малоизвестных и неизвестных документов в виде примечаний и комментариев к ним. Отбор публикуемых источников заслуживает самой высокой оценки. Они достаточно подробно раскрывают тему издания и дают представление о той источниковой базе, которая может быть эффективно использована при проведении подобных исследований по другим регионам России.

В книге имеется обширный научно-справочный аппарат: перечни опубликованных трудов ученых-краеведов и иллюстраций с обозначением поисковых данных, список сокращений, именной указатель. Археографическая обработка документов осуществлена вполне профессионально. Особого одобрения заслуживают подробные примечания к ним, которые значительно расширяют познавательные границы издания, комментируют и дополняют важные факты и события в жизни героев книги.

Сегодня, когда миллионы россиян стали свидетелями не только сложного процесса социально-экономических и культурных преобразований в России, но и распада СССР, особенно актуальным становится возрождение родины, чувства патриотизма граждан, любви к своей малой родине, без чего невозможно успешное строительство нового демократического общества. В этом смысле книга М.А. Орешиной, рассчитанная на широкий круг читателей, имеет также большое значение.

О.А. НАУМОВА

Романов М.Я. Мои Родина и Родословная: беседа автора с читателем. М., 2006. – 220 с.: ил. – 300 экз.

Автор книги – бывший фронтовик, Герой Советского Союза, значительную часть жизни посвятивший работе сначала в партийных и советских органах, затем в архивной отрасли (был заместителем начальника Главархива РСФСР в 1962–1963 гг. и свыше 20 лет ведущим специалистом Главархива СССР), человек, в котором гармонично сочетаются любовь к родному краю, аналитический ум и позиция государственника. Стремление глубже познать свои корни, восстановить связь времен предопределило его увлечение краеведением и потребность рассказать о старинном российском селе Ведяницы. М.Я. Романов стал первопроходцем в изучении и воссоздании исторического прошлого родного края, составлении своего рода энциклопедии деревенской жизни.

Книга объединяет самостоятельное историко-краеведческое исследование, мемуарный жанр и генеалогические изыскания, что придает ей глубоко личностный характер. Она является примером антропологического подхода к истории, предполагающего ее постижение через жизнь конкретного человека. Воссоздание прошлого отдельного населенного пункта – села Ведяницы приобретает черты социального исследования.

Книга подготовлена на основе многочисленных исторических свидетельств (библиографический список содержит 142 наименования), а также документов федеральных (РГАДА, РГАЛИ, РГИА) и региональных архивов, что позволило автору отразить экономическое развитие села, эволюцию его населения, деформацию и социальную стратификацию крестьянского сообщества, проанализировать предпосылки и следствия этих явле-

ний. М.Я. Романов установил, что в его родном селе жили как государственные крестьяне, так и дворянские (удельные), монастырские (экономические) и помещичьи. При этом он не только выявил имена помещиков, к которым крестьяне были приписаны, но и дифференцировал в зависимости от этого положение последних, отразил относительный консерватизм крестьянской общины и процесс ее распада под ударами рыночной стихии и социально-политических перемен. Автор показал также некоторые элементы провинциальной деревенской культуры (сельские традиции, обычаи, менталитет местного населения) с учетом ее региональных особенностей.

Социально-психологическая характеристика односельчан лучше удалась М.Я. Романову в мемуарной части произведения, которая является своего рода исследованием жизни малой родины и в какой-то мере всей страны в советский и постсоветский периоды и представляет ценность как документ, отражающий позицию автора, восприятие им исторических событий. Его личные воспоминания удачно дополняются семейными легендами и преданиями, рассказами старожилов. М.Я. Романов повествует об отношении односельчан к Октябрьской революции 1917 г., энтузиазме крестьян в годы нэпа, коллективизации и колхозной жизни, трагедии села в годы Великой Отечественной войны, бегстве людей в город в послевоенное время, анализирует причины упадка современных Ведянцов.

Несомненное достоинство книги состоит в том, что в ней дано описание когда-то средняцкого семейного хозяйства, системы воспитания детей, отношений с окружающим мордовским населением, а также отражены изменения в топонимике села и окружающей его местности.

Самостоятельный интерес представляют генеалогические изыскания

М.Я. Романова, восстановившего по архивным источникам 300-летнюю историю своего рода. В качестве основного источника он использовал ревизские сказки, фиксирующие данные переписи податного населения. В результате ему удалось создать родословную (дана в приложении), сделать вывод о родственных связях между всеми жителями села, проследить процессы миграции представителей своего рода.

Текст рецензируемого произведения дается в форме диалога автора и читателей. Использование такого литературного приема позволило уточнить авторскую позицию, провести истори-

ческие параллели, заострить внимание на тех или иных проблемах и т.д.

Книга снабжена фотографиями и обширными приложениями. Это план села XIX в. и схема передвижения переселенцев в начале XVIII в., списки жителей с указанием мест их проживания в XIX в. и погибших во время Великой Отечественной войны; график изменения численности населения за 300 лет, репродукция фрагмента ревизской сказки о жителях Ведянцов и др.

Исследование М.Я. Романова по праву становится в ряд произведений, пробуждающих интерес к истории своей земли и ощущение многовековой родовой связи с ней.

Л.Е. ТАТИЕВСКАЯ

К 90-летию революций 1917 г.

В Саратовском областном музее краеведения 12 октября 2007 г. состоялась научная конференция «1917 год в истории Саратовского края и документальное наследие», организованная учреждениями культуры, Саратовским областным обществом историков-архивистов с участием музейных и архивных работников, преподавателей Саратовского госуниверситета. На ней прозвучали доклады и сообщения, с разных сторон характеризующие это и поныне неоднозначно оцениваемое событие нашей истории. Выступления были посвящены военным взглядам саратовских эсеров, созданию регионального аппарата по делам национальностей и первого отряда В.И. Чапаева, деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, анализу фондов Госархива новейшей истории Саратовской области и областного музея краеведения. Особый интерес вызвали сообщения о судьбах

выдающихся личностей того времени: командарме С.И. Загуменном, писателе М.А. Булгакове, адвокате Н.Н. Мясоедове и др.

1 ноября в Госархиве Саратовской области открылась выставка «1917 год в саратовских листовках», где было представлено 25 экспонатов (подлинники и цветные фотокопии документов ГА-СО), в том числе листовки-обращения Петроградского, Саратовского Советов, партий большевиков, народной свободы, «независимых», христиан-старообрядцев, временного комитета уполномоченных Союза деятелей искусств, оргкомитета по выборам в Совет еврейской общины и др. Разные по содержанию (оповещения о введении карточек в городе, закрытии увеселительных заведений, борьбе с пьянством, призывы вступить в ряды той или иной партии), но яркие по форме, они позволяют ощутить «пульс» времени.

Н.В. Самохвалова

* * *

В читальном зале Госархива Курской области 19 октября 2007 г. прошла конференция «Новый взгляд на Октябрьскую революцию 1917 г.» с участием более 20 представителей научных учреждений, вузов, музеев, библиотек, общественности и краеведов. Она посвящалась переосмыслению революционных событий и их роли в развитии России с позиций современности на основе рассекреченных документов.

Заместитель начальника Архивного управления Курской области С.П. Некрасова подчеркнула бесспорность того факта, что Октябрьская революция 1917 г. повернула ход истории, привела к значительным преобразованиям в культуре, науке, образова-

нии и других сферах общественной жизни.

Некоторые аспекты политической борьбы в Курской губернии в октябре 1917 г. осветила д-р ист. наук, профессор КГУ Г.А. Салтык, отметившая продолжающиеся споры о сущности тех событий – переворот это или революция. Сегодня историки и общественность уже не столь категоричны в своей оценке. Многие из них склонны полагать, что Октябрь 1917 г. – это результат длительного развития российской жизни, продолжительного периода политической борьбы.

Обзор исторических источников периода революций 1917 г. и начального этапа советского строительства в Кур-

ской губернии представил канд. ист. наук, доцент КГУ В.В. Раков. В фондах ГАКО сохранилось ограниченное количество подобных документов (большая часть утрачена при эвакуации советских учреждений в сентябре 1919 г.), требующих привлечения других исторических источников, и прежде всего периодической печати. В настоящее время выявлено 30 курских периодических изданий 1917 г., в том числе три журнала, 18 газет, выходявших в губернском центре, девять – в уездах.

В сообщении д-ра ист. наук, профессора КГУ А.Ю. Друговской говорилось об истории и пропаганде средствами печати (газеты, листовки, сборники) революционных песен, являвшихся одним из факторов духовного, нравственного воспитания широких масс трудящихся.

Канд. ист. наук, доцент КГСХА Л.А. Кузнецова рассказала о роли октябрьских событий 1917 г. в коренных изменениях банковской системы страны: были проведены национализация частных банков и ревизия банковских сейфов, натурализация хозяйственных отношений, внедрение безденежных расчетов между государственными предприятиями и учреждениями.

Часть выступлений посвящалась влиянию октябрьских событий на изменение статуса и значимости архивов на территории Курской губернии (канд. ист. наук М.В. Шишлова), формирование геологической службы в ЦЧО (Е.А. Толмачева), а также образовательной системы (канд. ист. наук Л.Е. Руднева) и физкультурной работы в школах (О.М. Цуканова), исследова-

ние магнитных аномалий в Курском регионе (О.В. Пешехонова), охрану материнства и младенчества в губернии (И.В. Токмакова). Докладчики акцентировали внимание на положительных сторонах событий Октябрьской революции в деле строительства социалистического общества (централизация архивного дела, забота о маленьких гражданах страны и др.).

В качестве негативных моментов отмечалось, что введенная большевиками политика «военного коммунизма» способствовала сокращению сельскохозяйственного производства во всех видах крестьянских промыслов (канд. ист. наук А.А. Колупаев), а «красного террора» и «диктатуры пролетариата» – чрезмерным налогам и всеобщей мобилизации, последствием которых стали всеобщий голод, эпидемии и в некоторых уездах, в частности в Фатежском, выступления жителей против советской власти (А.Ю. Бирюков, зав. краеведческим музеем г. Фатежа).

Аспирантка КГТУ Л.А. Якоева рассказала об оценке революционных событий 1917 г. уроженцем Курской губернии, известным композитором Г.В. Свиридовым. Рассматривая Октябрьскую революцию 1917 г. с религиозно-нравственных позиций, музыкант приравнивал ее по значимости к принятию христианства на Руси, а причину революции видел в колоссальном взрыве человеческого честолюбия.

Несмотря на противоречивость мнений, все участники конференции были единодушны в своем стремлении изучать Октябрь 1917 г. в его сложной и трагической целостности.

В.Л. Богданов

* * *

В Госархиве новейшей истории Костромской области в рамках научной конференции «Октябрь 1917 года: историческое значение и уроки», организованной учеными костромских вузов на базе Костромского госуниверситета им. Н.А. Некрасова и ГАНИКО, 2 ноября 2007 г. открылась выставка документов «Костромская губерния – год 1917-й». Ее цель – дать представление об исторической обстановке, сложившейся

в России 90 лет назад, показать состояние различных слоев общества, наиболее влиятельных общественных институтов и политических партий.

Экспозиция (53 документа из фондов ГАНИКО, в том числе 26 фотографий) выстроена в хронологической последовательности важнейших событий общественно-политической жизни Костромской губернии, происходивших в феврале–декабре 1917 г. Это создание гу-

бернского объединенного комитета общественной безопасности, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, комитетов РСДРП и профсоюзов, военно-революционных комитетов, женских и молодежных организаций; выборы в Костромскую городскую думу и Учредительное собрание, организация массовых митингов против корниловщины, мобилизация сил на борьбу с продо-

вольственным кризисом, провозглашение власти Советов. Каждый документ снабжен развернутой аннотацией.

Выставка адресована широкому кругу пользователей, и в первую очередь учащейся молодежи. Благодарностью за труд архивистов стал отзыв одиннадцатиклассника 25-й школы г. Костромы Ивана Антонова, отметившего, что выставка «передает дух времени».

Т.М. Карпова

* * *

В Госархиве документов новейшей истории Калужской области 16 ноября 2007 г. состоялся «круглый стол» по теме «Октябрьская революция 1917 г.: Центр и провинция» с участием архивистов, историков, краеведов и др. Вел заседание В.Я. Филимонов, д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории КГПУ им. К.Э. Циолковского. Дискуссия касалась проблем одного из самых драматичных и малоизученных этапов истории в отдельно взятом регионе России.

В рамках «круглого стола» прошла подготовленная архивистами выставка «Калуга в 1917 г.», где были представлены известные и впервые продемонстрированные материалы. Это документы о деятельности избранного 2 марта 1917 г. Общественного исполнительного комитета, телеграмма губернского комиссара Челищева от 7 марта 1917 г. об образовании в губернии органов Временного правительства; донесения уездных комиссаров губернскому комиссару о напряженной обстановке на местах, связанной с захватом земель, порубкой леса; местные газеты 1917 г., освещавшие деятельность различных партий, празднование Дня Свободы в Калуге 12 марта 1917 г., когда на Крестовском поле (впоследствии «Поле Свободы») состоялись митинг и парад войск гарнизона.

Архивные документы рассказывали о создании и работе Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Калужской социал-демократической организации, о съездах (кооператоров, рабочих, учителей церковно-приходских школ), проходивших в несохранившемся до наших дней, но сфотогра-

фированном здании Зимнего театра, политизации Калужского гарнизона. Здесь же были представлены протоколы заседаний 1-й губернской конференции РСДРП(б), состоявшейся 16 июля 1917 г., а также Калужского губернского бюро РСДРП(б), где решался вопрос о необходимости издания бюллетеня и газеты «Рассвет», фотографии активистов Калужской организации РСДРП(б) в 1917 г.

Ряд документов раскрывал подготовку и итоги выборов в Калужскую городскую думу 23 июля 1917 г., Учредительное собрание, свидетельствовал об отличительных чертах событий в Калуге. 19 октября 1917 г. Совет солдатских депутатов был разогнан, а его члены-большевики – арестованы.

Самостоятельный блок составляли впервые обнародованные документы Калужского губернского органа по спасению Родины и революции, созданного 26 октября 1917 г. и считавшего своей главной целью обеспечение революционного порядка в губернии, в том числе информирование населения о событиях в стране, а также борьбу с продовольственным кризисом и анархическими настроениями. В его работе участвовал известный публицист, представитель партии кадетов Н.В. Устрялов, копии дневниковых записей которого привлекли внимание посетителей выставки.

В экспозиции находился протокол заседания комиссии из делегатов Московского ВПК, штаба Московского военного округа и Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного профессионального союза с участием местных организаций большевиков,

меньшевиков, эсеров от 13–14 ноября 1917 г., где было достигнуто соглашение о роспуске губернского органа и создании в Калуге новой социалистической власти из представителей кадетов, большевиков и других партий.

Впервые были представлены документы о деятельности Калужского губернского ВРК, образованного 15 ноября в составе восьми большевиков и четырех левых эсеров. В распоряжениях, приказах, объявлениях сообщалось об установлении советской власти в Калуге и обращении губернского ВРК в Московский ВРК за поддержкой, смеще-

нии 19 ноября 1917 г. губернского комиссара М.К. Циборовского и переходе власти в руки Советов, прибытии 28 ноября 1917 г. революционных войск. Этот день (11 декабря по новому стилю) и считается датой установления советской власти в Калуге.

В экспозиции можно было увидеть копии воззваний, листовок, обращений, которые были наклеены на стены домов, заборы, окна магазинов, а также печатные издания с опубликованными документами того времени. Архивные источники о тех событиях доступны и ждут своих исследователей.

А.В. Прохоровский

Подготовка к празднованию 90-летия государственной архивной службы России началась

19 декабря 2007 г. состоялось заседание организационного комитета по подготовке к юбилею. Члены комитета (помимо руководителей подведомственных Росархиву учреждений это представители архивных служб Москвы, Московской области, Российской академии наук, Вооруженных Сил, ФСБ России, общественных организаций) под председательством руководителя Росархива В.П. Козлова обсудили проект плана юбилейных мероприятий. Весной их череду откроет историко-документальная тематическая выставка в Москве, в Выставочном зале федеральных государственных архивов, на которой будут представлены 90-летняя история государственной архивной службы России, все федеральные архивы, наиболее яркие документы Архивного фонда РФ. Кроме того, здесь же состоится презентация виртуальной выставки по истории письма и архивного дела; ее экспона-

ты смогут увидеть пользователи Интернета.

На утро 4 июня намечено заседание Совета по архивному делу при Федеральном архивном агентстве по теме «Информационные технологии в архивном деле: актуальные проблемы и пути их решения», а на вторую половину дня – торжественное собрание с участием ветеранов. 5 июня планируются пленум ЦС РОИА, посвященный 90-летию государственной архивной службы России, а также IX общая конференция Евро-Азиатского регионального отделения МСА и заседание консультативного совета руководителей архивных служб государств – участников СНГ.

Часть затрат ляжет на федеральную целевую программу «Культура России (2006–2010 годы)», привлекут и средства спонсоров.

Все мероприятия в рамках празднования юбилея будут освещаться средствами массовой информации.

Т.И. Бондарева

Росархив объявил смотр-конкурс

В целях улучшения организации хранения архивных документов, повышения престижности труда работников архивохранилищ федеральных архивов, их творческой активности и профессионального мастерства и в связи с 90-летием государственной архивной службы России с 1 марта по 1 декабря 2008 г. проводится смотр-конкурс на лучшую организацию работы архивохранилища федерального архива.

26 декабря 2007 г. коллегия Росархива рассмотрела и одобрила Положение о смотре-конкурсе, условия его проведения, форму листа обследования архивохранилища и Памятку по проверке соблюдения условий смотра-конкурса. Его основными задачами являются внедрение Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда

Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук, обмен опытом работы, осуществление практических мер по устранению вскрытых в ходе смотра-конкурса недостатков.

Смотр-конкурс пройдет в два этапа. На первом (март – июнь) смотровая комиссия федерального архива определит лучшее в нем архивохранилище. На втором (июль – ноябрь) – Центральная смотровая комиссия установит победителей из призеров первого этапа, обобщит результаты и подготовит материалы для рассмотрения коллегией Росархива в декабре 2008 г.

Победителей, занявших три призовых места, наградят почетными грамотами Росархива и денежными премиями.

Г.А. Хабибулина

Конференции, совещания, семинары

«Документация в информационном обществе: управление документацией как сфера профессиональной деятельности»

XIV Международная научно-практическая конференция собрала в Москве 20–21 ноября 2007 г. около 200 представителей федеральных органов исполнительной власти, органов управления субъектов Российской Федерации, местного самоуправления, предприятий и коммерческих организаций, вузов, научных учреждений, СМИ, гостей из Белоруссии, Вьетнама, Латвии, Литвы, Узбекистана и Украины, а также Приднестровской Молдавской Республики.

Открывая конференцию, руководитель Росархива, член-корр. РАН В.П. Козлов и заведующий кафедрой истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, д-р ист. наук Р.Г. Пихоя вы-

делили такие проблемы, как высокий прирост документации, составляющий ежегодно 12 %, несовершенство нормативной базы в работе с электронными документами и недостаточное кадровое обеспечение процесса управления.

На пленарном заседании выступили ведущие ученые в сфере ДОУ, осветившие современное состояние управления документацией, проблему подготовки кадров. Так, в докладе заведующей сектором Института государства и права РАН, д-ра юр. наук И.Л. Бачило, посвященном информационному взаимодействию органов государственной власти и местного самоуправления, говорилось о необходимости четкого разделения ответственности на разных уровнях власти, повышения квалифика-

ции служащих, создания федерального информационного центра для методических разработок и обеспечения органов власти необходимой информацией. Об организации электронного документооборота в рамках Федерального центра управления межведомственным информационным обменом и доступом к данным государственных информационных систем рассказала главный специалист-эксперт Управления государственных услуг Росинформтехнологии М.А. Игнатьева, отметив, что по-прежнему требуют решения вопросы хранения и использования электронных документов, в частности придание электронному образу юридической силы. Ведущий эксперт по управлению документацией компании «Электронные офисные системы» Н.А. Храмцовская обозначила проблемы в работе с электронными документами: до сих пор неясно, на каких носителях должны храниться записи; не установлен порядок обеспечения их защиты и аутентичности информации; выпускники вузов не готовы к работе с электронными документами – более всего им не хватает знания правовой базы, основ информатики, иностранных языков.

Генеральный директор агентства «Узархив» при Кабинете министров Республики Узбекистан А.Х. Абдуллаев остановился на актуальных вопросах ДОО в организациях, отметив, что правильной работе с документами по-прежнему нигде не учат, хотя с ней должны быть знакомы выпускники школ и тем более вузов.

Участники конференции услышали о подготовке специалистов для сферы управления документацией за рубежом. Так, в Приднестровье для этого используются российские стандарты (руководитель архивной службы Приднестровской Молдавской Республики З.Г. Тодорашко), в Литве архивистов и документоведов с 1993 г. готовят на историческом факультете Вильнюсского университета (доцент Института книговедения и документоведения факультета коммуникаций Вильнюсского университета, д-р социол. наук Ю.Зинкявичене). Заведующая кафедрой документоведения ИАИ РГГУ, д-р ист. наук Т.В. Кузнецова рассказала об особенностях реформирования высшего образования в связи с присоединением России к Болонскому

процессу, о предстоящем переходе на двухуровневую систему обучения по специальности «Документоведение и ДОО». Необходимость укрепления знаний российских документоведов в XXI в. отметил директор ВНИИДАД, д-р ист. наук М.В. Ларин, заявивший, что нельзя выпуск специалистов по направлению «Историко-архивоведение и документоведение» ограничивать рамками двух уровней (бакалавриат и магистратура).

Различные аспекты подготовки кадров в области документоведения и ДОО в ряде регионов России осветили в своих выступлениях преподаватели вузов: в частности, роль «общей теории систем» (заведующий кафедрой информационных технологий Ивановского государственного энергетического университета канд. техн. наук А.А. Белов), построение современной модели специалиста-documentsоведа (заведующая кафедрой информационного обеспечения управления и производства Пензенского государственного университета, канд. техн. наук Л.Р. Фионова), специализацию для работы в госучреждениях и негосударственных структурах (заведующая кафедрой документационного обеспечения управления Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, канд. ист. наук доцент А.В. Ермолаева).

Рассматривались новые методики работы с документами, например совершенствование информационного и документационного обеспечения управления с применением аутсорсинга – осуществление отдельных функций учреждения или предприятия с привлечением других организаций (руководитель отдела ДОО и архивной обработки документов ЗАО «ОСГ Рекордз Менеджмент» А.В. Рыков), особенности реализации проектов по управлению документами в современной компании и требования к системам электронного документооборота: единое информационное пространство организации, централизованный доступ к информации (руководитель направления продуктового маркетинга ООО «Летограф» М.Синило) и др.

В ходе конференции состоялись три «круглых стола»: «Государственный образовательный стандарт по направлению «Документоведение и архивоведение», «Теория и практика управления документацией», «Проблемы подготов-

ки, переподготовки и повышения квалификации кадров», участники которых пришли к выводу, что управление документацией как сфера профессиональной деятельности существует в развивающемся информационном обществе под влиянием информационных технологий и научно-технических достижений в области информатизации, несмотря на наличие различных подходов к решению этой проблемы в разных странах. Они отметили, что за прошедший год улучшилось научно-методическое обеспечение ДОУ, подготовлены новые учебно-методические пособия по вопросам документоведения и ДОУ, выросло число научно-практических конференций, укрепилось взаимодействие документоведов, архивистов, профессорско-преподавательского состава документоведческих кафедр вузов, научных работников. Удалось наметить пути активизации сотрудниче-

ства специалистов-документоведов различных стран для решения актуальных проблем документоведения и ДОУ, к которым в первую очередь относятся: сохранение документоведения как самостоятельного направления высшего профессионального образования Российской Федерации; законодательное закрепление роли документов в обществе и государстве; теоретические вопросы документоведения, дискуссии по методологическим основам документоведения в прессе, подготовка монографических работ, увеличение числа диссертационных исследований; сохранение диссертационного совета при ВНИИДАД.

В рамках конференции была организована выставка продукции фирм, работающих в сфере документационного обеспечения управления и архивного дела, демонстрировались новые издания.

Т.В. Котюкова,
кандидат исторических наук

В Бурятии обсуждены проблемы выполнения социально-правовых запросов

15 ноября 2007 г. состоялся «круглый стол», посвященный обсуждению проекта плана совместных мероприятий отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Бурятия и органов управления архивным делом республики в связи с совместным письмом руководителя Федерального архивного агентства В.П. Козлова и председателя правления ПФР Г.Н. Батанова руководству уполномоченных органов государственной власти и территориальных структур. В письме подняты актуальные вопросы взаимодействия архивных учреждений с территориальными органами ПФР по выдаче гражданам архивных справок, связанных с их социальной защитой (пенсионным обеспечением, получением льгот и компенсаций), согласно законодательству Рос-

сийской Федерации. Заседание прошло в новом здании отделения ПФР по РБ, в актовом зале которого действовала прямая видеосвязь со всеми районными отделениями.

Управляющий отделением ПФР по РБ Е.К. Ханхалаев и начальник Управления по делам архивов РБ Л.Я. Баранникова подчеркнули важность данного мероприятия, призванного обсудить назревшие проблемы и принять определенное решение. Е.К. Ханхалаев сообщил о состоявшейся накануне встрече с Президентом РБ В.В. Наговицыным, а Л.Я. Баранникова – о предложении управления Правительству РБ создать электронную базу данных о документах по личному составу и просила отделение ПФР по РБ поддержать эту инициативу.

В своих выступлениях архивисты говорили о трудностях подготовки справок социально-правового характера, особенно запрашиваемых отделениями фонда для начисления льготных пенсий гражданам, о составе хранящихся в каждом архиве документов, претензиях к сотрудникам отделений ПФР, а также высказали пожелания по улучшению работы.

И.о. директора Объединенного архива Минсельхозпрода Н.А. Ильина привела наиболее типичные факты необоснованных требований отделений ПФР: в архивных справках по запросам граждан, оформляющих льготную пенсию, их сотрудники просят указывать полные наименования профессий, которые в таком виде никогда не назывались в документах (электросварщик ручной сварки, монтажник железобетонных конструкций и др.), а также представлять копии документов (табели учета рабочего времени, путевые листы и др.), подлежащих временному хранению и не поступающих в архивы.

Н.А. Ильина акцентировала внимание на том, что ПФР запрашивает из архивов справки о размере заработной платы оформляющих пенсию граждан за 15–20 лет, а то и весь период трудовой деятельности, хотя в соответствии с федеральным законодательством среднемесячная заработная плата определяется за пять лет. Наведение справок за более продолжительный период требует дополнительных затрат и значительно удлиняет сроки исполнения запроса. Она предложила сотрудникам ПФР разъяснять гражданам и указывать в письменной форме цель их обращения в архив, суть запроса, номер телефона, фамилию специалиста, требующего данные сведения.

Начальник отдела оценки пенсионных прав застрахованных лиц Е.Г. Очертарова подчеркнула, что в основном проблемы по подтверждению стажа ра-

боты граждан возникают по вине работников отделов кадров. Кроме того, в архивы и отделения ПФР по РБ обратилось только 35 % населения республики, многие же пока не знают о проходящей реформе, поэтому к 2011 г. сюда предположительно обратятся более 96 тыс. человек. Размер их пенсии во многом будет зависеть от качества работы архивистов.

Е.Г. Очертарова предложила внести в закон «Об архивном деле в Республике Бурятия» дополнение о бесплатной выдаче гражданам архивных справок и высказала пожелание об издании в электронной форме опубликованного межархивного справочника документов по личному составу.

Заместитель начальника отдела организации назначения и перерасчета пенсий С.С. Данзанова, начальник отдела организации работы с клиентскими службами Е.Ю. Куликова, начальник управления информационных технологий В.Г. Ильин, начальник Управления ПФР по РБ в г. Улан-Удэ П.С. Брыков предложили дополнить республиканский закон об архивном деле нормой об ответственности руководителей и конкурсных управляющих ликвидлируемых организаций за сохранность документов по личному составу.

В ходе заседания представители районных отделений ПФР по РБ по видеосвязи задавали вопросы архивистам, отвечали на их вопросы.

В заключение Е.К. Ханхалаев отметил своевременность данного совещания, его плодотворность и результат – план взаимодействия Управления по делам архивов РБ с отделением ПФР по РБ, а Л.Я. Баранникова выразила признательность за организацию «круглого стола» и надежду на дальнейшие сотрудничество в деле удовлетворения законных прав и интересов граждан, улучшения работы как ПФР, так и архивистов республики.

Н.К. Сафонова

Совещание-семинар в Самаре

16–17 октября 2007 г. филиал РГАНТД провел совещание-семинар для работников архивных учреждений Приволжского федерального округа по вопросам экспертизы ценности, упорядочения и подготовки к передаче на постоянное хранение научно-технической документации. Такие встречи, цель которых – помочь в работе с НТД архивным учреждениям регионов, где находятся организации – источники комплектования филиала РГАНТД, стали уже доброй традицией. Ранее они были организованы для специалистов Центрального, Северо-Западного и Уральского федеральных округов.

В совещании участвовали архивисты республик Башкортостан, Татарстан, Мордовской, Удмуртской и Чувашской; Кировской, Нижегородской, Самарской, Саратовской областей, г. Москвы (ЦАНТД и Главархив), а также представители архива ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат». Их приветствовал руководитель Управления государственной архивной службы Самарской области, председатель научно-методического совета архивных учреждений ПФО В.А. Белорусцев.

Рассматривались вопросы экспертизы ценности и составления перечня НТД, подлежащей постоянному хранению, систематизации и упорядочения научно-исследовательской, проектной, конструкторской и технологической документации, подготовки описей НТД и документов к передаче в государственные архивы. Собравшиеся ознакомились с формами и методами взаимодействия филиала РГАНТД с источниками комплектования, в том числе находящимися в процессе конкурсного производства и ликвидации.

Состоялся обмен мнениями об особенностях работы с НТД и проблемах комплектования ею Архивного фонда Российской Федерации. Большой интерес участники совещания проявили к научно-исследовательским разработкам филиала РГАНТД, в том числе по обеспечению сохранности документов, учету и научно-справочному аппарату, организации использования документации. Они высоко оценили изданные в 2007 г. Методические рекомендации по упорядочению и приему научно-технической документации в федеральные и государственные архивы субъектов Российской Федерации и получили их для практического применения.

Л.Ю. Покровская

Встреча архивистов Нижегородской и Костромской областей

Она состоялась в сентябре 2007 г. в рамках Соглашения о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, культурной и социальной областях, заключенного в 2000 г. администрациями Нижегородской и Костромской областей. Заседание «круглого стола» было посвящено проблемам комплектования государственных и муниципальных архивов в современных условиях. Важность обмена опытом архивных служб регионов, относящихся к разным федеральным округам, подчеркнули руководитель Комитета по делам архивов Нижегородской

области А.П. Арефьев и заместитель председателя Комитета по делам архивов Костромской области О.Ю. Кивокурцева. Большой интерес вызвали доклады О.Ю. Кивокурцевой и заведующей сектором Комитета по делам архивов Нижегородской области А.А. Глазыриной о практике пополнения архивных фондов субъектов Российской Федерации и роли органа исполнительной власти субъекта федерации в сфере архивного дела в реализации задач комплектования. Они осветили актуальную сегодня проблему передачи документов территори-

альных структур федеральных органов государственной власти и организаций в государственные архивы субъекта федерации и разные подходы в ее решении. Так, если архивисты Костромской области в целях формирования полноценной источниковой базы сохранили прежний порядок комплектования архивов документами федеральных организаций, то архивная служба Нижегородской области по поручению губернатора провела ряд мероприятий по заключению соглашений с федеральными организациями о сотрудничестве в сфере архивного дела с условием возмещения затрат на хранение документов федеральной собственности.

На заседании обсуждались также различные аспекты формирования архивных фондов, в том числе приема документов от политических партий (А.М. Елизаров, директор ГАНИКО), сотрудничества с федеральными структурами по сохранению научно-технической документации (С.В. Мохова, начальник отдела ГАСДНО), обеспечения сохранности документов организаций-банкротов (Л.Н. Сорокина, заместитель директора ГАСЗНО), комплектования государственных архивов аудиовизуальными документами (Ю.Н. Замахов, директор АрхАДНО).

Опытом работы поделились директор ЦКВАДНО А.А. Маслов, заведующая отделом ГАКО О.Ю. Долинская, заведующая отделом по делам архивов администрации Кадынского муниципаль-

ного района Костромской области Т.А. Визгунова. О перспективах использования документов в свете проблем комплектования рассказал директор ЦАНО В.А. Харламов.

На встрече говорили о трудностях в обеспечении сохранности документов по личному составу ликвидируемых организаций, обусловленных отсутствием в федеральном законодательстве норм, обязывающих ликвидаторов и конкурсных управляющих передавать документы в архивы. В числе важных проблем комплектования были названы отсутствие отраслевых перечней документов, тенденция к сокращению списков организаций – источников комплектования архивов, подготовка квалифицированных специалистов для архивов организаций и постоянный процесс их ротации. Обсуждались и другие вопросы развития архивного дела в регионах, в том числе сотрудничества в области использования документов и совместного издания сборников.

В рекомендациях предусмотрены выявление документов по истории Нижегородской и Костромской областей в государственных и муниципальных архивах и обмен их копиями, а также научно-методическими изданиями и разработками, проведение совместных выставок, конференций, совещаний. Следующее совместное заседание пройдет в 2008 г. на Костромской земле и будет посвящено работе экспертно-проверочных комиссий.

Е.К. Криницына

Совещания тувинских архивистов

24–26 октября 2007 г. в г. Кызыле состоялись заседания совета по архивному делу и экспертно-методической комиссии при Архивном агентстве Республики Тыва, а также семинар для заведующих муниципальными архивами.

На совете обсуждались работа архивных учреждений республики; итоги паспортизации государственных и муниципальных архивов, свидетельствующие об обострении проблемы загруженности

архивохранилищ в ЦГА РТ и районных муниципальных архивах, а также поступлении в архивы неупорядоченных документов по личному составу ликвидированных организаций; рассматривались вопросы обеспечения сохранности документов ЦГА РТ: проведение проверки наличия с последующим печатыванием малоиспользуемых фондов (опечатано 275 фондов), выявление особо ценных документов, составление Реестра уни-

кальных документов для включения их в Реестр уникальных документов архивных учреждений Сибирского федерального округа. Здесь же состоялось награждение почетными грамотами Росархива заведующих муниципальными архивами: Барун-Хемчикским – Ф.С. Степановой, Тес-Хемским – К.М. Чинмит, Чаа-Хольским – Д.М. Демчик.

Экспертно-методическая комиссия рассмотрела вопрос о качестве составления представляемых номенклатуры дел и описей.

На базе Тувинского государственного института переподготовки и повышения квалификации кадров Прави-

тельства Республики Тыва 24–25 октября 2007 г. проведен семинар для заведующих муниципальными архивами о внедрении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (2007 г.), где с лекциями выступили специалисты Архивного агентства Республики Тыва, начальники отделов ЦГА и отделения ПФР по Республике Тыва. По окончании обучения заведующим архивами были выданы сертификаты.

Т.Д. Ооржак

«Оставь свой след в истории»

Так назывался состоявшийся 30 октября 2007 г. на базе архивного отдела муниципального образования «Джидинский район» по инициативе его заведующей Н.Я. Сюсиной семинар муниципальных архивистов Республики Бурятия, координаторами и организаторами которого были Управление по делам архивов республики, местные администрация и архивный отдел.

Работники архива к семинару подготовили выставку документов из личных фондов «Праздники XX века в открытках», отражающих характерные черты советской эпохи. Гости узнали о владельцах личных архивов, принятых на хранение в архивный отдел МО «Джидинский район», и о путях поступления этих документов.

Семинар открыли первый заместитель главы Джидинского района Н.Н. Сухарева и заместитель начальника Управления по делам архивов В.Ц. Лыскова, которая вручила награды и памятные подарки Н.Я. Сюсиной в связи с 55-летием. Сюрприз юбиляру преподнесли коллеги-равнинцы: они нашли документы о ее пребывании на Еравнинской земле, куда она вместе с мужем приехала по направлению и отдала много труда, сил и энергии для создания детского сада,

была его первой заведующей. Надежде Яковлевне вручили подготовленный архивистами красочно оформленный буклет.

Выступления ведущего специалиста управления М.Г. Омельченко, начальника отдела использования и публикации документов НАРБ Л.А. Шапхоевой, заведующих архивными отделами МО «Селенгинский район» К.С. Ткачевой и «Кяхтинский район» О.Б. Ринчиновой были посвящены Дню памяти жертв политических репрессий.

Н.Я. Сюсина попыталась показать роль личности в истории региона на материалах ряда архивных фондов. Копии некоторых документов проецировались на экран. Например, постановление Джидинского аймапотребсоюза № 45 от 16 июня 1964 г., где сообщалось о премировании ученицы Баянской восьмилетней школы Наташи Пашинской подарком стоимостью 3 руб. за хорошую организацию сбора яиц у населения и оказание помощи в выполнении государственного плана по закупке яиц. Затем перед участниками семинара выступила сама «героиня», рассказавшая о своем жизненном пути и о том, что ценным подарком, о котором говорится в документе, была металлическая фляж-

ка с портретом первого летчика-космонавта СССР Ю.А. Гагарина.

На слайде, запечатлевшем группу тружеников сельского хозяйства, награжденных почетными грамотами Президиума Верховного Совета Бурятской АССР в ознаменование 300-летия добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства, среди прочих был молодой помощник бригадира комплексной бригады колхоза «Улан-Торей», впоследствии заведующий отделом Джидинского райисполкома, ныне помощник председателя Народного у-

рала Республики Бурятия Зана Галсанович Тумуров. Он также присутствовал на встрече и поделился своими воспоминаниями о том событии.

Заведующие архивными отделами муниципальных образований рассказали об уроженцах Джидинского района, проявивших себя в других сферах жизни республики, и о своих земляках, оставивших заметный след в истории. Семинар дал импульс к более целенаправленному сбору документов личного происхождения муниципальными архивистами.

**Н.Я. Сюсина,
Н.К. Сафонова**

«История развития земледелия на территории Волгоградской области XIX–XX вв.»

Так называлась состоявшаяся 23 ноября 2007 г. научно-практическая конференция, организованная комитетом по управлению архивами администрации Волгоградской области на базе Нижне-Волжского научно-исследовательского института сельского хозяйства Россельхозакадемии (НВ НИИСХ), с участием архивистов, ученых, руководителей научных учреждений и сельскохозяйственных организаций, фермеров.

Собравшихся приветствовали председатель комитета Л.И. Будченко и заместитель главы администрации области П.П. Чумаков, отметившие что эта встреча положила начало сотрудничеству архивистов с представителями науки в целях всестороннего изучения истории региона.

На пленарном заседании были заслушаны три доклада: Л.И. Будченко «Состав и содержание документов Архивного фонда Волгоградской области по истории развития земледелия на территории Волгоградской области»; заслуженного агронома России, народного академика, канд. с.-х. наук Ф.Л. Козловцева «Результаты внедрения системы сухого земледелия в Волгоградской области» и сотрудника ВНИИАЛМИ, заслуженного деятеля науки А.М. Степанова «История

развития агролесомелиорации в Нижнем Поволжье».

После заседания участники конференции посетили музей НВ НИИСХ, ознакомились с документами, предоставленными Госархивом Волгоградской области. Особый интерес вызвали «План Быковской оброчной статьи Быковской волости», датированный 1859 г., а также документы из личного фонда д-ра с.-х. наук проф. К.Г. Шульмейстера.

На заседаниях двух секций («Историческая», «Использование научного потенциала системы сухого земледелия солонцовых почв Заволжья») были заслушаны 33 сообщения по различным аспектам развития земледелия, в частности «Севооборот как оптимальная оценка развития земледелия Нижнего Поволжья на вековом отрезке истории Камышинского опытного поля (1905–2005 гг.)» (П.А. Смутнев, зав. лабораторией НВ НИИСХ), а также по истории НВ НИИСХ (О.Н. Гурова, зам. директора института), о вкладе Н.И. Вавилова в развитие сельскохозяйственной науки Нижне-Волжского региона (В.И. Буянкин, агроном-технолог ЗАО «Агропроминвест»), 50-летнем опыте продуктивного использования солонцовых почв на примере Палласовского района (В.А. Лазарев, фермер) и др.

Здесь же были озвучены работы, подготовленные учеными других регионов, в том числе мл. науч. сотр. Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН М.М. Маннапова «Из истории развития хозяйства башкир Степного Заволжья».

При подведении итогов конференции отмечалось, что подобные встречи способствуют развенчанию мифа о закрытости архивов, недоступности их для широкого круга исследователей и позволяют научным работникам разных отраслей увидеть в архиве центр средоточия необходимых им документов.

Л.И. Будченко

Выставки

Архивы представляют

7 ноября 2007 г. в Московском музее современного искусства (Тверской бульвар, 9, галерея «Зураб») открылась выставка **«Петр Оцуп. Пространство Революции: Россия. 1917–1941 гг.»**, подготовленная Минкультуры России, Росархивом, Правительством и департаментом культуры Москвы, Российской академией художеств, РГАКФД, ГИМЗ «Горки Ленинские», Московским музеем современного искусства, Музеем истории фотографии (Санкт-Петербург), при участии rARTner Project Group (Москва) к 90-летию Октябрьской революции в России.

Выставка подлинных фотографий Петра Оцупа – проект, соединяющий произведения искусства первой половины XX в. и их современную научную и художественную интерпретацию. Здесь впервые представлено уникальное собрание РГАКФД (142 фотографии, экспонировавшиеся на прижизненных выставках Петра Оцупа в 1940, 1947 и 1956 гг.), фотоснимки из собрания музеев «Горки Ленинские» и истории фотографии.

Петр Адольфович Оцуп (1883–1963) – выдающийся российский фотограф, автор известных во всем мире снимков исторических событий XX в., портретов видных деятелей революции 1917 г., русской культуры и первых лиц советского государства 1920–1930-х гг. С 1900 г. он работал в журнале «Огонек»,

в качестве фотографа участвовал в русско-японской войне, снимал на фронтах Гражданской войны, с 1918 по 1935 г. был фотографом в Кремле, позднее сопровождал членов советского правительства в поездках по стране. В 1962 г. награжден орденом Ленина.

Фоторепортер и мастер «кремлевских портретов» 1920–1930-х гг., Петр Оцуп стремился запечатлеть возможно полнее и точнее свое время. Долгие годы его снимки украшали первые полосы журналов и газет, по рисункам с его снимков делались барельефы на орденах Ленина, изображения вождя на советских деньгах. Первая персональная выставка Оцупа в 1940 г. объехала 49 городов СССР. До сих пор его произведения экспонируются на выставках по истории России XX в. и публикуются во многих странах мира. В конце жизни он стал живой легендой в искусстве фотографии.

П.А. Оцуп действительно был ярким представителем старой школы профессиональной фотографии, мастером света и многофигурных сцен. Приемы его съемки начала 1920-х гг. опередили стиль того времени и даже спустя десятилетия не были осмыслены в полной мере. Выставка показала, насколько масштаб творчества этого мастера отличается от сложившегося в советской литературе представления о нем.

Н.А. Буравченко

* * *

24 декабря 2007 г. в Выставочном зале федеральных государственных архивов открылась выставка **«Архивная Россия. Новые поступления 1992–2007 гг.»**, организованная Государственным архивом Российской Федерации. Она явилась итогом целенаправленной работы последних пятнадцати лет по собиранию, изучению и возвращению на Родину наследия русской эмиграции.

Прошедшие через аукционы и частные собрания многие документальные свидетельства российской истории уже вернулись в Россию и переданы в ГАРФ. Среди именитых дарителей – внук генерала М.В. Алексеева М.М. Борель, М.А. Деникина-Грей, семья Ротшильдов, С.В. Савинков, Ю.А. Тарала, правящий князь Лихтенштейна Ханс-Адам II и другие (в списке тех, кто доверил хранение своих собраний, – свыше 60 владельцев и коллекционеров). Собрания по истории России передали также Гуверовский институт войны, революции и мира, Музей русской культуры в Сан-Франциско, общество «Посев» (Франкфурт-на-Майне).

В экспозицию включены только оригиналы документов, фотографии и редкие издания, в том числе эмигрантская периодика, которых нет в других архивных или библиотечных фондах.

Демонстрировавшиеся материалы принадлежат представителям всех «волн» русской эмиграции и отражают географию современной русской диаспоры – от Европы и Америки до Австралии. Их вклад в историю мировой культуры, науки и иных областей жизни является равноправной ветвью развития русской культуры метрополии.

Материалы из Музея русской культуры Сан-Франциско – собрание книг, документы, коллекция микрофильмов по истории русской эмиграции; архивы императорской фамилии (дневники великого князя Михаила Александровича, переписка Александра II со своей морганатической женой княгиней Юрьевской, бумаги и личные вещи великого князя Андрея Владимировича и его жены – балерины М.Кшесинской); архивы и коллекции русской эмиграции от Харбина до Парижа и многое другое составили визуально-экспозиционный ряд выставки.

Для историков особый интерес представляли микрофильмы документов Гуверовского института войны, революции и мира, являющихся ценнейшими источниками по русской истории первой половины XX в. Материалы данного раздела – итог многолетнего научного сотрудничества архивов Российской Федерации и США.

Л.И. Петрушева

* * *

19 октября 2007 г. в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина (СОИКМ) при финансовой поддержке Правительства Самарской области открылась выставка **«Дорога в пятый океан: мы покоряем космос»**, организованная филиалом РГАНТД в г. Самаре и СОИКМ в честь знаменательных дат: 100-летия со дня рождения С.П. Королева, 150-летия со дня рождения К.Э. Циолковского, 50-летия со дня запуска первого искусственного спутника Земли.

На открытии присутствовали представители Государственного научно-производственного ракетно-космического центра «ЦСКБ – Прогресс»: А.М. Солдатенков – Герой Социалисти-

ческого Труда, в прошлом заместитель генерального конструктора, Г.Я. Сонис – бывший начальник технического отдела, много лет участвовавший в запуске космических кораблей с космодрома «Байконур», а также изобретатели Самарской области, исследователи истории ракетостроения, преподаватели Самарского государственного аэрокосмического университета им. С.П. Королева и все интересующиеся историей отечественной науки и техники. Их приветствовали директор музея Л.В. Кузнецова, директор филиала РГАНТД в г. Самаре И.Н. Давыдова, зам. директора РГАНТД Л.В. Успенская (г. Москва).

Экспозиция знакомила с историей отечественного ракетостроения и кос-

монавтики, уникальными документами из фондов РГАНТД и его филиала в г. Самаре, Госархива Самарской области, Самарского областного госархива социально-политической истории и подлинными музейными предметами из СОИКМ. Здесь можно было увидеть фотографии Ю.А. Гагарина во время посещения г. Куйбышева (ныне Самара); документы и личные вещи космонавта С.В. Авдеева, установившего абсолютный рекорд продолжительности пребывания человека в космосе; репринтные издания работ К.Э. Циолковского, заявочные материалы на изобретения летчиков-космонавтов СССР В.В. Аксенова, Г.Т. Берегового, А.А. Леонова, Л.И. Попова, отчеты о научно-исследовательских работах Летно-исследовательского института им. М.М. Громова и Научно-исследовательского института парашютостроения; описания изо-

бретений самарских инженеров, конструкторов и ученых Г.П. Аншакова, Н.Д. Кузнецова, В.П. Лукачева, М.Б. Овденко, А.М. Сойфера и др.

К открытию выставки филиалом РГАНТД в г. Самаре издан аннотированный каталог архивных документов по истории отечественного ракетостроения и космонавтики за период с 1921 по 1978 г., состоящий из шести разделов, каждый из которых сопровождается вступительной статьей.

Выставку и издание каталога, осуществленные на средства гранта Министерства культуры и молодежной политики Самарской области, выигранного филиалом РГАНТД в г. Самаре в 2007 г. в рамках реализации Мероприятий по патриотическому воспитанию граждан в Самарской области на 2007–2010 годы, по достоинству оценили гости и посетители экспозиции.

М.К. Сурнина

* * *

В выставочном зале Госархива новейшей истории Костромской области 6 декабря 2007 г. открылась выставка документов «**Костромичи – Герои Советского Союза**» из фондов архива и Волгоградского музея-панорамы «Сталинградская битва». На шести витринах было размещено 94 экспоната, в том числе 30 фотодокументов. Они рассказывали о первых костромичах, удостоенных звания Героя Советского Союза в 1937 г., участниках гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. уроженцах Кологривского (Д.Г. Павлов) и Поназыревского (Н.К. Шатров, посмертно) районов. В годы советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Героями Советского Союза стали еще пятеро костромичей:

И.Ф. Бирцев (посмертно), К.А. Егоров (посмертно), П.И. Крылов, П.И. Кулейкин, В.С. Мичурин.

Среди экспонатов – постановление Президиума Верховного Совета СССР об установлении в Костроме бронзового бюста дважды Героя Советского Союза главному маршала авиации А.А. Новикова, копии документов о присвоении звания Героя Советского Союза уроженцу Чухломского района Н.А. Лебедеву, погибшему во время Сталинградской битвы (подписан командующим Донским фронтом К.К. Рокоссовским); майору Г.А. Троицкому (посмертно), протаранившему вражеский самолет, Ю.В. Смирнову; и др.

А.М. Елизаров

Н.М. Коржавин – гость РГАЛИ

15 ноября 2007 г. Российский государственный архив литературы и искусства встречал дорогого гостя – Наума Моисеевича Коржавина. Приезд поэта почти совпал с возвращением в Россию из Бостона его творческого архива, решение о безвозмездной передаче которого Наум Коржавин принял в свой прошлый визит на Родину, когда в РГАЛИ поступили первые документы архива. Росархив и РГАЛИ провели непростую организационную подготовку перемещения архива; большую помощь им оказали сотрудники МИД России, доставившие его в Москву дипломатической почтой.

В читальном зале РГАЛИ собрались архивисты, друзья поэта, читатели, исследователи и др. Открывший встречу руководитель Федерального архивного агентства В.П. Козлов, давний друг Наума Коржавина, подчеркнул необычность условий передачи архива: он будет доступен всем желающим по завершении научного описания, но об обращениях к его документам Н.М. Коржавин просит ставить в известность его самого и супругу Л.С. Мандель. Почувствовав искреннюю заинтересованность аудитории, Наум Моисеевич не только рассказал о том, как было принято решение о передаче документов, но и очень точно обозначил предназначение архивов: «Не знаю, что ждет нашу страну в культурном плане, но архивы должны сохранять память о том, что было, на что люди надеялись, чего ждали».

Личный фонд Наума Коржавина в РГАЛИ пополнился весьма существенно. Помимо творческих материалов поэта здесь есть документы, сохранившие и воссоздающие эмоциональные связи с нашими соотечественниками, оказавшимися в разные годы по тем или иным

причинам за пределами России. В своем выступлении В.П. Козлов высказал интересное наблюдение: «Когда Наум Моисеевич увез свой архив за границу, огромный пласт был выброшен из нашей культуры. Он мог бы осесть где-нибудь в Колумбийском университете, но сегодня произошло чудесное и символическое возвращение архива на Родину. Мы словно извиняемся за наших отцов, которые столь несправедливо отнеслись к людям, так чувствовавшим наши беды».

В РГАЛИ вернулись, прежде всего, рукописи стихотворений, проза и публицистика Наума Коржавина разных лет; обширная и интересная переписка с деятелями культуры, в том числе с Ю.И. Айхенвальдом, В.П. Аксеновым, В.Н. Войновичем, Ю.П. Мориц, В.П. Некрасовым, С.Б. Рассадным, Б.М. Сарновым, В.А. Синкевич, историками А.А. и В.Г. Зимиными и многими другими; редкие зарубежные издания и публикации его произведений, фотографии, живописные портреты, книги с дарственными надписями из личной библиотеки, афиши, программки и записи поэтических вечеров и концертов. Документы охватывают более пяти десятилетий ушедшего века и начало нынешнего столетия. Символическим и замеченным самим Н.М. Коржавиным фактом: его документы в РГАЛИ встретились с документами его ближайших друзей киевской юности – Б.А. Чичибабина и Р.З. Заславского.

В заключение, к большой радости собравшихся, Наум Коржавин прочитал свои стихотворения: «Последний язычник», «Церковь Спаса-на-крови», «В чужой стране», «Баллада об историческом недосыпе», вспомнив при этом свое 40-летней давности выступление в ЦГАЛИ СССР.

Л.М. Бабаева

Форс-мажор в хранилище РГАДА

В воскресенье 14 октября 2007 г. около 18 час. ответственному дежурному архивного городка по ул. Б.Пироговская, 17 поступил сигнал датчика пожарной сигнализации из хранилища РГАДА. Оказалось, что в хранилище первого корпуса разорвало прокладку отопительной батареи и горячая вода заливает документы. Ответственный дежурный, представители милиции, сотрудники Объединения по эксплуатации и техническому обслуживанию федеральных архивов (ОЭТО) Росархива и находившийся в помещении архива сотрудник РГАДА С.С. Ермолаев приняли меры по отключению водоснабжения, а также стали вычерпывать вылившуюся в межстеллажные проходы воду. О случившемся поставили в известность руководство Росархива и РГАДА.

15 октября в 10 час. силами сотрудников архива началась эвакуация пострадавших документов из хранилища. В читальный зал вынесли 2053 ед. хр. из восьми фондов XVIII в. («Московская печатная контора», «Медицинская коллегия», «Медицинская канцелярия», ряд следственных комиссий). Одновременно из помещения удалили намочившие архивные коробки, а пострадавшие дела сразу же отправляли на просушку во второй читальный зал. Для этой цели РГАНТД и ООО «Солид» доставили «тепловые пушки», которые работали ежедневно под контролем электриков ОЭТО.

Быстро выяснилось, что для просушки дел большого формата в толстых кожаных переплетах (от 500 до 2,5 тыс. л.) необходимо перекаладывать листы влагопоглощающей бумагой. Сначала использовался безвозмездно переданный типографией ОЭТО материал, затем закупили в достаточном количестве бумажные полотенца, что значительно облегчило и ускорило работу. По мере увлажнения бумаги проводилась многократная (от трех до пяти раз) перекладка листов каждого дела, после этого они подсушивались у «тепловых пушек» и напольных вентиляторов во втором читальном зале и кабинете директора архива. Небольшая часть дел два дня подсушивалась в рабочей комнате Выставочного зала федеральных государственных архивов.

Дела просушивали три недели. Появившиеся пятна плесени обрабатывали спиртом и химикалиями, сухую плесень удаляли ватными тампонами. К концу второй недели стало ясно, что некоторые дела не полностью высыхают из-за плотной брошюровки, поэтому 26 из них были расшиты реставраторами РГГУ и дополнительно просушены в течение двух дней. Кожаные переплеты, на которых замечена плесень, обрабатывали тимолом.

31 октября работы завершили, все дела возвратили в хранилище. После этого реставраторы провели контрольный осмотр пострадавшего документного комплекса, определили общее количество нуждающихся в дополнительной реставрации дел (в первую очередь особо ветхие и расшитые), в архивохранилище установили вентиляторы для интенсивного проветривания.

В те дни коллектив архива трудился не только на просушке, но особенно самоотверженно – заведующий архивохранилищем центральных учреждений XVIII в. В.А. Кадик. Выражаем искреннюю благодарность всем откликнувшимся на нашу беду. В первую очередь – реставраторам: сотруднику архива М.А. Волчковой, заведующей отделом ВХНРЦ им. Н.Э. Грабаря Н.Л. Петровой, начальнику лаборатории микрофильмирования и реставрации документов РГАНТД П.А. Придадько, заведующей лабораторией реставрации Архива РАН Н.Ф. Паламарь (она предоставила архиву два аппарата для очистки воздуха в читальном зале), заведующей центром консервации НБ РГГУ А.В. Шумиловой; специалистам Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино и ГосНИИР И.Н. Луневу, Д.М. Борзову, И.А. Шиловой, Е.Е. Фроловой, Л.Н. Евсиковой, О.А. Хохловой, Е.А. Соколовой; микологом-энтологом ВНИИДАД, ГосНИИР и РГГУ Н.Л. Ребриковой, М.Б. Дмитриевой, Т.Н. Большаковой, З.П. Дворяшиной (они провели исследования и дали архиву рекомендации о дальнейшей работе с пострадавшими документами); исследователями Л.Ю. Астахиной, А.Ю. Дубинскому, В.С. Краснощекову, С.В. Сироткину, активно участвовавшим в спасении документов.

Уже в ноябре ликвидация последствий аварии вступила в новую фазу – началась реставрация наиболее пострадавших дел на средства, выделенные Росархивом. Появились перспективы устранения самих причин катастрофы (в храни-

лище функционирует система водяного отопления, которой более 100 лет), и отопление будет переоборудовано на воздушное. Руководство Росархива поручило ОЭТО срочно заняться проектированием новой системы.

И.А. Балакаева,
заслуженный работник культуры РСФСР

Переезд РГАВМФ завершен

В конце декабря 2006 г. принято в эксплуатацию новое здание Российского государственного архива Военно-Морского Флота. В течение первого полугодия 2007 г. силами немногочисленного трудового коллектива завершена подготовка к перемещению архивных фондов из центра на окраину города, в которой особенно отличились начальник отдела Л.И. Буслова, главные специалисты Л.Ф. Обручникова и Г.Н. Федорова, ведущие специалисты Л.В. Бабышева, Л.М. Бошкова и Л.В. Рысина. Транспортировка ценнейших материалов была доверена Санкт-Петербургскому филиалу ФГУП «Главный центр специальной связи», а погрузка и разгрузка – ООО «НЕВИСС». Первая машина с документами ушла с Дворцовой площади 3 сентября, ежедневно отправлялось по 6–8 специ-

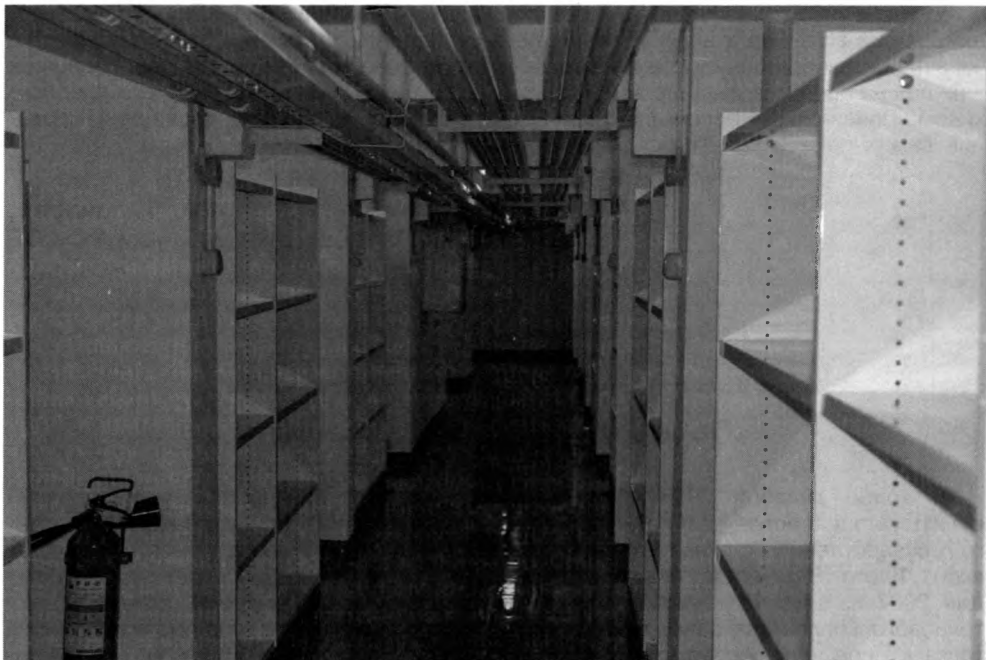
ально оборудованных машин в сопровождении вооруженной охраны. Работа велась на двух площадках, и, благодаря слаженным действиям всех структур, переезд прошел быстро и организованно, что позволило всего за три с половиной месяца перевезти 786 500 ед. хр. Непосредственно в отправке и приеме документов участвовали менее 40 сотрудников РГАВМФ под общим руководством директора архива В.С. Соболева. Отлично потрудились как ветераны архива (В.Н. Гудкин-Васильев, Н.А. Гоц, Т.П. Мазур, Л.И. Спиридонова), так и молодежь (А.Ю. Емелин, Е.Г. Азарова, М.Г. Едемская, Н.О. Фоницева и И.Б. Шелухина). Закончен важный этап в работе по перемещению фондов, но впереди не менее сложный – освоение нового многоэтажного комплекса архива.

М.Е. Малевинская,
кандидат исторических наук

В РГАЭ началась модернизация архивохранилищ

6 декабря 2007 г. состоялась презентация обновленного архивохранилища (первого из 42) площадью 314 кв. м с высотой потолка 2,2 м и 25 окнами. В процессе ремонта сделан наливной пол, оштукатурены и покрашены стены и потолок, отремонтированы оконные от-

косы и заменены рамы, установлены защитные металлические решетки в оконных проемах, смонтированы современные автоматизированные системы охранно-пожарной сигнализации, ветхое деревянное стеллажное оборудование заменено современными металличе-

ми стеллажами мобильного и стационарного типов от ЗАО «Средмашкомплект».

Полная стоимость текущего ремонта, систем охранно-пожарной сигнализации, поставки и монтажа стеллажного оборудования, других работ и услуг составила около 4,7 млн руб.

В результате модернизации емкость хранилища увеличилась более чем на 45 %. Теперь здесь можно разместить 8040 стандартных архивных коробок с документами, в случае крайней необходимости – еще 855 коробок на верхних полках мобильных стеллажей.

Н.В. Асатрян

Публикаторский успех тамбовских архивистов

Главная цель сборника документов «Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» – максимально полное, точное, равновесное отражение жизни региона в данный период. Его территория не подвергалась боевым действиям, что обусловило сохранность документов, находящихся ныне в Центре документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО), Госархиве Тамбовской области (ГАТО), архивах организаций, отделов ЗАГС. После Победы усилиями ученых и других

неравнодушных к истории Отечества людей источниковая база истории области пополнилась ценнейшими материалами устной истории, мемуарами, уникальными коллекциями писем военного времени. В итоге мы сегодня располагаем достаточными материалами для изучения жизни региона в годы войны.

Отобранные для публикации источники сгруппированы по проблемно-хронологическому принципу, позволяющему наилучшим образом выделить главные направления жизни Тамбовщины

в годы войны, расчленив синергетическую связку ее явлений и сторон на отдельные составляющие и расположить документы по этим линиям от предвоенных дней через военные годы к первым послевоенным месяцам.

В спектре главных направлений общественной жизни того периода оказались военно-мобилизационная работа, материально-техническое и продовольственное снабжение войск, их медико-санитарное обеспечение; промышленность, транспорт и связь; финансы, торговля, продовольственное и материальное снабжение населения; сельское хозяйство, боевая работа тамбовцев на фронте и в тылу противника; социально-демографическое развитие; образование, медико-санитарное обеспечение населения, наука и культура; быт и нравы, психология различных слоев и групп общества; власть, государственные органы, их структура, деятельность и кадры. Очевидно, что отражение в структуре сборника всех этих сфер жизни превращает его в настоящую документальную энциклопедию Тамбовской области 1939–1946 гг. Первые пять проблемных блоков с 783 документами и комментариями к ним вошли в 1-й том, остальные с 16 самостоятельными разделами – во 2-й, равный по объему 1-му тому.

В сборник включены разнообразные иллюстрации: в 1-м томе их 148, во 2-й при условии достаточного финансирования предполагается поместить цветные иллюстрации, исключенные из 1-го тома. Практически все они являются уникальными, информативными, самостоятельными источниками, дополняющими текстовые документы. Это репродукции добровольческих заявлений, писем, следственных материалов, справок, повесток, извещений и др.

При подготовке сборника составители учли, что подобное издание невозможно без широкого и полного исторического комментария, объяснения устаревших слов и специальных терминов, расшифровки сокращений, поскольку читатели разного возраста и уровня знаний должны получить возможно более полные пояснения по любому термину, географическому названию, имени, явлению, встречающимся в публикуемых документах. Огромная и тщательнейшая работа специалистов ЦДНИТО, прежде всего, работников

редкого исторического и археографического чутья, таланта и самоотдачи М.М. Дорошиной и И.И. Муравьевой, по поиску и составлению подробных биографических справок о более чем тысяча персон превратила этот вид комментария в самостоятельный по сути и очень ценный раздел сборника. Только в 1-й том вошло около 800 подробных биографических справок о людях тех лет – от колхозницы-ударницы до секретаря ОК ВКП(б), и практически каждая из них является документом из фондов ЦДНИТО. Для большей их полноты в целях выяснения послевоенной судьбы человека архивисты запросили сведения из архивов не только Тамбовской области, но и федеральных и 10 областных госархивов России, а также стран СНГ. Так, в 16 биографических справках, включенных в примечания к пятому разделу 1-го тома («Сельское хозяйство»), фигурируют фонды пяти архивных учреждений Тамбовской области, государственных архивов Орловской и Воронежской областей, РГАСПИ и Национального архива Республики Беларусь. При таком подходе в 1-м томе удалось опубликовать фактически почти 1600 документов.

С той же тщательностью выполнен и географический указатель, который охватил около 1800 наименований населенных пунктов, упомянутых только в 1-м томе. Географический (более 2,5 тыс. топонимов) и именной (3 тыс. имен) указатели к обоим томам помещены во 2-м томе.

Расшифровка встречающихся в документах сокращений (в списке лишь 1-го тома около 1400 слов) потребовала от составителей немалых усилий.

Почти все документы сборника уникальны и публикуются впервые. Во 2-й том вошли воспоминания тамбовских фронтовиков (от рядового до командующего фронтом), колхозников, рабочих, учителей, артистов, партийно-советских работников; личные письма, медико-демографическая статистика облздраводела и отделов ЗАГС, документы органов народного образования, культуры, юстиции, допросы диверсантов, фольклор военных лет и многое другое.

Большое количество опубликованных документов находилось в госархивах на секретном хранении, но теперь они доступны пользователям.

Выходу в свет столь значительного для Тамбовской области издания способствовали не только правильная организация работы творческого коллектива, помощь директора ЦДНИ-ТО Л.В. Проваловой, но и поддержка первого заместителя начальника Управления культуры и архивного дела И.П. Журавлева, усилиями которых были организованы техническая обработка тысяч отобранных архивных документов, финансирование, рецензирование сборника и «поощряющее внимание» к нему со стороны руководства области, а составители ограждены от ненужных советов и действий. Перед нами редкий для крупного и коллективного издания по истории Великой Отечественной войны случай, когда от за-

мысла до выхода в свет сборник прошел без единой потери, сохранил задуманную целостность.

Составители стремились, чтобы читатель получил полную и точную информацию по любому вопросу жизни Тамбовской области в годы войны, во всех его реальных взаимосвязях и в развитии. Данное издание, предназначенное для применения «в школе и дома», закрывает одну из пробоев в «корабле» современного российского исторического образования, становится препятствием на пути забвения того времени, невежества и недомыслия в деятельности, определяющей «самостоянье человека, залог величия его». К этому призывают опубликованные в сборнике документы.

В.Л. Дьячков,
кандидат исторических наук

Вышли в свет

В 2007 г. издательством РОССПЭН выпущена книга **Л.А. Лыковой «Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи: Историографический и археографический очерк»**. Имя автора хорошо известно всем, кто интересуется данной темой. В 1998 г. Людмила Анатольевна опубликовала в VIII выпуске «Российского архива» подборку документов расследования Н.А. Соколовым обстоятельств гибели царской семьи. Книга, положенная в основу докторской диссертации, стала закономерным итогом многолетней работы профессионального историка-архивиста.

Она состоит из введения, пяти глав, приложений, списка источников и литературы, именного указателя, основана на подлинных материалах расследования обстоятельств убийства императорской семьи, начавшегося в 1918 г. в Екатеринбурге и завершившегося в 1924 г. в Париже. В книгу включены уникальные источники из российских архивов, а также переданные в ГАРФ документы архи-

ва Н.А. Соколова из Княжества Лихтенштейн, материалы Правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи.

Ссылаясь на конкретные документы, Л.А. Лыкова неоднократно отмечает искажения подлинных текстов документов, допущенные некоторыми исследователями екатеринбургской трагедии. Например, в 1989 г. Э.С. Радзинский опубликовал «Записку» Я.М. Юровского в журнале «Огонек» (№ 21) и при этом «искажил текст и не прокомментировал этот ценнейший источник» (С. 92). Он также «переиначил смысл содержания телеграммы Ф.И. Голощекина и Г.И. Сафарова Г.Е. Зиновьеву от 16 июля 1918 г., заменив слова подлинного текста “условленного суда” на слова “условленной казни”» (С. 49). Другой известный писатель и кинорежиссер Г.Т. Рябов в своей работе «изменил описание местности сокрытия останков, указанное Я.Юровским» (С. 63).

Практически в каждой главе книги есть множество интереснейших фактов. Автор иногда прямо указывает путь для новых исследований, намечает темы диссертаций, дает ссылки на архивные фонды, и тот, кто внимательно изучит монографию, несомненно, найдет в ней немало полезного. Вот, например, тема, связанная с ролью Германии в судьбе императорской фамилии, в свое время поднятая еще следователем Н.А. Соколовым: «Представляется доказанным, что как попытка к свержению власти Временного правительства в июле месяце 1917 г., так и самый переворот 25 октября 1917 г. имели в своей основе помощь немцев и их интересы» (С. 196). Или высказанный в 1928 г. И.В. Сталиным одному из участников убийства Ф.И. Голощекину «запрет упоминать, а тем более публиковать что-либо о династии Романовых» (С. 23). В том же году была расформирована экспозиция «расстрельной» комнаты в Свердловском областном музее революции (располагался в доме Ипатьева), а в 1936 г. из здания был убран и сам музей.

Говоря о причастности вождя революции к екатеринбургскому убийству, Л.А. Лыкова отмечает: «Ленин был гениальным политиком, и в ряде документов, составляющих секретную опись фонда № 2 в РГАСПИ*, есть его письма, записки, где он просит не оставлять письменных свидетельств» (С. 50). Анализ документов убедительно подтверждает: Ленин был в курсе разыгравшейся трагедии. Вместе с тем делалось все, чтобы скрыть факт расстрела бывшего императора от Европы. Полномочный представитель советского правительства в Германии А.А. Иоффе вспоминал, что Ф.Э. Дзержинский рассказал ему «о категорическом запрете Ленина сообщать о расстреле царя кому бы то ни было, а конкретно Иоффе, чтобы ему там было легче врать» (С. 74). На основании ответа Ленина на запрос газеты

National Tidende, утверждавшего, что бывший царь жив и капиталистическая пресса лжет о его убийстве, некоторые исследователи и поныне делают ошибочный вывод о непричастности Ленина «к самоуправным действиям уральских большевиков» (С. 74).

В книге есть немало ценнейших архивных находок. Впервые проанализирован такой уникальный источник, как протоколы допросов крестьян. Вот один из фрагментов: «Стали смотреть другой костер у самой березы. Там тоже стали находить разные пуговицы, крючки, пряжки. Нашли мы пуговицы с гербами, стекла. Видели мы, тут дело не простое. Видать, что прямо одежду тут сжигали с людей не простых. А как нашли мы крест из камней, ну, тут мы все и поняли, что государя тут жгли. Собрали мы все вещи, какие нашли, и тут же ушли» (С. 123).

До сих пор остается неясной история возвращения в Россию документов следствия Соколова. Считается, что они хранились в одном из парижских банков и после оккупации Франции были «разысканы и вскрыты немецкими оккупационными властями», а в 1945 г. обнаружены военнослужащими Группы советских оккупационных войск в Германии в подвальном помещении склада г. Бернау. Пропавший 10-й том следствия до сих пор не найден, но тщательный анализ документов позволил автору установить его содержание по записям следственных действий в настольном реестре Н.А. Соколова.

Хорошее полиграфическое исполнение книги радует, но ее небольшой тираж (1000 экз.) особенно заметен на фоне огромного количества «популярных» изданий по этой теме, с версиями, которые опираются не столько на анализ документов, сколько на догадки и фантазии их авторов. В этой связи работа Л.А. Лыковой, несомненно, будет способствовать установлению исторической правды.

А.В. Репников,
доктор исторических наук

* В 1992 г. опись фонда № 2 была рассекречена. (Примеч. ред.)

* * *

В 2007 г. вышел библиографический указатель **«Государственный исторический архив Новгородской области»**, подготовленный его сотрудниками Т.И. Антоновой, С.В. Моисеевым, Т.Б. Чуйковой. Небольшое издание (всего 44 с.) охватывает практически все виды печатной продукции, как местной, так и центральной, с 1919 по 2006 г., и стало фактически первым опытом систематического изложения ретроспективной информации об архиве.

Указатель открывает вступительная статья составителей, знакомящая со структурой, концепцией и особенностями справочного издания. В историческом очерке об архиве, подготовленном его директором Т.Б. Чуйковой, рассказывается о главных событиях его жизни, составе фондов, уникаль-

ных документах, а также о современной деятельности. Библиографический список насчитывает 213 публикаций, из которых 56 посвящены непосредственно истории самого архива. В остальных разделах помещены сведения о вышедших в свет справочниках по фондам, обзорах, каталогах и перечнях документов, включая особо ценные и новые поступления, статья по организации использования фондов и документальных публикациях. Самостоятельно выделен раздел об изданиях архива, включающий 33 библиографических описания, большинство из которых – сборники документов и справочники по Новгородике.

Брошюра снабжена списками упомянутых в ней изданий и сокращений, именованным указателем.

Г.А. Мельничук

* * *

Научное издание **В.В. Федосова «Экономика архивного дела»** (Минск, 2007) – первая работа, в которой экономические проблемы рассматриваются в русле архивоведения и во взаимосвязи с экономикой государства. В ней представлены такие важные направления, как маркетинг в архивной деятельности, экономические аспекты научно-исследовательской деятельности архивов и их материально-технического обеспечения, экономика труда, экономические аспекты информатизации архивной службы, экономическое мышление ра-

ботников архивных учреждений и др. Последний вопрос в работах архивистов не поднимался.

В книге учтены все основополагающие разработки ВНИИДАД в области организации труда, экономического анализа деятельности архивов и маркетинга архивной информации.

Издание предназначено для работников архивных учреждений, студентов, аспирантов. Знание основ экономики архивного дела позволит архивистам ставить необходимые производственные задачи и выбирать оптимальные методы их решения.

**В.Е. Соболев, кандидат экономических наук,
Л.П. Шотина**

* * *

Госархивом Хабаровского края издан сборник **«Мастера кисти и резца»**, где впервые опубликованы малоизвестные документы о творчестве художников региона начиная с 1920-х гг.

В книге три главы. Первая посвящена становлению изобразительного искусства на Дальнем Востоке (1920–

1945 гг.). Уникальным источником в изучении этого периода являются семь номеров журнала «Творчество» за 1920–1921 гг. (из восьми, увидевших свет), хранящиеся в ГАХК. Здесь опубликованы статьи о художниках П.Любарском, В.Пальмове, С.Лукашеве и скульпторе И.Жукове, репродукции ра-

бот Г.Комарова, М.Аветова, В.Арсова, Д.Бурлюка.

Заслуживает внимания обзор Г.В. Гусака об изобразительном искусстве Дальневосточного края с дореволюционного времени и Гражданской войны и интервенции до начального периода советизации и социалистического строительства на Дальнем Востоке.

К концу 1920-х гг. в Хабаровске насчитывалось свыше 20 художников. В газете «Тихоокеанская звезда» 8 июля 1927 г. была опубликована заметка «Художники Дальнего Востока, организуйтесь!», в которой сообщалось, что 5 июля по инициативе художников Хабаровска здесь состоялось первое собрание работников художественного искусства: живописи, декоративной живописи и скульптуры. 25 ноября 1939 г. отдел искусств по Хабаровскому краю учредил оргкомитет Союза советских художников по Хабаровскому краю. Эту дату и принято считать днем основания краевой организации художников. Но официально она оформилась в феврале 1941 г. после утверждения оргкомитетом Союза советских художников СССР. В июне 1944 г. состоялась первая краевая конференция с участием 28 художников из Биробиджана, Благовещенска, Комсомольска-на-Амуре, Уссурийска, Хабаровска, из них членами союза было 20 человек.

В первой главе представлены также документы о создании и деятельности Дальневосточного художественного музея, художественных выставках, работе художников в годы Великой Отечественной войны.

Вторая глава сборника освещает проблему взаимоотношений власти и

творчества во второй половине XX в. Здесь опубликованы решения партийных и советских органов власти края в сфере развития культуры и искусства, документы о сооружении памятников Е.П. Хабарову, партизанам, В.И. Ленину в Хабаровске, героям-партизанам в Николаевске-на-Амуре, открытии в Хабаровске художественной галереи и салона-магазина и др.

В третьей главе даны документы личных фондов деятелей искусств: художника-графика Н.И. Туркина, одного из организаторов Хабаровского отделения Союза художников СССР, директора Дальневосточного художественного музея; живописца А.В. Шишкина, организатора Хабаровского отделения Союза художников СССР; заслуженного художника России В.Е. Романова; художника Е.М. Фентисова и других, их письма, воспоминания, дневниковые записи.

Научно-справочный аппарат сборника, в том числе именной указатель, поможет читателю в поисках нужной статьи и документа о творческой деятельности каждого художника. Существенно расширяет информационные возможности предисловие, подготовленное первым заместителем министра культуры Хабаровского края, доктором культурологии, канд. ист. наук С.Н. Скориновым.

Читателя не оставят равнодушным и иллюстрации, рассказывающие о красоте и величии Дальнего Востока, отображенных в творчестве художников и архивных документах ГАХК.

Сборник документов предназначен для ученых, преподавателей истории, культурологии, искусствоведения, а также музейщиков, краеведов, студентов и всех, кто интересуется историей края.

Л.В. Салева

* * *

В 2007 г. Симферопольское издательство «СГТ» выпустило в свет библиографический указатель «**Филимонов С.Б. Сергей Борисович Филимонов**» к 60-летию выпускника МГИАИ, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой российской истории Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, академика Крымской академии наук,

известного историка краеведения в России. В его многочисленных монографиях и статьях исследуется процесс развития этого широкого культурного и общественного движения, своеобразный «золотой век» краеведения, прерванный сталинскими репрессиями рубежа 1920–1930-х гг., судьбы людей – историков, краеведов, ученых, литераторов, религиозных и общественных

деятели, искореженные безжалостной эпохой. По мнению автора вступительного очерка председателя фонда «Искусство во имя Христа» Георгия Когонашвили, «труды Филимонова потому и получили широкое научное и общественное признание... что их автор был, есть и... останется истинным рыцарем без страха и упрека, без лжи и компромиссов, преданно служащим своей возлюбленной Истории» (С. 3).

Основной раздел – список печатных трудов – включает 375 наименований за 1970–2007 гг. В именном указателе лиц, жизни и деятельности которых посвя-

щены труды С.Б. Филимонова, 124 фамилии. Завершающий раздел «Литература о жизни и трудах С.Б. Филимонова» содержит 95 наименований за 1973–2007 г. Публикации подразделяются по годам, а внутри каждого года – в алфавитном порядке.

Указатель проиллюстрирован цветной четырехстраничной вклейкой, где можно увидеть С.Б. Филимонова рядом с его научным руководителем, учителем профессором Сигурдом Оттовичем Шмидтом, определившим путь своего ученика в науке, а также снимки обложек двенадцати книг С.Б. Филимонова.

И.Э. Сивопляс

Родовой архив крестьян Мокеевых

В Архангельской области, в музее с. Черевкова (Черевковский филиал Красноборского историко-мемориального и художественного музея) хранится уникальный семейный архив черевковских крестьян Мокеевых, включающий 529 деловых бумаг и других документов. Это целостный документальный комплекс, всесторонне освещающий жизнь крестьянского рода на протяжении более полутора веков. В середине 60-х гг. прошлого века местный краевед, основатель сельского музея учитель В.А. Пономарев получил его от внука последнего владельца архива П.И. Мокеева – А.И. Яковлева. До сих пор не введенный в научный оборот семейный архив позволяет изучить правовые и имущественные отношения северного крестьянина, пути формирования и становления его хозяйства, особенности быта и взаимоотношений в северной деревне.

Документы охватывают период с конца XVII до середины XX в., 423 из них относятся к XIX в., 99 – к XX в., семь – представляют собой копии документов XVII–XVIII вв. В архиве отложились различные материалы и деловые бумаги четырех поколений Мокеевых: Алексея Степановича, его сына Николая, внука Ивана, правнука Петра и их ближайших родственников. В нем хранится около

200 документов, освещающих различные этапы всевозможных судебных разбирательств (некоторые тянулись годами и даже десятилетиями), в которых приходилось участвовать Мокеевым. Они выступали и истцами, и ответчиками, и поверенными в делах других крестьян, которые обращались к ним как к людям, разбирающимся в тонкостях юридической практики и уверенно чувствовавшим себя чуть ли не во всех российских судебных инстанциях. Так, дело о правах Мокеевых на земли в деревне Астафьевской дважды рассматривалось на заседаниях Правительствующего Сената, несколько раз по этому делу издавались императорские указы, оно неоднократно слушалось в Сольвычегодском уездном и земском судах, Вологодском губернском правлении, Вологодской гражданской палате. Мокеевы вели переписку с Министерством финансов, Министерством государственных имуществ, Департаментом горных и соляных дел.

Большой интерес представляют документы, отражающие внутрисемейные конфликты, в частности касающиеся разделов наследственного имущества.

Помимо семейных бумаг в архиве отложились различные документы, связанные с работой волостного правления, которое несколько лет возглавлял

Н.А. Мокеев, а также касающиеся общественной деятельности семьи: в 1836 г. сельский мир выбрал Федора Мокеева поверенным по постройке новой колокольни для приходской церкви.

Привлекают внимание самодельные расходные книжки, куда скрупулезно внесены все издержки: транспортные, на питание, ночлег в дороге, ведение

судебных разбирательств и даже взятки различным должностным лицам. Сохранились записки о долгах, расходах по оплате труда наемных работников.

Семейный архив Мокеевых наглядно демонстрирует вековые традиции северного крестьянства по собиранию и бережному хранению фамильных документов.

В.И. Щипин

Вятский епархиальный архив продолжает пополняться

В декабре 2007 г. из Троицкой церкви с. Чудиново Орловского района Кировской области в архив поступили две хорошо сохранившиеся храмозданные грамоты второй половины XVII в., написанные скорописью в столбец, с круглой красной сургучной архиерейской печатью.

Первая, 1647 г., является благословенной грамотой патриарха Иосифа на строительство теплой деревянной церкви во имя Святой Троицы с приделом во имя Иоанна Предтечи в Чудиновской волости Великоорецкого стана Хлыновского уезда. В ней отмечены имена челобитчиков «Сидорки Шишкина со товарищи». Грамота утверждена красной сургучной печатью с надписью «Божией милостью Патриарх Московский и всея Руси Иосиф» и изображением двуперстной сложенной архиерейской десницы.

Другая, 1682 г., представляет собой благословенную грамоту архиепископа

Вятского и Великопермского Ионы на разборку старой теплой Троицкой церкви и перестройку ее в холодную и строительство на новом месте теплой деревянной церкви в честь Рождества Христова. В грамоте содержатся рекомендации архиепископа по строительству храма и утилизации отходов при перестройке старого. Она также утверждена красной сургучной печатью, но поврежденной, с надписью «Божией милостью архиепископ Вятский и Великопермский Иона» и изображением именословного перстосложения архиерейской десницы.

Документы поступили на постоянное хранение в фонд Троицкой церкви с. Чудиново. В рамках соглашения с Госархивом Кировской области документы в ближайшее время будут отреставрированы. Исследователям грамоты предоставят как в электронных, так и бумажных копиях.

Священник Андрей Дудин

Проверена организация делопроизводства и архивов учреждений здравоохранения Кировской области

В первом полугодии 2007 г. Управление по делам архивов Кировской области провело комплексную проверку организации делопроизводства и архивов учреждений здравоохранения. Были

обследованы все 10 источников комплектования Госархива Кировской области: Департамент здравоохранения Кировской области, областные клинические больницы, Кировская государст-

венная медицинская академия, Кировский НИИ гематологии и переливания крови. Обращалось внимание на наличие нормативных документов, проведение экспертизы ценности и упорядочения документов постоянного хранения и по личному составу, исполнение запросов граждан и организаций, условия сохранности документов.

Итоги инспектирования подводились на совместном заседании коллегии Управления по делам архивов Кировской области и Департамента здравоохранения, участники которой ознакомились со сводной информацией о состоянии архивов учреждений системы здравоохранения – источников комплектования ГАКО. Департаменту здравоохранения было

рекомендовано усилить контроль за обеспечением сохранности документов в подведомственных учреждениях, содействовать укреплению материальной базы их архивов; руководителям учреждений здравоохранения – ликвидировать задолженность по упорядочению документов, обновить номенклатуры дел, инструкции по делопроизводству, положения об архивах и экспертных комиссиях, выделить дополнительные помещения для хранения документов и улучшить его условия; облгосархивам – активизировать методическую помощь в разработке нормативных актов учреждениям здравоохранения, включить в план приема на ближайшие годы документы, хранящиеся сверх установленного срока.

Л.Б. Нелюбина

Студенческая практика в ЦГА Республики Тыва: подведение итогов

18 октября 2007 г. в Тувинском государственном университете состоялась конференция «Сотрудничество историков и архивистов в интересах настоящего и будущего» по итогам учебной архивной практики студентов исторического факультета, которую они начиная с 1997 г. проходят в течение трех недель с 3-го курса. В ходе лекций и экскурсий опытные специалисты госархива рассказывают об истории ЦГА Республики Тыва, основных направлениях деятельности, интересных документах, организации их хранения и использования, системе научно-справочного аппарата, работе читального зала, реставрационной лаборатории и научно-справочной библиотеки. На практических занятиях особое внимание уделяется формированию у будущих исто-

риков навыков работы с документами.

Преподаватели и старшекурсники рассказали о выявлении архивных документов для своих научных исследований. По документам ЦГА РТ за 10 лет архивной практики подготовлено 45 курсовых и дипломных работ различной тематики. Третьекурсники поделились впечатлениями об архивной практике, а Шагдыр Хандыма – о проведении своего первого школьного урока по истории Республики Тыва с использованием архивных документов.

Участники конференции отметили необходимость продолжения учебной практики в ЦГА РТ, ее важную роль в развитии у студентов исследовательского, творческого подхода к изучению истории родного края.

Т.А. Бондаренко

Памяти О.М. Медушевской

9 декабря 2007 г. не стало Ольги Михайловны Медушевской, профессора кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, доктора исторических наук, ученого, педагога, замечательного человека.

Ольга Михайловна родилась в Москве 6 октября 1922 г. в семье служащих. В 1941 г. поступила в Историко-архивный институт, окончив его с отличием, в 1944 г. была направлена в научно-издательский отдел Главного архивного управления НКВД (МВД) СССР. С сентября 1948 г. училась в аспирантуре МГИАИ у А.И. Андреева, В.К. Яцунского и других выдающихся ученых, по ее окончании осталась в институте на кафедре вспомогательных исторических дисциплин. В 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию «Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке в XVIII в.» и продолжила трудиться преподавателем и доцентом (с 1955 г.) кафедры. В эти годы О.М. Медушевская опубликовала в периодических и других изданиях ряд статей о методах исследования и публикации картографических источников, русских землепроходцев XVII в. и участниках географических экспедиций XVIII в., создала учебные пособия по источниковедению и исторической географии. Эта большая исследовательская работа завершилась изданием в 1964 г. академического «Атласа русских географических открытий в Северной Америке и на Тихом океане», который Ольга Михайловна подготовила совместно с А.В. Ефимовым и М.И. Беловым.

Переломными в творчестве ученого стали 1960-е гг., когда она обратилась к сопоставлению опыта отечественного и зарубежного источниковедения, концептуальных построений советской и зарубежной историографии. В 1966 г. О.М. Медушевская одной из первых в нашей науке подняла на страницах журнала «Вопросы истории» проблему отношения к понятию «цивилизация», которое отбрасывалось марксистско-ленинской историографией как чуждая и ненаучная историческая категория. В научной печати появлялись ее статьи о состоянии исследования источников и вспомогательных исторических дисциплин в науке Болгарии, ГДР, Польши, Франции, Чехословакии; обозрения зарубежных (преимущественно французских и немецких) исторических журналов; работы по теоретическим проблемам советского источниковедения. Эти наблюдения и размышления были обобщены в докторской диссертации «Теоретические проблемы источниковедения» (1975 г.) и книгах «Теоретические проблемы источниковедения» (М., 1977), «Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения» (М., 1979), «Современное зарубежное источниковедение» (М., 1983), «Источниковедение социалистических стран» (М., 1985). Прекрасно осознавая взаимосвязи источниковедения и архивоведения, ценность для последнего теоретического и практического опыта источниковедов, О.М. Медушевская участвовала в некоторых крупных начинаниях архивистов, в частности в подготовке «Краткого словаря архивной терминологии» (М.; Л., 1968) и «Словаря современной архивной терминологии социалистических стран» (М., 1982, 1988).

Создав основы для понимания источниковедения в контексте мировых и отечественных исследований, Ольга Михайловна сделала следующий, много более сложный шаг – попыталась сомкнуть источниковедение с философией, теорией и методологией истории, проблемами гуманитарного познания в целом.

При непосредственном участии О.М. Медушевской и во многом по ее инициативе в перечне обязательных дисциплин МГИАИ, а затем и других учреждений высшего гуманитарного и исторического образования появился курс «Теория и методология истории» с соответствующими учебными программами и методическим обеспечением. Было окончательно реабилитировано имя академика А.С. Лаппо-Данилевского и поставлен вопрос о научном переиздании его «Методологии истории». В выступлениях Ольги Михайловны на научных конференциях, статьях и книгах, учебной литературе осуществлен переход из области, ранее подчиненной единственно принятой исторической концепции и диктуемых ею методов, в сферу эпистемологии гуманитарного знания, теории и методологии истории, историче-

ской антропологии, а также взаимодействия культур, наук, дисциплин – всего, имеющего в своем основании продукт целенаправленного творчества людей, исторический источник. Этот подход открывал новые горизонты для собственно источниковедческого исследования. В учебных пособиях, подготовленных кафедрой при самом активном участии Ольги Михайловны («Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» (М., 1998), «Методология и теория истории» (М., 2001)), учебно-методических модулях «Вспомогательные исторические дисциплины», «Методология и теория истории», «Источниковедение: Программы курсов и планы семинарских занятий», «Источниковедение: Проблемные лекции» (2001–2005 гг.), программных статьях сборников конференций кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ значительная часть новых идей была реализована. О.М. Медушевская стала одним из создателей и лидеров современной источниковедческой школы.

Безукоризненно скромная, Ольга Михайловна не стремилась к внешним проявлениям признания. Член ученого совета РГГУ и его ученый секретарь на протяжении всего времени существования университета (с 1991 г.), член советов по защите докторских диссертаций, Археографической комиссии РАН и ряда других совещательных органов науки и высшей школы, она всегда предпочитала работу почетным. Но О.М. Медушевская в числе первых получила почетное звание заслуженного профессора РГГУ. Ее почитали как символ настоящего ИАИ, как хранительницу его лучших традиций.

О.М. Медушевской выпала нелегкая судьба страны и ее народа: не осталось почти ни одного драматического явления XX в., которое прямо или косвенно не прошло через ее жизнь. В этой драме случилось молчать, но никогда ни на йоту она не изменила себе, не утратила жизнелюбия и светлого оптимизма, уважения к обществу, стране и ее истории, участия и внимания к человеку, заботливости по отношению к ученикам и коллегам.

Светлая память об Ольге Михайловне навсегда сохранится в сердцах близких, друзей, коллег, учеников, знакомых и тех, чей путь в науке и жизни во многом был определен ее идеями и мыслями.

Коллеги

Памяти А.Д. Червякова, ученого, библиографа, архивиста

3 апреля 2007 г. на 59-м году ушел из жизни замечательный человек, коренной москвич, хранитель отечественного рукописного наследия и исследователь Алексей Дмитриевич Червяков. Почти четверть века он проработал в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ныне – РГБ).

А.Д. Червяков поступил туда в 1965 г. на должность экспедитора, уже через год стал младшим библиотекарем, ответственным за реставрацию и переплет редких книг и особо ценных изданий в группе хранения отдела редких книг. Окончив в 1971 г. Московский государственный институт культуры по специальности «Библиотековед, библиограф высшей квалификации» и отслужив в армии, он перешел на работу в отдел рукописей, где последовательно занимался историей и экспертизой рукописных собраний. Алексей Дмитриевич делал все возможное, чтобы обработанные им фонды становились доступными исследователям. Обязательным его правилом была консультативная помощь не только коллегам, но и читателям отдела.

В 1978 г. он возглавил титаническую работу по разбору долгое время невостребованных архивных материалов и сумел сформировать описи крупнейших ар-

живов Московской духовной академии, Троице-Сергиевой лавры, Свято-Введенской Оптиной пустыни и др. Спустя годы накопленные знания воплотились в подготовленных им к публикации «Письмах великих оптинских старцев», выдержавших два издания (2003 и 2006 гг.).

В 1982 г. (совместно с В.М. Федоровой) были написаны обзоры архивов Шибановых, а в 1986 г. – известного ученого А.Зерновой (опубликованы в «Записках Отдела рукописей»). В 1981–1987 гг. Алексей Дмитриевич участвовал в работе над справочником «Рукописные собрания ГБЛ» (Вып. 1–2), заявив о себе как о серьезном, хорошо подготовленном археографе и книговеде.

Разносторонние знания и интересы привели А.Д. Червякова на ниву образования, в музейное дело и журналистику. Он читал курс «Поэтика библиографической работы» и руководил дипломными проектами в Московском полиграфическом институте, работал в Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, читал там лекции по истории древнерусской культуры. В начале 1990-х гг., будучи заместителем главного редактора «Московского журнала», определял направления его развития; являясь экспертом по проблемам культуры в Моссовете, проводил значительную работу по возвращению исконных имен московским улицам; трудясь в Комиссии по свободе совести, вероисповедания, милосердия и благотворительности, выступал за передачу православных храмов РПЦ.

С 1993 г. Алексей Дмитриевич работал в Психологическом институте РАО, где подготовил к публикации труды забытых российских психологов XIX – начала XX в. (Г.И. Челпанов, Л.М. Лопатин, В.В. Зеньковский), книгу «Психологический институт на Моховой», устроил выставку «Психологическому институту им. Л.Г. Щукиной – 80 лет», с 1995 г. участвовал в организации Челпановских чтений.

В 1994–2003 гг. А.Д. Червяков был одним из руководителей программы научных исследований Центрального регионального отделения РАО «Образование как механизм формирования духовно-нравственной культуры общества». Он внес основополагающий вклад в разработку Концепции национально-региональной компоненты государственного стандарта образования, предложил экспериментальную модель регионального межведомственного учебного комплекса для подготовки преподавателей дисциплин родниноведческого цикла и разработав программы «Родниноведение», «Духовно-нравственные традиции русского народа» и др. Алексей Дмитриевич – автор концепции первой в России кафедры «Православная педагогика», открытой на филологическом факультете Тольяттинского филиала Самарского государственного педуниверситета в 1995 г. (с 2002 г. – «Православная словесность» филологического факультета Тольяттинского госуниверситета), которая успешно функционировала в течение 10 лет и удостоена гранта Международного фонда «Развитие через образование». Он выступал с лекциями для работников образования в городах России и СНГ.

Его плодотворный труд и активная жизненная позиция были отмечены и государством. В 1998 г. он стал лауреатом Государственной премии России за создание и внедрение авторской модели «Система психологического обеспечения развивающего образования на основе теории социогенеза» для региональных систем образования. Прошедшие в Белоруссии в июне 2007 г. православные III Международные Свято-Пантелеимоновские образовательные чтения были посвящены памяти А.Д. Червякова как одного из их организаторов.

Алексей Дмитриевич навсегда останется примером понимания долга перед Родиной и служения науке, духовному возвышению народа.

Родные и коллеги

Наши авторы

- Бабаскина Татьяна Викторовна* – управляющая делами администрации Обоянского района Курской области.
- Боброва Виктория Сергеевна* – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и политических дисциплин Омского гуманитарного института.
- Воробьева Юлия Семеновна* – д-р ист. наук, г. Москва.
- Демчук Галина Владимировна* – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института экологических проблем Севера Уральского отделения РАН, г. Архангельск.
- Жалсанова Бутит Цыдымункуевна* – главный специалист отдела научно-справочного аппарата Национального архива Республики Бурятия, г. Улан-Удэ.
- Менделеев Александр Георгиевич* – д-р ист. наук, профессор факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
- Меняйленко Маргарита Кветославовна* – архивист Музея русской культуры в Сан-Франциско, член правления музея, г. Сан-Франциско, США.
- Микрюкова Мария Александровна* – начальник отдела научно-исследовательской и методической работы Центрального государственного архива Удмуртской Республики, г. Ижевск.
- Минаков Андрей Сергеевич* – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета.
- Муромцева Светлана Михайловна* – председатель Комитета по делам архивов Оренбургской области.
- Наумова Ольга Алексеевна* – начальник Управления по делам архивов Вологодской области, заслуженный работник культуры Российской Федерации.
- Рокутова Ольга Александровна* – научный сотрудник издательства «Научно-технический центр», г. Самара.
- Рынков Вадим Маркович* – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, доцент Новосибирского государственного университета.
- Татиевская Людмила Ефимовна* – канд. ист. наук, главный специалист организационного отдела управления организации и обеспечения деятельности федеральных архивов Федерального архивного агентства, г. Москва.
- Тюрина Галина Андреевна* – преподаватель иностранных языков Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва.
- Юрганова Ирина Ивановна* – канд. ист. наук, главный специалист Комитета государственной архивной службы при Правительстве Республики Саха (Якутия), г. Якутск.

CONTENTS

Articles and reports: *History and practice of archival matter and record keeping*: **I.I. Yurganova**. Yakutiya archives: unknown pages of history (XVIIIth century – 1917); **V.S. Bobrova**. From the history of delimitation between Siberia and Kazakhstan archives in 1920–1930; **M.K. Menyaylenko**. 60th Anniversary of the San Francisco Russian culture museum; **G.V. Demchuk**. XVIIth century's land- surveying books of the Dvinsk district about land property relations in the Russian North; **S.M. Muromtseva**. Consolidation of municipal archives material resources in the Orenburg area. *An archive presentation*: **T.V. Babaskina**. The Obojansk municipal archive. *In funds of the Russian archives*: **G.A. Tyurina**. Professor H.F. von Matthey's letters at the Russian National library collection. 1805–1806; **O.A. Rokutova**. Family upbringing of orphans in documents of the State archive of Samara region. 1941–1950; **M.A. Mikryukova**. Documents of the Central archive of the Udmurt Republic on state-confessional policy carried out from the end of 1950th up to the middle of 1960th. * * * «...At the time we used to thinking only about our beloved historico-archival science». An interview given by **B.S. Ilizarov**. Publications of document: «The reform is carried out first last and all the time...» Documents of the National archive of the Buryat Republic about district reform in the Zabaykaljsk region. 1901–1904. By **B.C. Zhalsanova**. Critiques and bibliography: **A.S. Minakov**. Yakutia governors' reports on Yakutiya history; **Yu.S. Vorobieva**. Shipov D.N. Memoirs and thoughts on emotional experiences; **V.M. Rynkov**. Vologodskiy P.V. At the helm and in exile: Prime minister's diary book, a former head of anti-Bolshevik governments and an émigré in China (1918–1925); **A.G. Mendeleyev**. CPSU(b), Comintern and Korea. 1918–1941; **O.A. Naumova**. Oreshina M.A. From an archive heritage of cultural workers of the Russian North (second half of the XIXth – beginning of the XXth century); **L.E. Tatievskaya**. Romanov M.Ya. My fatherland and my family tree: an author-to-reader talk. Information and chronicle.

SOMMAIRE

Articles et communications: *Histoire et pratique de l'archivistique*: **I.I. Jurganova**. Les archives de l'Yakoutie: pages inconnues de l'histoire (du XVIIIème siècle jusqu'à 1917); **V.S. Bobrova**. De l'histoire de la délimitation des archives de la Sibérie et du Kazakhstan dans les années 1920–1930; **M.K. Meniajlenko**. Le musée de la culture russe à San Francisco célèbre son 60ème anniversaire; **G.V. Demtchouk**. Les livres d'arpentage («verevnye») du district de Dvina du XVIIème siècle sur les relations foncières dans le Nord Russe; **S.M. Mouromtseva**. Affermissement de la base économique des archives municipales de la région d'Orenbourg. *Archives à présenter*: **T.V. Babaskina**. Les archives municipales d'Obojan'. *Dans les Fonds des archives russes*: **G.A. Tjurina**. Lettres du professeur Ch.F. von Matthei dans la collection de la Bibliothèque nationale de Russie. Les années 1805–1806; **O.A. Rokoutova**. Education familiale des orphelins dans les documents des archives d'Etat de la région de Samara. Les années 1941–1950; **M.A. Mikrjukova**. Documents des Archives Centrales d'Etat de la République de l'Oudmourtie sur la politique confessionnelle d'Etat de la fin du 1950 jusqu'au milieu de 1960. * * * «Nous pensions seulement à notre science d'archives aimée». L'interview de **B.S. Ilizarov**. Publications des documents: «La Réforme est faite irrévocablement...» Documents des archives Nationales de la République de Bouriatie sur la réforme de volost dans la région au delà le Baïkal. Les années 1901–1904. Publication préparée par

B.Ts. Zhalssanova. Critique et bibliographie: **A.S. Minakov.** L'histoire de l'Yakoutie dans les rapports des gouverneurs de Yakoutskaï; **J.S. Vorobjova.** Chipov D.N. Souvenirs et pensées sur les épreuves de la vie; **V.M. Rynkov.** Vologodskij P.V. Au pouvoir et en exil: Journal du premier-ministre des gouvernements antibolchevistes et de l'émigrant en Chine (de 1918 à 1925); **A.G. Mendeleev.** Parti communiste de l'Union soviétique, Komintern et Corée. Les années 1918–1941; **O.A. Naoumova.** Orechina M.A. De l'héritage d'archives des hommes de la culture du Nord Russe de la deuxième moitié du XIXème jusqu'au début du XXème siècle; **L.E. Tatievskaja.** Romanov M.J. Ma Patrie et ma Généalogie: conversation de l'auteur avec le lecteur. Information et chronique.

Номер подготовили:

Главный редактор: **Бондарева Татьяна Ивановна**
Заместитель главного редактора: **Кобелькова Лариса Александровна**
Редакторы отделов: **Водопьянова Зоя Константиновна,**
Осин Владимир Михайлович,
Ситникова Валентина Васильевна
Ведущий редактор: **Виноградова Вера Михайловна**
Корректор: **Островская Галина Алексеевна**
Компьютерная верстка: **Карпухина Елена Валентиновна**

Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала «Отечественные архивы»».
Наш адрес: 119992, Москва, ГСП-2, Б. Пироговская, 17
тел. 245-09-01, 580-87-32, тел./факс 246-03-00
E-mail: otech_arch@mail.ru; otech_arch@mtu-net.ru
<http://www.rusarchives.ru/publications/otecharh/index.shtml>

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. № 1303.

*УЧРЕДИТЕЛИ: редакция журнала,
Росархив.*

Подписано в печать 24.01.2008. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,6. Усл. кр. отт. 10,4. Уч.-изд. л. 15.
Тираж 2520 экз.

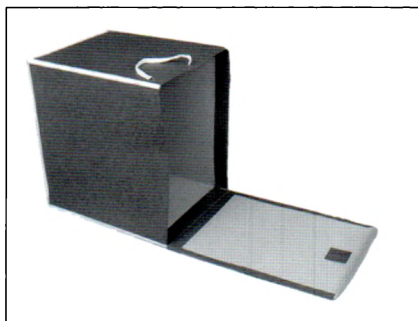
Заказ № 2032. Цена для подписчиков 160 руб., в розничной продаже – свободная.

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru; E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8 (49672) 6-25-36; 8 (499) 270-73-00
отдел продаж услуг многоканальный: 8 (499) 270-73-59

ООО «СТАТУС»

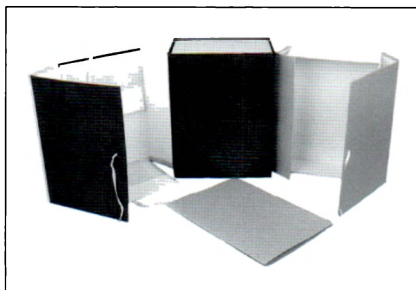
(г. Пушкино Московской области)

Предлагает высококачественную продукцию из бумаги и картона любого формата: архивные коробки, папки, книги учета, тубусы (для хранения чертежей, картин и др.), конверты отечественного и импортного (Румыния, Польша, Германия, Франция, Финляндия) производства, а также бланки и карточки.

Архивные коробки из плотного переплетного и электрокартона, с откидной крышкой, с клапанами. Оклейка углов и сторон различными материалами (коленкор, ледерин, бумвинил).

Архивные папки различных конструкций и размеров (с клапанами, с «ребешком» на четыре прокола, со скоросшивателем, с арочным механизмом), оклеенные различными материалами (белая или крафт-бумага, бумвинил, ледерин, коленкор и др.), на завязках и без них.

Архивное оборудование (стеллажи, шкафы, разделители для стеллажей, сейфы) из металла, покрытое крошкovidной краской.

Возможно изготовление продукции по образцам заказчика, в том числе с логотипом.

Разумное сочетание цены и качества.

Доставка в регионы.

Контактные телефоны:
(495) 710-71-67, 710-71-68, 710-71-69.

E-mail: info@status21.ru

Web: <http://www.status21.ru>

ЗАО «Средмашкомплект» предлагает:

Максимальное использование объема в зависимости от конфигурации помещения, по собственной разработке или по размерам заказчика!!!

- ✓ Стеллажи передвижные, стационарные, двухъярусные, для киноплёнок.
- ✓ Шкафы, комоды.
- ✓ Выставочное оборудование.
- ✓ Тележки различного назначения.

Бесплатный выезд для замеров помещений, предложим оптимальный вариант размещения оборудования.

**Нашими клиентами уже стали
Госфильмофонд России, Объединение «Гознак»,
федеральные государственные архивы (ГАРФ, РГВИА,
РГАЭ, РГАНТД и др.), музеи, администрации ряда областей.**

115409, г. Москва, Каширское шоссе, д. 33.

Т/ф 324-65-14, 324-80-95.

www.yellow-pages.ru/srmkomplekt

E-mail: sredmash@vnipipt.ru